

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

SARAH DAVIES

POPULAR OPINION IN STALIN'S RUSSIA

**TERROR,
PROPAGANDA
AND DISSENT,
1934-1941**

CAMBRIDGE
UNIVERSITY PRESS
1997

САРА ДЭВИС

СЕМЯ

МНЕНИЕ НАРОДА В СТАЛИНСКОЙ России

ТЕРРОР,
ПРОПАГАНДА
И ИНАКОМЫСЛИЕ,
1934–1941

Москва
2011

УДК 929(092)
ББК 63.3.92.06-28
Д94

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Дэвис С.

Д94 **Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941** / С. Дэвис ; [пер. с англ. В. Н. Морозова]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 231 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1605-6

Работа Сары Дэвис посвящена исследованию откликов простых людей на события 1934–1941 гг. в СССР по документам НКВД, материалам съездов, письмам и другим источникам. Оно показывает, что официальная пропаганда и репрессии не смогли окончательно заглушить голос народа. Люди продолжали критиковать Сталина и советский режим, жаловались на различные политические решения. В книге рассматривается их отношение к социальной и экономической политике, к террору, к культу личности; освещается огромный важный пласт социальной, политической и культурной истории России.

ISBN 978-5-8243-1605-6

© Cambridge University Press, 1997
© Морозов В. Н., перевод на русский язык,
2011
© Российская политическая энциклопедия,
2011

УДК 929(092)
ББК 63.3.92.06-28

Посвящается всем тем, кто не боялся говорить правду

ОТ АВТОРА

Эта книга — продукт архивной работы, которая проводилась в России в счастливые 1992–1993 гг., когда в распоряжении исследователей впервые оказалось огромное количество сверхсекретных документов. За доступ к ним я очень признательна архивистам всех учреждений, где я работала, и особенно Таисии Павловне Бондаревской и покойной Ирине Ильмаровне Сазоновой из ЦГАИПД СПб.

Докторская диссертация, на основе которой написано это исследование, создавалась под присмотром Мэри Маколи и Дэвида Пристлена, которые посвятили много времени и энергии тому, чтобы поддержать меня, дать мне нужные советы и сделать критические замечания. Эта книга состоялась именно благодаря их преданности и энтузиазму.

Многие другие люди щедро делились со мной советами на различных этапах работы. Рецензенты моей диссертации Крис Уорд и Кэтрин Андреев внесли интересные предложения о том, как улучшить работу, так же как и Кэтрин Мерридейл, которая читала и правила всю рукопись. Шейла Фицпатрик, чье исследование социальной и культурной истории 1930-х гг. вдохновляло меня, предложила обширный и бесценный по своему значению критический анализ.

Я бы хотела поблагодарить всех людей, которые добавляли свои замечания по ходу работы или помогали мне другими способами, в особенности Джона Барбера, Кэтрин Бреннан, Мэри Бакли, Боба Дэвиса, Пола Дьюка, Дэвида Хоффмана, Энтони Кэмп-Уэлча, Хироаки Куромиу, Наталью Лебину, Габора Риттерспорна, Льюиса Сигельбаума, Бориса Старкова, Роберта Терстона и участников семинара Чикагского университета, посвященного «письмам», в 1996 году.

Я также благодарна моим учителям из Сент-Эндрюсского университета и из Школы изучения славистики и восточноевропейских стран за то, что они поддерживали мой интерес ко всему русскому.

Мои коллеги из Даремского университета были невероятно терпеливы со мной. Алекс Грин занимался этой работой и уделил мне невероятно большое внимание; я благодарна ему, всем моим друзьям и семье за поддержку. Я хотела бы также поблагодарить издательство Кембриджского университета, Майкла Холдвортса, Джона Хэлэма и Карен Андерсон Хоуз. И наконец, в неменьшей степени я призательна за финансовую поддержку Благотворительному обществу Ливерхалма, Британской академии, Британскому совету и Фонду Пири-Рейд, а также Институту Томаса Рейда Абердинского университета. Ни одно из этих учреждений и никто персонально не несет ответственности за ошибки и недочеты этой работы, за которые отвечаю только я одна.

ХРОНОЛОГИЯ

1934

- 26 января — 10 февраля XVII съезд ВКП(б)
18 сентября СССР вступает в Лигу Наций
25–28 ноября Пленум ЦК постановляет отменить хлебные карточки с 1 января 1935 г.
1 декабря Убийство Кирова
Декабрь Выборы в местные советы

1935

- 15–16 января Процесс Зиновьева, Каменева и др.
Январь–март Массовые высылки из Ленинграда
17 февраля Принят новый примерный устав сельскохозяйственной артели (колхоза)
30–31 августа Рекорд Стаханова
22 сентября Восстановлены воинские звания
25 сентября Отмена карточек на мясо, жиры, рыбу и т. д.
14–17 ноября Первое всесоюзное совещание стахановцев.
Речь Сталина о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее»
29 декабря Указ о снятии ограничений в получении высшего образования на основании социального происхождения

1936

- 12 июня Опубликован проект новой Конституции
27 июня Постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»

18–24 августа	Процесс Зиновьева, Каменева и др.
Сентябрь	Ежов сменяет Ягоду на посту главы НКВД
Осень	Неурожай во многих регионах страны
5 декабря	Принятие новой Конституции
1937	
6 января	Неудавшаяся перепись населения
23–30 января	Процесс Радека, Пятакова и др.
18 февраля	Смерть Орджоникидзе
25 февраля – 5 марта	Пленум ЦК исключает из партии Бухарина и Рыкова и призывает к бдительности
31 мая	Самоубийство Гамарника
12 июня	Расстрел Тухачевского и других командармов
12 декабря	Выборы в Верховный Совет СССР
1938	
2–13 марта	Процесс Бухарина, Рыкова, Ягоды и др.
8 декабря	Берия сменяет Ежова на посту главы НКВД
28 декабря	Постановление «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле»
1939	
Январь	Перепись населения
10–21 марта	XVIII съезд ВКП(б) провозглашает окончание чисток
27 мая	Постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»
23 августа	Подписан пакт Молотова–Риббентропа
17 сентября	СССР аннексирует западную Польшу
29 ноября	Начало «зимней войны» с Финляндией
20 декабря	Учреждены Сталинские премии

1940

- 12 марта Мирный договор с Финляндией
- 26 июня Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»
- 2 октября Постановление «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий» и указ «О государственных трудовых резервах СССР»

1941

- 22 июня Нападение Гитлера на СССР

ВВЕДЕНИЕ

Как можно вернуть к жизни мысли и желания, надежды и чаяния «простых людей»? Зачастую их голоса заглушаются богатыми и власть имущими. В сталинской России это делалось особенно старательно. Людям не только буквально затыкали рты — расстреливали, заключали в концентрационные лагеря за высказывание «неправильных» взглядов, — но все средства массовой информации в СССР фактически пресекали любые проявления инакомыслия. Голоса инакомыслящих были вычеркнуты из истории сталинскими летописцами, но не навсегда. В письмах и сверхсекретных документах, спрятанных в архивах, эти голоса сохранились. Цель данной книги проста: освободить их и по возможности дать им прозвучать. Однако отбор и систематизация материала неизбежно будут субъективными. Читателю предлагается лишь одна из возможных интерпретаций.

Эта книга посвящена изучению общественного мнения в важный период советской истории. Период 1934–1941 гг. известен как «Великое отступление» и «Большой террор»¹. Термин «Великое отступление», придуманный социологом Тимашевым, символизирует отказ от многих ценностей и целей Октябрьской революции 1917 г. Как говорил злейший враг Сталина Троцкий, революция «была предана» и уступила место «советскому Термидору»². За русской революцией, осуществленной под лозунгами социализма и освобождения рабочего класса, последовала кровавая Гражданская война, которую изображали как классовую борьбу эксплуатируемых бедняков против богачей-капиталистов. Во время войны большевистская партия установила «диктатуру пролетариата» и ввела «военный коммунизм», т. е. ряд мер, включающих национализацию промышленности, монополию на хлеб, уничтожение свободной торговли и карточную систему. Большевики победили в Гражданской войне, однако перед лицом растущего недовольства населения в 1921 г. им пришлось от политики военного коммунизма перейти к новой экономической политике (нэпу). Они вновь разрешили свободную торговлю, только тяжелая промышленность, банки и внешняя торговля контролировались государством.

Экономика, подорванная войной и революцией, начала постепенно восстанавливаться. Однако политика нэпа была полна противоречий. Процветала «буржуазная» прослойка, представленная мелкими капиталистами — «нэпманами», которые афишировали свое богатство вочных клубах и ресторанах. Ввиду роста партии и государственного аппарата, многим, включая Троцкого и группировавшуюся вокруг него оппозицию, казалось, что страной правит «новая бюрократия». Отношения между партией и пролетариатом, который, по ее утверждению, она представляла, были напряженными, безработица продолжала терзать рабочих. Между тем Бухарин призывал крестьян «обогащаться». Их нежелание обеспечивать города хлебом ускорило экономический кризис, предвещая конец нэпа.

Нэп был нежизнеспособен экономически и неприемлем для руководства идеологически. В 1928 г. Stalin, который после смерти Ленина взял власть в свои руки, обойдя своих противников Троцкого, Каменева и Зиновьева, начал «новую революцию» сверху. Во многом она имела столь же грандиозные цели, как и революция 1917 г. Она повлекла за собой беспрецедентно быструю индустриализацию, проводимую по «пятилеткам», первая из которых продолжалась с 1928 г. до конца 1932 г. Возникли новые заводы и даже города, удвоилось количество рабочих, занятых в промышленности, разросся бюрократический аппарат. В 1929 г. началась коллективизация сельского хозяйства, когда крестьян в массовом порядке заставляли вступать в колхозы. Миллионы крестьян были расстреляны или высланы в Сибирь за сопротивление этой политике. Массовое сопротивление коллективизации так называемых «кулаков» заставило власти частично отступить, и полностью коллективизация завершилась лишь накануне Великой Отечественной войны (1941–1945). В период с 1929 по 1932 г. проводилась культурная революция: претворение в жизнь утопических планов, социальные и культурные эксперименты в широком масштабе и классовая борьба против лиц непролетарского происхождения. Утопию осуществить не удалось, зато возник социально-экономический кризис и голод 1932–1933 гг., который унес жизни миллионов людей.

В 1933–1934 гг. был взят новый курс. Лозунгом стала стабильность, а не резкие потрясения. На вторую пятилетку ставились более реалистичные цели, делались уступки крестьянам. Вместо упора на классовую войну стали проводиться пропаганда и политика, направленные на единство «всего народа». Диктатуру пролетариата заменили Конституцией, которая гарантировала каждому гражданину старше восемнадцати лет, включая тех, кто был прежде лишен избирательных прав из-за своего социального происхождения, право участвовать в тайном голосовании на выборах в Верховный Совет.

Путем выдвижения стахановцев и других героев активно пропагандировались уже не эгалитарные, а иерархические ценности. Специалистов теперь награждали, а не преследовали. Появилась новая элита, поощрялись потребительские интересы. К религии стали относиться терпимее (в определенных пределах), поддерживались крепкие семейные устои; возрождались традиции в области образования, юриспруденции и искусства. Культурная революция явно закончилась, а вместе с нею закончились и привилегии рабочих, которым теперь приходилось терпеть на заводах порядки, в некотором роде напоминающие прежние, капиталистические. В то же самое время на международной арене СССР искал союза с капиталистическими странами и в 1939 г. зашел так далеко, что подписал пакт о ненападении с фашистской Германией.

Однако это частичное возвращение к консерватизму и традициям сопровождалось «новой революцией» в виде Большого террора, в результате которого лишились своих постов многие представители элиты, а в стране воцарилась атмосфера глубокой нестабильности. Начало террору положило до сих пор не объясненное до конца убийство первого секретаря Ленинградского обкома партии Кирова 1 декабря 1934 г. Официально было объявлено, что за этим убийством скрываются старые оппоненты Сталина, Каменев и Зиновьев, что позволило Сталину в начале 1935 г. развернуть карательные акции против тысяч бывших «оппозиционеров» и «классовых врагов», преимущественно в Ленинграде. В середине 1936 г. террор разгорелся с новой силой. Каменева и Зиновьева осудили на первом из многих показательных процессов, на которых бывшим партийным руководителям вменялись в вину шпионаж и вредительство. По многим причинам террор перерос в то, что впоследствии стало называться «ежовщиной», по имени Ежова, главы НКВД, который в 1937–1938 гг. организовал преследование миллионов невинных граждан³.

Эта печальная история хороша известна. Неизвестным до сих пор оставалось, каким образом «обычные люди» реагировали на Великое отступление и Большой террор, что и стремится прояснить автор в этом исследовании. Главное внимание уделяется мнению «подчиненных» групп вообще, а не какой-то одной особой социальной категории людей, потому что выраженные мнения не могут быть приписаны четко определенным группам. В любом случае априорная категоризация социальных групп больше говорит о предположениях ученых, чем об идентичности и взглядах лиц, якобы составляющих эти группы. Детерминистские представления о том, что квалифицированные рабочие автоматически обладают революционным классовым сознанием, что у крестьян мировоззрение, естественно, отсталое и мелко-

буржуазное, что интересы служащих отличаются от интересов рабочих, сильно напоминают большевистскую идеологию. На самом деле крестьяне, рабочие, служащие и члены партии низшего эшелона часто говорили на одном и том же языке, хотя с разной степенью осведомленности. Разумеется, их проблемы не всегда были одинаковыми, и в отдельных разделах этой книги, посвященных особым интересам крестьян, рабочих и женщин, отражены такие различия. Даже само ограничение предмета исследования только группами, занимающими низкое место на социальной лестнице, в какой-то степени искусственно и предполагает наличие строгого противопоставления между людьми, имеющими власть и не имеющими ее. В период социальной нестабильности и политических чисток люди, находившиеся на самом верху, могли закончить свою жизнь внизу, и наоборот, так что некоторые мнения, выраженные членами элиты, возможно, не очень отличались от мнений людей, принадлежащих к «низшим классам».

При анализе общественного мнения тех лет необходимо учитывать роль пропаганды и принуждения в советском обществе. Это был период беспрецедентно интенсивной и постоянной пропаганды и цензуры, доведенной до абсурда. Пропаганда пронизывала все сферы общественной жизни, включая средства массовой информации, искусство и образование. Ее главные идеи, повторяемые с монотонной регулярностью, заключались в том, что жизнь в Советском Союзе безусловно отраднее по сравнению с жалким существованием рабочих при капитализме, что в СССР все люди якобы удовлетворены своей работой и высоким уровнем жизни, поддерживают решения партии и лично Сталина, которому они беззаветно преданы, и верят в социализм со сталинским лицом. Газеты всегда начинали сообщения о политическом решении или каком-нибудь важном событии со стандартной формулировки, гласившей, что «все рабочие Ленинграда/Москвы/СССР (или любого другого места) приветствовали решение/курс/приговор с радостью/одобрением/удовлетворением». Прессе, подвергавшейся сильной цензуре, запрещалось публиковать материалы о реальных чувствах широких масс. В 1927 г. цензура определила сведения о «политических настроениях», наряду с новостями о забастовках, демонстрациях, беспорядках и других подобных проявлениях недовольства, как информацию, которая не подлежит публикации, поскольку вредит «политико-экономическим интересам СССР»⁴. О неприемлемых взглядах публично упоминали только изредка и косвенно, как о «пережитках капитализма в сознании людей», проявлениях «мелко-собственнической психологии», «мелко-буржуазных чувств» и как о «вылазках классового врага».

Дабы препятствовать инакомыслию, режим прибегал не только к пропаганде и цензуре, но и к репрессиям. Людей обвиняли в «антисо-

ветской агитации» (известная статья 58-10) за выражение взглядов, которые, как считали власти, могли привести к «свержению, подрыву или ослаблению советской власти»⁵. Это была гибкая формулировка, и число осужденных по статье 58-10 сильно менялось. В спокойные времена оно оставалось сравнительно невелико, но в период коллективизации и террора 1936–1938 гг. достигало многих тысяч⁶. Во время террора человека могли осудить, если он, например, говорил, что государственный заем — дело добровольное и он желает подписатьсь не на 150 рублей, а только на 100, или за слова о том, что в Греции много разных фруктов, а в СССР мало⁷. На пике террора судили даже за мысли, и заявления вроде «Я хочу, чтобы Сталин умер» считались столь же опасными, как и реальный террористический акт, и немедленно пресекались⁸.

Какие же плоды принесли эти меры? Удалось ли с помощью репрессий и пропаганды заставить простых людей послушно проглатывать все, что им говорили власти, и хранить молчание? Или в сталинской России все-таки существовало общественное мнение, значительно диссонировавшее с официальным дискурсом?

Историки затрагивали этот вопрос, но до последнего времени им сильно мешала нехватка источников⁹. Большинство исследований посвящено взглямам интеллигенции, поскольку по этой группе источники богаче. Дебаты сводились к порой непродуктивной борьбе между сторонниками «тоталитарной» модели советского общества и так называемыми ревизионистами, причем этот спор доминировал настолько, что почти не оставил места для других точек зрения.

Не имеет смысла повторять все аргументы обеих сторон, за исключением тех, что касаются вопроса об общественном мнении¹⁰. Поборники «тоталитарной» модели игнорируют советское общество¹¹, которое считают атомизированным и подчиненным абсолютному контролю государства. Они подчеркивают использование последним пропаганды и принуждения и делают вывод, что «массы» либо со всем соглашались, поскольку им промыли мозги, либо противостояли режиму непримиримо, но безмолвно. Ревизионисты, напротив, представляют общество как активную и независимую силу, а не просто придаток государства. В стремлении опровергнуть мысль своих оппонентов о запуганных, недовольных и зомбированных мас- сах некоторые ревизионисты пытаются показать существование социальной базы, на которую опирался Сталин, среди, например, выдвиженцев, комсомольцев, стахановцев — всех, кто якобы активно поддерживал режим¹². Хотя такая интерпретация обеспечивает свежую альтернативу тоталитарной перспективе, иногда она доходит до абсурда. Например, один историк утверждает, что большинство обычных людей не ощущали террора в данный период, кроме худших

моментов 1937 г., что они пользовались свободой слова (в определенных пределах), правом критиковать и подавать жалобы. Отсюда этот историк делает вывод о лояльности многих рабочих режиму¹³.

Представляется, что стереотип о «запуганных массах» действительно можно отвергнуть, однако заявления о лояльности рабочих кажутся не очень хорошо аргументированными. Только на том основании, что рабочие не были запуганы и продолжали подвергать критике действия начальства, нельзя сделать вывод, что они всегда были довольны советским режимом и его политикой. В сущности, большое количество критических заявлений и жалоб со стороны рабочих может означать как раз обратное. Последние исследования писем рабочих и крестьян показывают, что они и в самом деле чувствовали себя угнетенными и прибегали ко многим способам пассивного сопротивления¹⁴.

Очевидно, настало время пересмотреть в целом вопрос об общественном мнении, дистанцироваться от настойчивого стремления сторонников «тоталитарной» модели представлять людей атомизированной и безмолвной массой, но и не бросаться в другую крайность, рисуя, в духе социалистического реализма, довольных жизнью рабочих и крестьян, распевающих хором: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Естественно, множество мнений от активного согласия до активного сопротивления/несогласия с действиями властей включает целый спектр разнородных позиций. Как абсолютных конформистов, так и абсолютных «диссидентов» было мало. На практике взгляды людей отличались гораздо большей неоднозначностью и противоречивостью: неприятие одного решения партии или какой-либо грани режима вполне совмещалось с поддержкой других решений, то есть существовала тенденция, подмеченная историками при анализе других авторитарных обществ. Детлеф Пойкерт показывает, что в нацистской Германии «различные формы критики и недовольства вполне спокойно существовали бок о бок с частичным принятием режима или, по меньшей мере, с пассивным признанием власти»; «устная история» Луизы Пассерини также освещает двойственность отношения народа к власти в фашистской Италии¹⁵.

В своей последней важной работе, посвященной новому советскому городу Магнитогорску 1930-х гг., Стивен Коткин отвергает тоталитарную/ревизионистскую и оппозиционную/соглашательскую дилемму, признавая тактическое использование языка обычными гражданами. Однако он склонен относиться к пропаганде всерьез, преувеличивая общую тенденцию народа «говорить по большевистски» (то есть использовать официальный язык)¹⁶. Он отрицает Великое отступление и делает смелое заявление, что «для огромного большинства тех, кто жил в это время, и даже для врагов

режима сталинизм совсем не был частичным возвратом в прошлое, не говоря уж об отступлении, а оставался передовым и прогрессивным явлением»¹⁷. Коткин также заявляет: «Даже самые ярые приверженцы партии иногда начинали сомневаться. Но мало кто из них мог вообразить, что возможно что-то другое. Да никого и не поощряли к таким мыслям. Закрытые границы и цензура делали свое дело»¹⁸.

В своем единственном значительном исследовании, посвященном советской пропаганде, Питер Кенез рассуждает так же: «[Режим] сумел предотвратить как формирование, так и высказывание вслух альтернативных точек зрения. Советские люди в конечном счете не столько доверяли большевистскому мировоззрению, сколько принимали его за нечто само собой разумеющееся. Не осталось никого, кто мог бы указать на противоречия или даже бессмыслицу в лозунгах режима»¹⁹. Новые источники позволили подвергнуть сомнению эти выводы: оказалось, что простые люди, наоборот, не доверяли цензурированным известиям и искали иные источники информации и идеи в форме слухов, личных писем, листовок и надписей²⁰. Их по-прежнему привлекали различные альтернативные дискурсы, в том числе националистический, антисемитский и народнический, которые оказались чрезвычайно живучими, несмотря на все усилия по их искоренению.

Кроме того, официальный язык использовался и воспринимался вовсе не пассивно. Как указывает Волошинов, язык, по своей сути, очень эластичен и может становиться ареной социальных конфликтов вокруг смысла знаков: «Всякий живой идеологический знак двулик, как Янус. Всякая живая брань может стать похвалою, всякая живая истина неизбежно должна звучать для многих, как величайшая ложь»²¹. Этот «двуликий» характер знаков помешал сталинскому режиму навязать всем единообразную интерпретацию реальности.

Кажется, именно это Бахтин пытался передать в конце 1930-х гг. в своей работе о Рабле, которая, по мнению Кларк и Хольквиста, представляет собой «наиболее всестороннюю критику сталинской культуры» в то время²². Пытался или нет Бахтин действительно описать эзоповым языком отечественную культуру, но некоторые аспекты данной работы, якобы относящиеся к средневековой Франции, удивительным образом освещают процессы, происходившие в Советской России. Он изображает общество, в котором господствующий класс поддерживает свою власть частично с помощью идеологического диктата. Официальная культура характеризуется стремлением представить лишь одну «естественную» интерпретацию реальности. Она предполагает серьезность, ретроспективность, неизменность и вечность. Она также ассоциируется со страхом и жестокостью. Тем не менее господство официальной культуры средневекового мира под-

рывалось второй культурой — смеховой, олицетворяемой карнавалом. Во время карнавала официальные символы наполняются новым смыслом: «Вторая жизнь, второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, как “мир наизнанку”. Роль карнавала состоит в развенчании всех ценностей правящей культуры. Он разрушает все табу, смеется над святыней, опрокидывает иерархию. Он представляет равенство, утопию и свободу от страха»²³. В сталинской России официальный дискурс, характеризующийся важностью, ощущением собственного постоянства и т. д., тоже подвергался карнавализации в форме шуток и песенок, которые «перестраивали» иерархии и притязания, подразумеваемые официальным дискурсом, переворачивая традиционную топографию, низводя высокое к низкому, и наоборот, акцентируя физическую сторону жизни и прибегая к сквернословию.

Это лишь один пример из многочисленных способов, с помощью которых официальный дискурс становился инструментом в руках народа, пользовавшегося им в собственных целях. Подобным же образом официальные сакральные слова, такие, как «революция» и «народ», применялись для выражения несогласия. В то время как режим использовал слово «народ», подразумевая под этим «всех людей» и таким образом передавая единство, инакомыслящие употребляли его по-своему, чтобы подчеркнуть бессилие низов.

Граждане также выражали незаконные или подрывные требования и жалобы языком официальной пропаганды, защищаясь такими штампами, как «конституционные права», «слова Сталина», «рабочий класс» и др. Ригби говорит о такой практике, анализируя «теневую культуру» в Советском Союзе. Он утверждает, что «политическое лицемерие» было «миной замедленного действия», потенциально самосрабатывающей. Краху советского строя немало способствовало существование официальной риторики о демократии, правах и т. п., которой могли воспользоваться люди, стремящиеся к реальной демократии²⁴.

Я не ставлю целью создать ошибочное впечатление, будто официальный язык всегда использовался с чисто подрывными или циничными намерениями. Без сомнения, были люди истинно убежденные и фанатики, о чем подробнее будет говориться в главе 10. Видимо, и некоторые не столь ревностные приверженцы режима иногда «приветствовали политику партии», «осуждали врагов» и говорили все то, что им приписывалось в газетных статьях, сообщавших о «народных откликах» на различные меры. Однако «общественное мнение» в этом смысле не является основной темой данной книги. Ее задача осветить до сих пор игнорировавшееся мнение инакомыслящих,

которое искажало, подрывало, отвергало официальный дискурс или предлагало ему альтернативу.

Трудно обобщить содержание такого общественного мнения, категорически утверждать о наличии гипотетической «русской народной политической культуры». Зачастую отражаемые им ценности как будто противоречат друг другу, их не удается разложить по полочкам под этикетками «социалистические», «анархические», «консервативные», «либеральные» и т. п. Однако некоторые темы четко вырисовываются. Часто проявлялись враждебность к бюрократическому аппарату и антипатия к «государству». Не менее часто встречалось и противоположное мнение о том, что государство должно печься и заботиться о народе. Патерналистский стиль руководства высоко ценился. Многие высказывания проникнуты материализмом и эгалитаризмом. Идеи «социализма» весьма уважались, а «классовые» чувства приветствовались в народе. Социальный консерватизм получил широкое распространение. Люди по-разному относились к политике и к закону: хотя многие были к ним безразличны, кое-кто воспринимал их более серьезно. А главное, общественное мнение отличалось разнородностью. Отношение людей к тому или иному политическому курсу или вопросу больше зависело от его характера, чем от какого-либо цельного мировоззрения. По этой причине, а также потому, что сами источники склоняют к подобному подходу, структура данной книги тематическая. Часть I фокусируется на экономических и социальных вопросах. Часть II рассматривает политическую жизнь, включая международные отношения и различные аспекты террора. Часть III концентрируется на культе вождя. Прежде чем мы пойдем дальше, сейчас имеет смысл рассмотреть источники нашего исследования и проанализировать, как они могли повлиять на отображение общественного мнения.

Источники

Для данного исследования использовались следующие источники: письма граждан, мемуары, дневники, газетные статьи. Также были использованы доклады, подготовленные партийными агитаторами о реакции аудитории, перед которой они выступали. Однако основными источниками являются сводки информационных отделов НКВД (ИНФО) и комитетов партии (и комсомола) о реакции народа на различные конкретные события и решения партии (сводки/спецсообщения о настроениях). Поскольку это большой массив неизученного и ценнего материала, то он заслуживает особого внимания.

Партия через свои информационные отделы (которые в разное время носили разные наименования) и тайная полиция через

секретно-политические отделы (СПО) занимались изучением настроений рядовых граждан с самых первых лет революции (а партия — даже до революции)²⁵. Информационный отдел ЦК отвечал за координацию обмена информацией между центром и периферией по ряду вопросов, включая информацию о настроениях народа²⁶. Согласно директиве 1934 г., каждая первичная партийная организация (ППО) должна была иметь информатора, от которого требовались политическая грамотность, авторитет и опыт политической работы с массами. Его работа заключалась в том, чтобы давать ясный, четкий, самокритичный, глубокий и объективный анализ как позитивных, так и негативных аспектов деятельности первичных партийных организаций. Информатору надлежало быть в курсе общих настроений рабочих, обращать внимание на особые события (несчастные случаи, остановки или прекращение работы), а также сообщать о различном отношении к этим событиям. Работа эта предполагала тесные деловые отношения с партийным секретарем, присутствие на митингах и связь с активистами и редакторами местных газет, дабы облегчить им получение «объективной информации»²⁷. Это в теории. На практике информационной работе не всегда уделялось много внимания даже в сильной партийной организации Ленинграда, хотя появились некоторые улучшения после убийства Кирова, с назначением дополнительных информаторов. Даже в 1939 г. обнаружилось, что некоторые ППО не имеют информаторов. Партийно-информационная система иногда довольно эффективно функционировала на заводах Ленинграда, однако была менее эффективна в деревне и среди интеллигентии²⁸. В то же время НКВД мог следить за гораздо более широким кругом социальных групп посредством сети оплачиваемых и неоплачиваемых секретных агентов (сексотов)²⁹.

Информаторы партии и НКВД записывали разговоры, слухи, шутки и прочие свидетельства народных настроений, которые собирались в сводки. Что касается партии, то информация посыпалась в райком, который обрабатывал ее для обкома. Затем информационный отдел обкома составлял краткие сводки на основе сводок райкома. Сводки как партии, так и НКВД получали гриф «совершенно секретно», их посыпали двум или шести адресатам. Например, сводки НКВД Ленинграда обычно посыпались первым трем секретарям обкома, начальнику секретно-политического отдела в Москве, иногда председателю облисполкома.

Все информационные сводки, как партии, так и НКВД, неизменно начинались стандартной формулировкой, что «большинство людей» разумно отнеслись к постановлениям партии или какому-либо событию. Далее следовали примеры типично «правильных» мнений,

которые, главным образом, повторяли официальную линию, опубликованную в газетах. Негативные замечания следовали за положительными комментариями в графе, которая начиналась словами «однако, наряду с этим, наблюдаются случаи отсталых/негативных/нездоровых/антисоветских/контрреволюционных заявлений» (обычно использовались три из ряда перечисленных прилагательных). Прилагалась информация о социальном положении людей, выступающих с подобными заявлениями, их имена, профессии, место работы; например: «работница Сизова, второй галошный цех, завод “Красный треугольник”». Также упоминалось их членство в партии или комсомоле. Иногда перечислялись другие детали, такие, как возраст, стаж работы и прочая информация, которая характеризовала общеполитическую ориентацию выступающего, например: «недавно приехал из деревни», «недавно поступил на работу», «исключен из партии», «имеет связи с врагом народа» или «верующий». Этот тип информации был особенно характерен для информационных сводок сотрудников НКВД, отчасти потому, что НКВД занимался слежкой за «социально опасными элементами», а также в силу предвзятого мнения о причинах нежелательных высказываний. Иногда, в особенности в 1937 г., в комментариях к враждебным высказываниям содержались фразы: «арестован», «будет арестован» или «ведется следствие».

Неясно, придумывали ли или искажали негативные высказывания людей в своих информсводках осведомители партии и в особенности НКВД, которые находились под влиянием общей атмосферы страха перед заговорами, характерной для Большого террора, и от которых вдобавок сверху настойчиво требовали проявлять бдительность и выявлять «врагов народа». Должно быть, велико было искушение придумать какое-либо высказывание или доложить о непроверенном разоблачении. Информаторы подписывали свои материалы, чтобы те выглядели достоверными, ведь их могли наказать за отсутствие подписей, например, в 1932 г. 180 осведомителей ОГПУ получили 5 лет тюрьмы за представление «необъективной информации». Информаторов могли исключить из партии, если их сообщения не отвечали критериям объективности³⁰. Однако такие меры, возможно, мало что значили в 1937 году.

Вполне вероятно, что некоторым искренним выражениям недовольства информаторы придавали более «контрреволюционный» характер, возможно, добавляя эффектные похвалы в адрес Троцкого, угрозы убить Сталина и т. п. Тем не менее ясно, что многие мнения, цитируемые в сводках, совпадают с теми, которые содержались в других источниках, например, в мемуарах, дневниках, в эмигрантском журнале «Социалистический вестник»³¹, в докладах цензоров,

иногда даже в официальных средствах массовой информации³². О некоторых из этих высказываний будет идти речь в последующих главах, однако здесь в качестве примера стоит привести материалы, удаленные после предварительного цензурирования заводской прессы Центрального района Ленинграда в апреле 1934 г. Цензор удалил несколько мест, касающихся «политических настроений», которые редакторы включили для того, чтобы проиллюстрировать нежелательные настроения (публикация таких замечаний приравнивалась к прямой пропаганде антисоветских взглядов). Одна газета намеревалась напечатать следующие частушки: «Не пойду я на собрание, / Не пойду на прения. / Скажем прямо, есть желание, / Нету настроения»; «Говорю же вам по-русски: / Мне не нравятся нагрузки. / Мне нагрузки по плечу, / Да работать не хочу». В другой газете содержалась статья о кампании государственного займа, и приводились слова человека, не желающего в ней участвовать: «Государство мне не помогает, а забирает у меня последние копейки — уходите, я не собираюсь подписываться»³³. Подобные высказывания перекликаются с теми, что отражены в спецсообщениях партийных работников и НКВД о настроениях людей.

Подлинность передачи мнений в сводках можно проверить, сравнив их с мнениями других людей в различных районах страны в различные периоды времени. Сравнение информсводок в нескольких архивах³⁴ показывает, что, хотя информация собиралась в разных местах определенными людьми для определенных людей — в центре или регионах, европейской или восточной части России, работниками партии или НКВД, для Кремля или для комсомола, — в ней присутствовали определенные постоянные черты, определенные речи, которые имели место независимо от капризов и фантазий составителей сводок. Высказывания людей в период террора не слишком отличались от высказываний других лет. Некоторые спецсообщения о настроениях в ходе Гражданской войны, в 1920-е гг. и в период коллективизации уже напечатаны, и историки начинают анализировать информсводки в контексте работ по 1920-м и 1930-м гг.³⁵ Это означает, что в основном критические настроения существовали уже в первые годы советской власти, и мнения простых русских людей в период террора не имели значительных отличий от критики, выражаемой в другие периоды. Равным образом, даже когда террор пошел на спад во время «оттепели» 1939–1940 гг., по-прежнему существовала непрерывная связь между взглядами, выражавшимися в то время и в предыдущие годы. Перед войной, когда Сталин и Берия предприняли серьезные попытки восстановить законность и пошатнувшийся престиж прокуратуры, судебной системы и НКВД, поступило рас-

поряжение уделять больше внимания правдивости спецсообщений о мнениях людей. Все критические замечания проверялись, и если они признавались фальшивыми, то это отмечалось в последующей сводке³⁶. Разнообразие и суть замечаний в сводках, представленных в более «либеральные» времена, когда фальсификация была сведена к минимуму и страх наказания стал менее острым, не изменились сколько-нибудь заметно по сравнению с годами Большого террора.

Искажение действительности больше всего выражалось в методе отбора и анализа материалов о мнениях людей. Сбор фактических данных очень сильно зависел от того, что, по мнению доносчиков и людей, работавших с письмами, хотело слышать их начальство в тот или иной момент. Если власти были особо заинтересованы в том, чтобы, например, разоблачить «троцкистов» или «саботажников» стахановского движения, доносчики прилагали все усилия, чтобы найти в письмах людей высказывания за Троцкого или выявить «антистахановские» настроения. Сводки составлялись потому, что власти хотели отслеживать реакцию на определенные события или на принятые ею решения, и, таким образом, главные темы будущих сводок о мнениях людей уже были очерчены. В сводках, анализирующих реакцию людей на стахановское движение, например, большинство зафиксированных замечаний посвящалось этому вопросу. Комментарии и споры на другие, не связанные с ним темы, упоминались лишь вскользь. Это могло создать ложное впечатление, что в ту неделю, когда составлялась очередная сводка, люди обсуждали одно лишь стахановское движение, или государственный заем, или что-нибудь еще; а также, что в интервалах между важными событиями и переменами политического курса, реакцию на которые власти хотели бы знать, никто ничего не обсуждал. Сводки поступали нерегулярно. Иногда они не составлялись неделями, а затем происходило какое-нибудь значимое событие, например, убийство Кирова или начало войны с Финляндией, и сразу же начинался стремительный поток еженедельных или даже ежесуточных отчетов об общественном мнении. По причине такой нерегулярности трудно проследить динамику настроений в народе.

Поскольку выбор главной темы сводок диктовался желанием властей узнать отклик на то или иное событие, и это, разумеется, не совпадало с реальными интересами людей (или интересами историков будущего), в данном материале много белых пятен. Существует огромное количество замечаний по поводу политических событий, поскольку они касались режима. Однако это изобилие отчетов не обязательно отражает политические пристрастия в разговоре обычных людей. Озабоченность такими личными проблемами, как семья и отдых, в сводках почти не представлена. Кроме того, поскольку в

сводках давалась информация лишь по поводу особых событий и решений правительства, мнения людей относительно таких больных тем, как террор 1937–1938 гг., представлены очень плохо. Разумеется, «сводок о настроениях в связи с террором» нет. Тем не менее кое-какие выводы о реакции людей на это и другие явления, не освещенные в отчетах, можно сделать и по сводкам, посвященным иным вопросам.

Анализ причин «неправильных» настроений проводился поверхность в обоих типах сводок. Руководство НКВД предпочитало объяснять их теорией «врага», определяя людей, которые позволяли себе высказывать крамольные мысли, как «врагов народа». И руководство партии, и руководство НКВД видело в распространявшихся слухах и народном ропоте происки «антисоветских и контрреволюционных агитаторов». Например, в партийном докладе о реакции на свободную продажу хлеба без карточек в январе 1935 г. подчеркивалось, что «контрреволюционные элементы пытаются использовать новую систему продажи хлеба и рост цен в своих клеветнических нападках»³⁷. Впрочем, судя по некоторым партийным докладам, власти попытались переложить ответственность за негативные настроения, особенно недовольство рабочих, на злополучный агитпроп, призывая провести «разъяснительные беседы с рабочими», которые не сумели правильно понять политику партии. Они иногда даже приводили в качестве причины недовольства материальное положение рабочих, предполагая, что невыплата вовремя зарплаты, ее низкий уровень, недостаточное обеспечение услугами и многое другое и формируют мнение людей.

Партийные информационные сводки отличаются от сводок НКВД тем, что включают большое количество положительных замечаний. Возможно, ответственные партийные работники желали продемонстрировать, что конкретно их организация хорошо функционирует и пропаганда оказывает свое влияние на людей. В отличие от партии, НКВД был сосредоточен в первую очередь на выявлении «врагов» и подавлении инакомыслия и в сводках уделял больше всего места критическим замечаниям. Однако в обоих случаях чиновники старались, чтобы негативные высказывания занимали в информационных сводках лишь малую их часть. Никакой статистики не велось, поэтому часто невозможно установить, как широко на самом деле эти взгляды выражались в обществе.

Правда ли, что они были в меньшинстве? Одно из решений — поискать другое доказательство масштаба недовольства. Так, некоторые письма, адресованные партийным руководителям, содержат открытые «антисоветские» высказывания и аналогичны тем, что приводят-

ся в качестве примеров в сводках. Такие письма составляют лишь малую часть всех отосланных писем; например, лишь 15 из 5 638 писем, поступивших на имя секретаря Ленинградского обкома и горкома Жданова в январе 1940 г., классифицируются как «антисоветские»³⁸. Тем не менее этот единичный факт не обязательно показывает реальное количество людей, разделявших подобные взгляды. В рассматриваемый период гораздо более страшным и безрассудным шагом было написать свои критические замечания в письме к партийному руководителю, чем поговорить на те же самые темы с коллегами по работе в относительной безопасности — в туалете. Хотя однозначно «антисоветские» письма редки, существуют миллионы писем и заявлений, в которых затрагиваются вопросы жилищных условий, коррупции и другие. Они написаны в верноподданническом тоне, и критика в них направлена лишь против местных ответственных партийных работников, однако они показывают общее социальное недовольство и соответствуют тону некоторых писем, где выражено негативное мнение.

Это подкрепляется фактами поведения, хотя трудно установить прямую корреляцию между настроениями людей и их поведением. Тем не менее ясно, что июньский указ 1940 г. о запрещении самовольного ухода с предприятий часто нарушался, что люди кончали жизнь самоубийством, узнав о возможном преследовании, и что члены партии и судебная власть пытались бороться с этим указом. Это говорит о том, что, возможно, наблюдалось много случаев негативного отношения к данному указу. Можно сопоставить модели потребления с отчетами о настроениях. Если есть жалобы на цены на хлеб и еду в столовых после отмены карточной системы и они сопровождались явным уменьшением потребления хлеба и другой пищи в столовых, становится очевидным, что такие жалобы звучали чаще всего. Точно так же трудности, которые правительство испытывало при проведении государственного займа, предполагают, что критическое отношение к нему было широко распространено в народе.

Статистика преследования за антисоветскую агитацию создает несколько искаженное впечатление о количестве людей, выражавших несовместимые с официальными взглядами. Число арестованных за антисоветскую агитацию можно увидеть в сводках арестов и приговоров по делам, возбужденным или расследованным органами внутренних дел (см. табл. 1). Помимо неизбежных трудностей при исследовании статистики репрессий, проводимых режимом³⁹, существует проблема, связанная с тем, что режим постоянно менял определение понятия «антисоветской агитации». Множество примеров в этом исследовании, такие, как жалобы на рост цен, не обязательно попадают

в категорию антисоветской агитации, кроме, возможно, периода, когда террор достиг своего пика в 1937–1938 гг.

Таблица 1

Случаи антисоветской агитации

1934 ^a	1935 ^a	1936 ^a	1937 ^a	1938 ^a	1939 ^b	1940 ^b	1941 ^b
16 788	43 686	32 110	234 301	57 366	24 720	18 371	35 116

Источник и примечания: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–203, 205. Я очень признательна Габору Риттерспорну за то что он снял копию с этих данных. Сюда могут не входить дела, рассматриваемые обычной судебной системой.

^a Аресты.

^b Обвинительные приговоры.

Следовательно, статистика, относящаяся к случаям антисоветской агитации, охватывает только определенные типы негативных мнений. Вдобавок рост и уменьшение числа случаев судебного следования показывает всего лишь изменения в строгости наказаний. Что мы можем думать о сделанном в связи со смертью Кирова прокурором СССР Акуловым в начале 1935 г. заявлении, что «возрастание активности антисоветских элементов отмечается в форме контрреволюционной агитации, одобряющей не только террористический акт против Кирова, но проведение подобных актов и против других руководителей партии и советского правительства»?⁴⁰ В тот год случаев антисоветской агитации стало в три раза больше. Насколько увеличение числа судебных разбирательств отражает действительное увеличение количества негативных замечаний о вождях и насколько это отражало усиление репрессий?⁴¹ Подобная статистика имеет ограниченное значение в попытке ответить на этот вопрос.

Итак, поскольку трудно сделать какие-либо надежные количественные выводы о распространенности инакомыслия, я попытаюсь фокусировать свое внимание на *типичных и повторяющихся темах* и попробую установить, было ли мнение широко распространенным или совершенно необычным. Однако здесь следует также проявлять осторожность: показывает ли большое количество сводок негативного содержания, связанных с июньским указом 1940 г., широкое распространение жалоб или просто проводилась тщательно спланированная и согласованная кампания по составлению таких сводок?

Может быть, будущие исследования обнаружат более точную информацию, однако до тех пор мы должны довольствоваться полученной довольно нечеткой картиной⁴², а многое угадывать с помощью сравнительной или теоретической литературы. Например, Ян Кершо

пишет по поводу подобных сводок о настроении в народе, представленных партийными и государственными функционерами в нацистской Германии: «Драконовское подавление критики и сопровождающий его страх доносов породили сеть обмана и лицемерия, в которой слова скрывали истинные чувства: люди часто говорили не то, что думали, и не думали того, что говорили; чаще же всего они из страха вообще ничего не говорили. Мы можем с уверенностью утверждать, что *враждебные режиму мнения, отмеченные в сводках, представляли всего лишь вершину айсберга [курсив мой]*»⁴³.

Подобным же образом в сталинской России многие из тех, кто хранил молчание или использовал официальный язык в конкретных случаях, возможно, разделяли еретические взгляды, открыто выражаемые другими.

Ленинград

Большое количество материала, на котором основывается это исследование, относится к Ленинграду и Ленинградской области⁴⁴. Могут сказать, что особая история Ленинграда послужила более плодородной почвой для альтернативного мнения людей по сравнению с другими районами. Для проверки этой гипотезы необходимо провести более подробное исследование на местном материале. Однако работа, проведенная в других регионах страны, включая исследование Джеки Россмана и Шейлы Фицпатрик, показывает, что мнения людей в других регионах незначительно отличаются от мнений людей в Ленинграде⁴⁵. Тем не менее следует учитывать специфический характер Ленинграда.

Ленинградская область, образованная в 1927 г., занимала обширную территорию в 360 400 кв. км. В период с 1934 по 1937 г. население области (включая Ленинград) составляло почти 4 млн чел. К 1939 г. его численность сократилась до 3,2 млн чел.⁴⁶ Почти половина населения жила в городах. Некоторые из них очень старые, имеющие крупные промышленные предприятия, которые зачастую выросли на основе кустарного производства. Кустарная промышленность (включая производство фарфора, спичек и бумаги) продолжала играть значительную роль в экономике области, отчасти по причине близости огромного рынка в самом Ленинграде, отчасти из-за неблагоприятных условий для сельского хозяйства. Ленинградская область, отличающаяся плохим климатом и землей, покрытой лесами и болотами, не представляла интереса для земледелия, особенно для выращивания зерновых, ее экономика базировалась в основном на рыбе, лесе и льне. Процесс колLECTIVизации здесь проходил медленно, так же как и в других потребляющих районах, и осложнялся наличием боль-

шого количества хуторов, трудно поддававшихся переселению⁴⁷. К 1 марта 1930 г. здесь было колLECTIVизировано 23,1 % хозяйств — самый низкий показатель в стране. После крутого пересмотра Сталинским темпом колLECTIVизации он сократился до 5,7 %⁴⁸. Затем темпы колLECTIVизации постоянно увеличивались, и к июлю 1934 г. она достигла 65,2 %. Настоящий прорыв наступил после принятия в 1935 г. примерного колхозного устава (см. гл. 2), и к октябрю 1936 г. уровень колLECTIVизации составил 91 %⁴⁹. Хотя на область в какой-то мере влияла близость к Ленинграду, ее нельзя рассматривать в качестве особенно нетипичной, разумеется, в сравнении с другими потребляющими районами России.

Основанный «только» в 1703 г. Петром Великим Санкт-Петербург—Ленинград считается одним из старейших крупных городов России. В советский период население города сначала резко сократилось, затем так же стремительно выросло. В 1917 г. оно составляло 2 300 тыс. чел., но к 1920 г. разруха и Гражданская война вызвали его сокращение до 740 тыс. чел. Во времена нэпа численность населения Ленинграда постоянно росла, с началом индустриализации рост ускорился, и в 1934 г. в городе жили 2 720 тыс. чел., а к 1939 г. — 3 190 тыс. чел. В 1930-х гг. это был седьмой крупнейший город мира после Нью-Йорка, Лондона, Берлина, Москвы, Чикаго и Парижа. Прежде всего и главным образом он являлся крупнейшим промышленным центром. В 1934 г. 12,6 % объектов крупной советской промышленности находились в Ленинграде. На крупных промышленных предприятиях города в 1934—1935 гг. работали свыше 500 тыс. рабочих, и в течение всего рассматриваемого периода эта цифра постоянно росла. Больше всего рабочих было занято в металлургической и электротехнической отраслях (239 722 чел. в 1934 г.). Среди других крупнейших отраслей промышленности следует назвать химическую, текстильную, швейную, деревообрабатывающую и пищевую. Большинство ленинградских предприятий вели свою историю с дореволюционных времен, некоторые еще с XVIII в. Ленинград представлял собой также важный культурный центр. В 1934 г. в нем насчитывалось более 60 высших учебных заведений, большое количество театров, музеев и т. д. Уровень грамотности в Ленинграде был выше, чем где-либо еще в России, составляя 94,6 % в 1939 году⁵⁰.

Таким образом, это не ординарный город. Представление о прозападном Санкт-Петербурге—Ленинграде как центре оппозиции более традиционной «славянофильской» Москве уже стало стереотипом. Тем не менее оно имеет под собой некоторые основания. Революции 1905 и 1917 гг. начались в этом городе. После того как в 1918 г. столица была перенесена в Москву, в городе оставались признаки прежней столицы, но он не находился под таким воздействием правительства,

которое определяло лицо Москвы. В городе наблюдался прилив радикальной политической активности во время Гражданской войны, а в 1921 г. восстание матросов на военно-морской базе в Кронштадте и волнения внутри самого города ускорили поворот к нэпу. Во время нэпа Ленинград под руководством Г. Е. Зиновьева стал оплотом оппозиционного движения внутри партии. Ленинградская партийная организация с ее богатым петербургским наследием была сильнее большинства провинциальных организаций и относительно независима, ей удалось выстоять против Сталина до 1926 г., дольше, чем любой другой организации. В город послали Кирова, чтобы подавить инакомыслие, и он в этом преуспел. Однако Stalin до некоторой степени справедливо заявлял, что после убийства Кирова Ленинград остался гнездом прежних оппозиционеров и антисоветских элементов. Конечно, многие бывшие члены оппозиции занимали ведущие посты под властью Кирова, а старые аристократы и представители интеллигенции продолжали жить относительно спокойно.

Ленинград и в самом деле более подходил для роли вместилища еретических идей, чем любой другой уголок России. Однако будет неправильно преувеличивать оригинальность общественного мнения в этом городе и его пригородах. Сравнительный материал, полученный из других регионов, включая Москву, Новосибирск, Иваново и Смоленск, не позволяет считать, что мнения людей в Ленинграде были особенными, за исключением разве что степени и формулировок. Обычные люди всей России (и Советского Союза) в тот период испытывали общие трудности, и, вероятно, реагировали на них похожим образом.

Часть I. ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

Глава 1. Рабочие, экономика и трудовая политика

В конце 1920-х гг. Сталин начал политику «большого скачка», экономическую революцию беспрецедентных масштабов и темпов. Хотя интенсивная индустриализация принесла рабочим некоторые преимущества, такие, например, как почти полная занятость, она также вызвала огромные лишения. Несмотря на скромные улучшения уровня жизни в течение первой пятилетки, самым важным вопросом для большинства рабочих в 1930-е гг. было простое выживание. Неудивительно, что люди обменивались мнениями по экономическим вопросам гораздо больше, чем по каким-либо другим. В этой главе будут рассмотрены взгляды рабочих на такие вопросы, как отмена карточной системы, государственные займы, рост цен и дефицит товаров. Здесь также пойдет речь о реакции рабочих на нововведения в трудовой политике: стахановское движение и законы о труде 1938–1940 годов¹.

Рабочие остро чувствовали колебания уровня жизни, часто сравнивали цены с заработной платой. Они всегда понимали, улучшается их экономическое положение или ухудшается, и не обманывались официальными риторическими заявлениями о повышении жизненного уровня. Риторика просто обнажала несоответствия между фиктивной «хорошей жизнью» и их настоящим положением. Личный опыт жизни рабочих в условиях советской экономики с ее очередями и дефицитом приводил к тому, что они критиковали нежелание режима обсуждать эти проблемы публично. Многие их высказывания отражают уверенность в том, что государство должно заботиться о рабочих, как оно об этом заявляет². Рабочие без колебания обращались к идеологическим лозунгам режима, например, они охотно развивали партийную риторику об освобождении рабочих. Возражая против стахановского движения или против трудовых законов 1938–1940 гг., они часто говорили, что это меры «эксплуататорские» и напоминают о «капитализме».

Восприятие рабочими их экономического положения может быть понято только на фоне меняющегося уровня их жизни в данный период³.

Таблица 2

Разница в зарплатах среди ленинградских заводских рабочих в 1936 г.

Зарплата (руб.)	% рабочих
До 140	5,5
140,1–180	10,9
180,1–220	14,2
220,1–260	13,7
260,1–300	11,4
300,1–340	9,3
340,1–420	13,3
420,1–500	8,2
500,1–600	5,9
600,1–700	3,2
700,1–800	1,8
800,1–900	1,0
900,1–1 000	0,6
1 000,1–1 100	0,4
1 100,1–1 200	0,2
1 200,1–1 500	0,3
Свыше 1 500	0,1

Источник и примечание: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2471. Л. 95, 98, 101. Средняя зарплата служащих были меньше зарплаты рабочих и составляла 279 руб. Средняя зарплата инженерно-технических работников (ИТР) составляла 583 руб.

С 1928 по 1934 г. уровень жизни резко падал. Начиная с 1934 г. падение остановилось, хотя уровня конца нэпа так и не удалось достичь. За сравнительно успешной второй пятилеткой последовали чрезвычайно неудачные 1938–1941 гг. Наум Ясны подсчитал, что в 1932–1933 гг. реальная зарплата рабочих составляла лишь 49 % от уровня 1928 г. К 1937 г. она поднялась примерно до 60 %, но вновь снизились до 56 % к 1940 г.⁴ В то время как реальная зарплата среднего рабочего была ниже, чем в 1928 г., наблюдалось некоторое выравнивание за счет увеличения числа работающих женщин и сопутствующее ему снижение числа иждивенцев на одного кормильца с 2,26 в 1927 г.

до 1,59 в 1935 г.⁵ В этот период продолжалось активное поощрение дифференциации зарплат. Однако различия оказались не так велики, как представлялось. Изучение зарплаты 396 788 ленинградских рабочих в октябре 1936 г. показывает, что месячные оклады колебались от суммы менее 140 руб. до суммы более 1 500 руб., причем средняя зарплата составляла 321 руб. (см. табл. 2). Самая высокая средняя заработная плата была в металлообрабатывающей промышленности (364 руб.), самая низкая — в пищевой (231 руб.). Учитывая тот факт, что это обследование проводилось после начала стахановского движения, казалось бы, должна была наблюдаться большая разница в зарплатах, но фактически около 50 % рабочих получали от 220 до 420 руб. и лишь совсем немногие — более 1 000 рублей.

В этот период большая часть средней заработной платы рабочего тратилась на еду. Исследования семейных бюджетов рабочих Ленинграда показывают, что если в 1927–1928 гг. на еду тратилось 43,8 %, то в 1934 г. эта цифра поднялась до 55,9 %, а в 1935 г. до 58 %. Средний процент составлял 55 % до 1938 г., после чего статистические данные стали недоступны. В общем доля расходов, которые шли не на продукты питания, а на другие предметы потребления, была в этот период ниже, чем в любое другое время с 1928 по 1933 г. Например, на одежду тратилось 9,3 % семейного бюджета в 1935 г. по сравнению с 13 % в 1933 г. и 17 % в 1928 г.⁶ Жилищный кризис, усугубившийся из-за притока в города рабочей силы в течение первой пятилетки, продолжал оставаться серьезным. В 1934–1935 гг. ленинградский житель в среднем занимал только 5,8 кв. м жилой площади (по сравнению с 8,5 в 1927 г.)⁷. Для более позднего периода нет опубликованной статистики; однако в городах области средняя занимаемая площадь упала с 5,1 кв. м на человека в 1934 г., до 4,1 кв. м в 1937 г. Некоторые города, такие, как Мурманск, особенно страдали от жилищной проблемы, так как там средняя жилплощадь на человека составляла только 2,1 кв. м в 1937 г.⁸ Вполне вероятно, что во всех вышеперечисленных случаях рабочие занимали даже меньше указанной средней жилплощади. Естественно, в то время многие продолжали жить в бараках. Стахановцы, имевшие собственные квартиры, представляли редкое исключение.

Другие факторы, такие, как практически полная занятость, «социальная зарплата» и культурные привилегии, в какой-то степени компенсировали падение уровня жизни со времен нэпа (хотя рабочие и тогда теряли кое-какие льготы, например право на бесплатное здравоохранение). Однако в любом случае реальную «объективную» экономическую ситуацию, обрисованную сверху, нельзя напрямую соотнести с восприятием рабочими своего уровня жизни, на которое во многом влияли другие составляющие, включая несоответствие

между пропагандистской картиной процветания и их собственным положением, а также между их положением и положением других социальных групп.

1934–1935 гг.: XVII съезд партии, дефицит хлеба и отмена карточек

После суровых голодных 1932–1933 гг. пропагандистская машина встретила XVII съезд партии, который проходил в январе 1934 г., хвалебными статьями и утверждениями, что социализм победил. Газета «Ленинградская правда» напечатала статью «За счастливую, культурную, веселую жизнь!», которая начиналась словами: «Как изменилась наша жизнь! Прошли те времена, когда рабочий думал лишь о хлебе насущном»⁹. Съезд санкционировал новое направление в экономической политике. Первая пятилетка ориентировалась на создание тяжелой промышленности при сокращении выпуска потребительских товаров. Главная модель поведения в те годы — полное самоотречение и отказ от личных потребностей, доходящий до аскетизма. В начале пятилетки преобладала уравниловка, иногда она продолжалась вопреки официальным предписаниям покончить с нею. Вторая пятилетка, напротив, предусматривала рост заработной платы рабочих, увеличение выпуска потребительских товаров и стимулирование розничной торговли. Крестьян поощряли разводить скот. В своем докладе на съезде Сталин констатировал ликвидацию безработицы, высказался за денежные экономические отношения и подверг резкой критике уравниловку, указывая, что марксистское понимание равенства означает не уравнивание в области личных потребностей людей в повседневной жизни, а уничтожение классов. По его словам, социализм означал «не бедность и лишения, но ликвидацию бедности и лишений»¹⁰.

В первой половине 1934 г. итоговые документы съезда, и в частности речь Сталина, широко распространялись среди рабочих. Во время обсуждений на заводских митингах можно было услышать критические высказывания о противоречиях между красивыми словами, прозвучавшими на съезде, и реальным дефицитом продовольствия: «Речи хорошие, но хлеба-то нет», — говорили рабочие. Ясно, что еда оставалась на первом месте для большинства рабочих, и все разговоры о культурных достижениях для удовлетворения их нужд, росте производительности труда и тому подобном не имели для них большого значения перед лицом непреодолимой нужды. Критиковали даже те, кто признавал достигнутые успехи. Один рабочий, приветствуя рост численности рабочего класса, спрашивал, почему при этом рабочие должны плохо питаться, и призывал задуматься нако-

нец о нехватке продовольствия и промтоваров¹¹. Вопросы, которые поднимали рабочие, отражали их озабоченность. Парадоксально, но, несмотря на жалобы по поводу материальных лишений, слова Сталина о будущем материальном процветании беспокоили некоторых из них. Хотя Stalin был осторожен, проводя различия между обращенным к крестьянам в 1925 г. лозунгом Бухарина «Обогащайтесь!» и собственным призывом: «Пусть каждый колхоз процветает!», люди, тем не менее, не понимали, в чем разница между этими двумя лозунгами. Они опасались, что если рабочий станет держать скот и жить богато, это будет возвратом к частной собственности¹². Именно против такого подозрительного отношения к богатству выступал Stalin, критикуя уравниловку в бедности. Наряду с этими мнениями и пожеланиями, чтобы режим больше старался накормить рабочих, раздавались также антигосударственные разговоры, окрашенные частнособственнической терминологией. Один рабочий высмеял идею Stalina о развитии животноводства, объяснив, что у него есть корова, а он обязан поставлять государству 300 литров молока по твердой цене, не получая ничего взамен от государства. Его позиция была типичной для некоторых людей, живущих теми же частнособственническими интересами. В то время как этот рабочий говорил о своей позиции открыто, многие другие обменивались своими критическими взглядами тайком. Например, на заводе им. Ленина критиковались различные налоги: подоходный, страховой, налог на лотереи. Рабочие не понимали, какую личную выгоду они могли получить от этих налогов. Строились огромные заводы, но рабочие не видели никаких улучшений в своей жизни¹³.

Множество подобных проблем, волновавших рабочих в тот период, очень хорошо выражены в письме, адресованном партийному секретарю Томска в середине 1934 г. В письме насчитывалось двадцать восемь вопросов, большинство которых касалось материального благосостояния рабочих: почему хлеб такой дорогой; почему рабочие не имеют права жить в центре города; почему их дома не ремонтируются; почему нет рыбы в магазинах? Письмо также включало сравнение цен и зарплат в 1914 г. и в 1934 г., наглядно показывая снижение уровня жизни за этот период. Начиналось оно вопросом о том, было ли когда-нибудь еще такое время, когда люди думали о хлебе чаще, чем сейчас¹⁴. Этот вопрос типичен для того времени, поскольку в 1934 г. главной темой разговоров служил хлеб. Несмотря на официальное утверждение пропаганды, что рабочий больше не думает о хлебе наущном, хлеб продолжал оставаться главным символом и основной ценностью повседневной жизни. Он всегда был в России главным продуктом питания. К хлебу относились (и сейчас относятся) благоговейно (до сих пор хлеб священен для русских, и они считают без-

нравственным выбрасывать хлебные корки). Такая зависимость от хлеба означала, что периодические неурожаи имели разрушительные последствия. Неурожаями 1891 г., 1921–1922 и 1932–1933 гг. объясняется то беспокойство о хлебе, которое стало главной темой разговоров в это время¹⁵. Кроме того, поскольку хлеб с 1929 г. по 1 января 1935 г. выдавался по карточкам, он приобретал дополнительное значение как предмет бартерного обмена.

Карточная система ставила рабочих в привилегированное положение по отношению к другим социальным группам, а рабочих, занятых в промышленном производстве, по отношению к рабочим других отраслей. Это давало рабочему чувство защищенности, и, хотя хлебные пайки распределялись в «иерархическом» порядке, это распределение носило достаточно уравнительный характер, поскольку разница между пайками была не очень существенной. Тем не менее система часто давала сбой. Продовольственное снабжение было недостаточным, качество хлеба низким, а цены в коммерческих магазинах превышали платежеспособность большинства населения¹⁶. На протяжении всего 1934 г. правительство пыталось сократить разрыв между рыночными ценами и ценами на выдаваемые хлебные пайки и подготовиться к полной отмене карточной системы. В июне 1934 г. цена на хлеб по карточкам возросла в два раза с 25 коп. до 50 коп. за килограмм ржаного хлеба, и хотя зарплату низкооплачиваемым работникам в качестве компенсации повысили, это не смогло смягчить остроту положения¹⁷. Новости о росте цен породили волну слухов, отражающих чаяния и опасения рабочих. Так, ходили слухи о том, что после 15 июня цены должны упасть, что в Москве цены вообще не росли и что Сталин слышал о тревогах рабочих и аннулировал свое постановление. Ситуация во второй половине года оставалась напряженной. В августе «Спутник агитатора» сообщил о недавних «вылазках» классового врага на заводах — обычная формулировка для описания любых проявлений враждебного или антисоветского настроения. В ноябре рабочие, пользуясь предстоящими выборами в местные советы, решили протолкнуть наказы избирателей, в которых они требовали снизить цены на хлеб до уровня, существовавшего до июньского повышения цен¹⁸.

Пленум ЦК партии (25–28 ноября) наконец оправдал широко распространенные надежды на отмену хлебных карточек, приняв решение, что с 1 января 1935 г. хлебные карточки отменяются, а цены на хлеб будут занимать промежуточное место между текущими коммерческими и государственными. Самым бедным будет увеличена зарплата. Решения пленума совпали по времени с убийством Кирова, и простые люди явно охотнее разговаривали о скорой отмене карточной системы, чем об этом убийстве. В то время как некоторые привет-

ствовали грядущее событие и надеялись на расширение ассортимента продуктов и сокращение очередей, ощущались также страх перед крушением привычной для многих системы, опасение, что крестьяне скуют хлеб, и неуверенность в том, каким образом это решение будет практически осуществляться.

Горячее всех протестовали беднейшие рабочие, особенно обремененные большими семьями, а также те семьи, где глава недостаточно много зарабатывал. Например, член партии, получавший 200 руб. в месяц и имевший семью из семи человек, сказал, что его детям и сейчас черного хлеба не хватает, один ребенок уже умер, а скоро за ним могут последовать другие, потому что цены слишком высокие¹⁹. Среди этих людей преобладало мнение, что компенсация будет разделяться несправедливо и белый хлеб окажется не по карману простому рабочему²⁰. В то время ходил анекдот, демонстрирующий опасения рабочих насчет падения уровня жизни. Stalin решил покончить с карточной системой, но, не зная, как это сделать, лег спать. Во сне к нему явился покойный Ленин и сказал: «Сделай так: тех, кто сейчас в первой категории, переведи во вторую, вторую категорию переведи в третью, третью — в четвертую, а всех, кто в четвертой, — отправь ко мне»²¹.

1 января 1935 г. «труженики Ленинграда радостно приветствовали свободную продажу хлеба»²². Как всегда, это официальная версия, которая отражает лишь часть правды. В реальности же цены на хлеб выросли в среднем в два раза, достигнув 1 руб. за килограмм, иначе говоря, поднялись вчетверо по сравнению с ценой хлеба, выдаваемого по карточкам, существовавшей до июня 1934 г.²³ Как и предполагалось, компенсации не покрывали возросшую цену хлеба, поскольку средняя месячная заработка рабочего повысилась на 22 руб., а стоимость хлеба за этот же период на 31 руб.²⁴ Эти средние показатели скрывают трудное положение таких людей, как железнодорожный мастер Добряков, который был вынужден содержать жену и шестерых детей на зарплату 150 руб. в месяц. Дополнительная компенсация в 15 руб. покрыла лишь 10 % его затрат на хлеб²⁵. Доля расходов на питание в семейном бюджете еще больше увеличилась. В первом квартале 1935 г. средние затраты семьи ленинградского рабочего на еду выросли на 6,3 %, достигнув 60,6 % от общих расходов²⁶. Как рабочие и опасались, белый хлеб стал менее доступным, и в 1935 г. потребление более дешевого ржаного хлеба возросло²⁷.

Отмена карточной системы тяжелее всего ударила по большим семьям и семьям промышленных рабочих, которые при старой системе получали хлеб по повышенным нормам²⁸. На ноябрьском пленуме Stalin сам назвал эту систему неприемлемой формой явной дискриминации в пользу рабочего класса, признав низкую цену на хлеб по

карточкам «подарком государства рабочему классу» и «социальным классовым пайком для рабочего класса»²⁹. Неудивительно, что многие рабочие верили, будто новая политика направлена против них, и считали ее противоречащей заявлениям Сталина на XVII съезде об улучшении уровня жизни рабочего класса³⁰.

Ощущение, что их предали, только усилилось после отмены 25 сентября 1935 г. карточек на мясо, рыбу, сахар, жиры и картошку, хотя эта политика в какой-то степени была смягчена для самой бедной прослойки одновременным снижением цен на хлеб (например, от 1 руб. до 85 коп. за килограмм ржаного хлеба). Низкооплачиваемые рабочие жаловались, что снижение недостаточное, политика несправедливая и придумана на благо богатых³¹. Это во многом соответствовало истине. Так как до этого только богатые являлись постоянными покупателями коммерческих магазинов, то отмена карточек на дорогие продукты была им выгодна. По мнению Ясны, «бремя резкого роста цен на продукты, ранее распределявшиеся по карточкам, в первую очередь легло на низкооплачиваемых рабочих»³². Осведомители отметили связь между уровнем зарплаты и откликом на проводившуюся политику. На заводе «Светлана» большинство жалоб было зафиксировано в цехах, где рабочие получали меньше 150 рублей³³.

Новая политика также повлияла на цены в столовых, где они выросли вдвое, так что питание там стало недоступно для некоторых рабочих. Это отразилось, например, в следующем пародийном «меню», которое появилось при входе в столовую Кировского завода 1 октября: «Обед для рабочих: первое блюдо — керосиновый суп; второе — мох со сметаной; на третье — пудинг из брюквы»³⁴. В течение 1935 г. число рабочих, питающихся в столовых, резко сократилось, что вызвало беспокойство у властей, в частности потому, что XVII съезд планировал рост численности тех, кто будет «наслаждаться» общепитом, в два с половиной раза³⁵.

Хотя отмена карточной системы на самом деле свидетельствовала об укреплении экономики и в 1935 г. экономическое положение, несомненно, улучшилось, в частности увеличился ассортимент доступных товаров в магазинах, положительную динамику смогли почувствовать лишь состоятельные люди, а социальное неравенство усилилось (см. гл. 8). У большинства простых людей в 1935 г., как заметил Алек Ноув, «уровень жизни чрезвычайно понизился»³⁶. Интересно, что один рабочий, оглядываясь в 1940 г. на ситуацию 1935 г., заметил, что именно в тот год жизнь рабочих начала ухудшаться³⁷. Заметный рост потребления, характерный для середины 1930-х гг., возвращение в СМИ рекламы, пропаганда «хорошей жизни» — все это приводило бедняков в уныние и лишало их надежд. В письме, отправленном Жданову в июне 1935 г., об этом говорится очень хорошо.

Рабочий описывает в нем свой обычный день. Утром перед работой он отрезает краюху хлеба, макает ее в соль, рассыпанную на столе, выпивает стакан холодной воды, затем работает до 12 часов дня. На обед в столовой съедает суп, настолько отвратительный, что от него тошнит. Цена первого блюда очень высокая — 45 коп. Он берет только первое, потому что второе блюдо и вовсе дорогое — 1 руб. 55 коп. за свинину. Рабочие не могут себе этого позволить на свою мизерную зарплату. Дома после рабочего дня — снова краюха хлеба, соль и стакан воды. В коммерческих магазинах покупать продукты невозможно, все очень дорого, жалуется автор письма, поэтому он худеет, слабеет и стал похож на тень. Отмечая, что магазины полны товаров, он сетовал на их недоступность для рабочих и в заключение просил Жданова снизить цены вдвое³⁸.

На протяжении всего мрачного 1935 г. рабочие писали Жданову, приводя конкретные цифры в доказательство невозможности прожить на их зарплату, которая не успевает за постоянными изменениями цен после отмены карточной системы. Основная мысль их писем — в магазинах все есть, но купить ничего нельзя. И если во времена карточной системы рабочий занимал привилегированное положение, то теперь он чувствует себя человеком второго сорта. Один слесарь, проработавший на фабрике «Большевик» восемнадцать лет, писал Жданову, что через восемнадцать лет после революции снова слышит старые слова: «Я рабочий, и я нуждаюсь». Правительство отменило карточную систему и разрешило свободную торговлю, но рабочий не может себе позволить продукты, появившиеся в магазинах. Сам он зарабатывает 180 руб. в месяц, 30 руб. уходит на налоги и квартплату. Оставшихся денег едва хватает на хлеб для себя, жены и ребенка³⁹. Другие рабочие сравнивали стоимость жизни в 1913 г. и теперь, показывая, что зарплаты с той поры выросли в четыре раза, а цены на хлеб в двадцать семь раз. Иные вспоминали «хорошую жизнь» при Троцком⁴⁰.

Государственная пропаганда также начала касаться «бытовых» вопросов, хотя и не так резко. В апреле 1935 г. газета «Труд» задала вопрос: «Когда же на рабочих собраниях будут подниматься бытовые вопросы?», убеждая читателей, что такие темы, как проблема столовых и текучесть рабочей силы, должны обсуждаться открыто⁴¹. Газеты стали печатать бесчисленные «письма рабочих», критиковавшие протекающие крыши общежитий, грязные столовые, задержки заработной платы и отсутствие магазинов в некоторых районах. Во всех этих проблемах обвиняли местных бюрократов. Эти письма показывали действительное недовольство народа в тот период, хотя в них никогда не затрагивались такие больные и политически опасные темы, как низкие зарплаты и голод.

Стахановское движение

В ночь на 30 августа 1935 г. донбасский шахтер Алексей Стаханов перевыполнил свою норму на 1 400 % и стал родоначальником нового движения, которое впоследствии получило название «стахановского». Хотя работа «ударными темпами» началась уже в 1929 г., новое движение отличалось от прежних явным использованием материальных стимулов, таких, как повышенная зарплата, выделение квартир, раздача велосипедов, билетов в театр, при подчеркивании героического образа рекордсменов. Это отлично сочеталось с новой философией второй пятилетки, в которой главный упор делался на стимулирование потребительского спроса и более индивидуалистической философии.

Осенью 1935 г. стахановское движение охватило всю промышленность, правда, не без сопротивления. В частности, некоторые административные работники были настроены против него, в результате чего это движение приобрело антиадминистративный характер, поскольку рабочих поощряли критиковать и выявлять членов администрации, которые саботировали внедрение стахановских методов. Тем не менее критика в адрес администрации стала лишь частью рабочего ответа на стахановское движение. В то время как одни приветствовали стахановское ударничество, считая, что оно способствует индивидуальному продвижению, и жаловались, когда не получали необходимой поддержки, другие не проявляли такого энтузиазма. Режим был склонен считать любое проявление неприязни к стахановским методам обычной завистью к успехам каждого отдельного стахановца. И это было правдой: большинство протестов рабочих против стахановцев было связано с тем, что простые рабочие боялись, как бы успехи стахановцев не повлияли негативно на их зарплаты, рабочие места и на многое другое.

Публикующиеся в прессе данные о достижениях ведущих стахановцев, естественно, наполняли сердца простых рабочих чувством возмущения и зависти. Речи, подобные выступлению на первом Все-союзном съезде стахановцев в ноябре 1935 г. стахановца Лихорадова, должны были привести в ярость менее удачливых рабочих. Лихорадов рассказал, что в январе 1935 г. зарабатывал всего 184 руб., однако к сентябрю его зарплата возросла до 1 315 руб. «Я хочу зарабатывать даже больше — две, три с половиной тысячи, потому что наша Советская власть дает нам шанс хорошо работать, много зарабатывать и вести культурную жизнь. Могу ли я носить хороший костюм и покупать хорошие сигареты? Да, могу. Некоторые товарищи мне завидуют, но что мне с того?» — заявил он⁴².

Какой эффект это прославление богатства, приверженность материальным ценностям и самореклама могли произвести среди рабочих? Молниеносная карьера Стаханова явно вызывала общее возмущение. Один рабочий в 1936 г. вопрошал, почему Стаханов, положив начало стахановскому движению, сам перестал работать и превратился в начальника⁴³. Рабочие пожилого возраста не могли угнаться за более молодыми товарищами — 53 % стахановцев, трудившихся в промышленности Ленинграда в ноябре 1935 г., были моложе 30 лет⁴⁴. На собрании на заводе «Красный выборжец» в декабре 1935 г. рабочий Копылев, проработавший на заводе сорок четыре года, жаловался, что труд молодых рабочих с одним или двумя годами стажа очень хорошо оплачивался, их брали на встречу со Сталиным, и они пользовались многими другими благами. Тем не менее важно отметить, что рабочие с большим стажем работы сопротивлялись стахановскому движению еще и потому, что надбавки за стаж, квалификацию и «прогрессивка» (регулярные премии) и без того делали их зарплаты достаточно большими⁴⁵.

Разумеется, имели место как словесные, так и физические нападения на стахановцев, и поэтому 28 ноября 1935 г. ЦК издал постановление о борьбе с преступлениями, направленными на дезорганизацию стахановского движения. Были также разосланы соответствующие директивы, в которых призывалось разобраться с этим реальным, хотя и ограниченным, явлением⁴⁶. Правда, надо отметить, что столкновения со стахановцами зачастую были не очень серьезными, дело ограничивалось шутками, например: «Эй, стахановец, пойдем покурим. Работа от тебя не уйдет»⁴⁷. Многие нападения, в том числе и с применением физической силы, как признавала сама официальная пресса, не обязательно были связаны со статусом стахановца⁴⁸.

Терстон достаточно убедительно доказывает, что большинство конфликтов, связанных со стахановским движением, вспыхивали не между стахановцами и простыми рабочими, а между рабочими вообще и их начальниками⁴⁹. Вовлечение в стахановское движение почти трети всех рабочих, возможно, сглаживало проблему зависти. Быть простым стахановцем не означало быть элитой, особенно потому, что этот статус был весьма изменчивым⁵⁰. Лишь немногие стахановцы получали зарплату, сравнимую с зарплатой Лихорадова, а премии, которые давали стахановцам, состояли главным образом из чайников, стульев, ботинок и матрасов, а вовсе не роскошных квартир⁵¹.

Рабочие меньше критиковали отдельных стахановцев и их достижения, чем все движение в целом. Они скептически относились к его эффективности, поскольку, несмотря на мнимые рекорды, экономическое положение страны сколько-нибудь заметно не улучшалось. Как сказал в ноябре 1935 г. один рабочий завода им. Самойлова, член

партии, газеты пишут, что рабочий Сметанин на фабрике «Скороход» делает 2 000 пар обуви в одиночку, а в магазинах ботинок не найдешь⁵². Рабочих особенно беспокоила угроза, которую стахановское движение представляло для их зарплаты и условий труда, они часто проводили параллели между новыми методами и капиталистической эксплуатацией⁵³. Осенью 1935 г. прогнозировались безработица, увеличение норм выработки и снижение зарплат из-за возросшей производительности, и некоторые преднамеренно стали работать менее интенсивно с целью снизить нормы⁵⁴. По словам Франческо Бенвенути, власти догадывались о возможной реакции рабочих на увеличение норм выработки в связи со стахановским движением и в октябре 1935 г. выступили против произвольного повышения норм промышленными предприятиями⁵⁵. Тем не менее оно продолжалось, а в конце ноября, на съезде стахановцев, Сталин высказался за увеличение норм выработки, и декабрьский пленум ЦК это одобрил. Данное решение сильно испугало рабочих, стало поводом для неуверенности и распространения слухов. Например, в январе 1936 г. на фабрике «Судомех» ходили слухи, будто на заводе им. Карла Маркса рабочие зарабатывали до тысячи рублей и нормы там были откорректированы так, что их оказалось невозможно выполнить. В результате их снизили в два раза, но они все равно остались непосильными. Теперь, надеялись рабочие, будут решаться вопросы с нормами на всех заводах, возможно, невыполнимые уберут, и станет полегче⁵⁶.

В апреле 1936 г. нормы выработки и зарплаты были пересмотрены на многих заводах по всему Ленинграду, и оказалось, что рабочие кое-где стали зарабатывать меньше, чем прежде, хотя Сталин пообещал, что с увеличением производительности труда зарплата у всех поднимется. Так как на различных заводах в разное время были различные нормы, возрастила текучесть рабочих кадров. В конце апреля в сводках осведомителей говорилось о «массовых отказах брать на себя и выполнять новые нормы выработки; о подаче коллективных жалоб и массовом уходе рабочих с фабрик». Некоторые рабочие выражали свою злость на самих стахановцах, называя их предателями. Однако наблюдались примеры солидарности между обычными рабочими и стахановцами — на одной фабрике стахановцы объявили, что если нормы будут подняты, то они откажутся от своего статуса стахановцев и уйдут с фабрики, так как новые нормы сократят зарплату и тех, и других⁵⁷. Пропаганда стала предметом насмешек, в особенности сталинский лозунг о том, что жить стало веселей, а также заявления декабрьского пленума, что зарплаты всех рабочих поднимутся. И вновь рабочие почувствовали себя обманутыми.

Пересмотр норм выработки на некоторых предприятиях в июле 1936 г. также вызвал некоторое недовольство, однако к тому времени

темпы стахановского движения постепенно снижались после первых месяцев отчаянной активности. Уже не приветствовались рекорды ради рекордов, и антиадминистративные настроения пошли на убыль. Нормы выработки стали подниматься медленнее, а в некоторых случаях даже были сокращены в 1937–1938 гг. Со второй половины 1936 г. в сводках осведомителей уже реже отмечались случаи противодействия стахановскому движению.

1936–1937 гг.: «Жить стало лучше, жить стало веселее» (Сталин)

Этот рефрен характерен для пропаганды 1936–1937 гг. Хотя средняя зарплата в этот период поднялась в связи со стахановским движением и для некоторых людей жизнь стала немного легче, все же этого улучшения не было достаточно для того, чтобы жалобы прекратились. Рабочие руководствовались здравым смыслом, а не лозунгами, которые часто вызывали их недовольство: «Много написано о достижениях Советской власти, но на самом деле мы видим, что рабочий раньше пил чай с белым хлебом, а сейчас он глотает воду, ну а что касается колхозников, то тут просто и сказать нечего»⁵⁸. По мнению Мэннинг, в середине 1936 г. за показухой скрывался спад в экономике, спровоцировавший недовольство людей и тем самым стремительно ускоривший начало политических чисток⁵⁹.

В 1936 г. понижение зарплаты на заводах, связанное со стахановским движением, несколько повышенных цен и новый государственный заем — все это послужило толчком для проявления недовольства. Пересмотр норм выработки в апреле 1936 г. вызвал негативную реакцию людей, поскольку снизились зарплаты, которые не успевали за ценами: «с пересмотром норм выработки я получаю в день 6 рублей вместо 9 рублей, но продукты очень дорогие»; «до пересмотра норм выработки я ел кашу, но теперь у меня на нее нет денег». Жизнь стала не лучше, а хуже, «потому что она становится дороже каждый день»⁶⁰. 1 июля правительство издало указ о государственном займе на вторую пятилетку (4-й заем) и пересмотре всех прежних внутренних займов. Облигации, ранее проданные населению, с процентной ставкой, составляющей от 8 до 12 %, и с коротким периодом возмещения, были пересмотрены с введением более низкой ставки в 4 % на 20 лет⁶¹. Госзаймы и раньше не пользовались популярностью, потому что от рабочих требовали отдавать почти месячную зарплату. Однако в 1936 г. дополнительное решение пересмотреть старые займы усилило обычное нежелание подписываться на них, и даже члены партии и комсомольцы проявляли отсталые («хвостистские») настроения, не обеспечивая необходимого «воодушевления» в этом, как предпола-

галось, добровольном начинании, и сами отказывались подписывать-ся. К 4 июля было собрано лишь 47,5 % требуемой суммы (в районах Ленинграда, по которым можно получить информацию), то есть кампания шла более низкими темпами, чем во время займа 1935 г. Некоторые рабочие принимали коллективные решения о подиске на минимальные суммы, ссылаясь в свое оправдание на материальные трудности. Заем совпал с еще одним пересмотром норм выработки, и к 8 июля рабочие все еще отказывались жертвовать деньги, часто заявляя: «Мы не знаем, сможем ли заработать много денег с новыми нормами». Так, только 49,9 % рабочих Ногинского завода к этому времени подписались на государственный заем, что составило ничтожные 38,6 % от требуемой суммы⁶².

25 июля без предварительного уведомления были подняты цены на некоторые товары широкого потребления, например обувь. Агитаторов, которых также об этом не проинформировали, забросали неудобными вопросами: «Как подъем цен улучшит материальное положение рабочих?» Рабочие часто ссылались на официальные выступления и вспоминали, как на съездах партии клялись снизить цены: «Как это согласуется с обещаниями XVII съезда партии?» Некоторые люди, задававшие вопросы, считали, что ситуация для рабочих хуже, чем во время голода 1932–1933 гг.⁶³

У них возникло чувство, что их обманули, в особенности потому, что за несколько недель до этого проводилась усиленная агитация за государственный заем, подчеркивалось, что страна становится богаче, а цены скоро упадут⁶⁴. Когда в декабре цены вновь поднялись, разочарование еще более усилилось. И вновь агитаторам приходилось отвечать на трудные вопросы, донося наверх, что все больше народа говорит о противоречии между проводимым курсом и обещаниями съездов партии⁶⁵.

К 1937 г. цели пятилетки не были достигнуты, и экономику ожидал надвигающийся кризис⁶⁶. Голод в деревне зимой 1936–1937 гг. вызвал приток крестьян в города в поисках хлеба, и розничная торговля работала с перебоями. Дефицит товаров стал повсеместным явлением. Даже приверженцев режима беспокоила экономическая ситуация в начале 1937 г. Один из них написал Жданову письмо, в котором сомнением отзывался о словах Сталина: «Я думаю, что вопрос, достигли ли мы богатой и культурной жизни, еще полностью не решен». Далее он писал, что необходимо обеспечить людей не только дорогими, но и дешевыми товарами. Он сам не может купить себе писчей бумаги и ручек или даже ботинок, поскольку, во-первых, они стоят дорого, а во-вторых, их вообще нет в магазинах. Очереди за хлебом ужасающие, и никто, даже из местной партийной организации, как будто не понимает, почему они возникают. Письмо заканчива-

лось словами, что достигнуто и много хорошего, но автор не пишет о достижениях, поскольку адресату они и так известны⁶⁷.

Государственный заем в июле 1937 г. назывался «Заем укрепления обороны СССР», и агитационная кампания напирала на долг каждого гражданина пожертвовать на государственную безопасность. Однако вскоре стало ясно, что в 1936 г. некоторые рабочие-коммунисты не желали поставить этот благородный идеал над своими личными интересами⁶⁸. Некоторые оправдывали свой отказ в терминах официального дискурса о вредительстве, жалуясь, что денег на заем взять негде, да и смысла нет их искать: наверху полно вредителей, которые весь заем разворуют. Другие пытались торговаться с официальными лицами, которые, как они понимали, были вынуждены собирать нужные суммы. На заводе «Красный треугольник» рабочие сказали, что они бы подписались, если бы им предоставили жилье, путевки в дома отдыха и пр.⁶⁹ В газетных статьях прямо указывались заводы, на которых многие рабочие не подписывались на заем спустя недели после его выпуска. Газеты обвиняли в этом администрацию заводов. Например, на 1-м хлебозаводе к 20 июля не подписалось более 200 из 823 рабочих, а секретарь завкома Лавриков заявил, что у него нет времени заниматься займом: завком должен писать отчеты, и к тому же приближаются выборы⁷⁰. В статьях не делалось попыток углубиться в причины нежелания людей подписываться на заем, поскольку это означало бы признать материальные трудности у многих рабочих и отсутствие энтузиазма в вопросах защиты родины.

В газетных статьях не прослеживалась связь между недовольством экономической политикой и общей враждебностью режиму, однако ясно, что они были тесно связаны и что власть была об этом осведомлена. Например, майская демонстрация в 1937 г. проходила без всякого энтузиазма. Люди задавались вопросом, почему им надо идти на демонстрацию, когда нечего есть, а заводские митинги, посвященные празднованию этого дня, не получили большой поддержки. На Кировском заводе на митинг явились только 30 из 500 рабочих первой смены и 60 из 2 000 рабочих второй смены, на Пятой гидроэлектростанции — 20 из 1 000⁷¹.

Связь между плохим экономическим положением и антисоветскими настроениями открыто обсуждалась ответственными партийными работниками на митингах. На партийном совещании на заводе «Красный треугольник» 23 января 1937 г. секретарь Кировского райкома Касимов объяснял влияние дефицита галош (основная продукция завода) на настроения людей: когда рабочий, интеллигент или крестьянин не может найти галош, он недоволен и начинает ругать советскую власть⁷². Понимание того, что поддержка режима в значительной степени зависит от возможности удовлетворить потребитель-

ский спрос, видимо, больше всего беспокоило руководство партии в этот период. Было видно, что поднимается народный ропот против режима из-за продолжительного экономического спада. Это должно, в некоторой степени, объяснить курс партии в 1937 г., призванный направить враждебность по отношению к «советской власти» на таких людей, как, например, секретарь парткома вышеупомянутого завода «Красный треугольник» Константинова, репрессированная 19 июня 1937 года⁷³.

1938–1941 гг.: предвоенный экономический спад

В задачи третьей пятилетки, которая продолжалась с 1938 г. до начала войны, входило увеличение вложений в оборонную промышленность за счет товаров народного потребления. Эта мера, наряду со смятением, вызванным политическими чистками, создала чрезвычайно неблагоприятный экономический климат. В 1936–1937 гг. для лозунга «Жить стало лучше, жить стало веселее» существовали хоть какие-то основания, теперь он был совершенно неуместен, и даже власть начала это понимать. Настроения людей выразил в апреле 1938 г. в письме один мастер, рабочий с 1917 г. Он требовал гласности и прекращения бессмысленных разглашений о «лучшей жизни». Советская власть, писал он, существует уже 20 лет. Пятнадцать или шестнадцать из них идет мирное развитие. Было много трудностей и неудач. Партия предупреждала людей, что это временные трудности, что после выполнения двух пятилетних планов у людей будет всего в изобилии. Люди работали с энтузиазмом, преодолевали трудности. И вот социализм в основном построен. Когда начиналась третья пятилетка, на митингах, съездах и в газетах кричали: «Ура, мы достигли счастливой, радостной жизни!» Однако, если говорить честно, эти слова выкрикиваются по привычке, механически, под влиянием лозунгов сверху. Простой человек выкрикивает их, как уличный продавец газет. А когда он приходит домой, жена упрекает его за то, что весь день провела в очередях и ничего не достала, что нет ни одежды, ни мяса, ни масла, и в душе он с ней согласен.

Автор письма отмечает, что слова «жить стало лучше, жить стало веселей» теперь цитируются иронически, особенно когда людям приходится тяжко. Он признает определенные достижения и необходимость расходов на оборону, но считает, что основные потребительские товары нужно сделать доступными любой ценой. Удивляясь, почему нет забастовок и революций в фашистской Германии, он делает заключение, что, вероятно, немецкие рабочие ни в чем не нуждаются. Он также признается, что хотел бы вступить в партию, но только при условии, если партийные руководители будут откровенно выступать

в печати и объясняют людям, почему они испытывают такие трудности и когда, наконец, всего будет достаточно⁷⁴.

Лозунг «Жить стало лучше» действительно стал реже цитироваться в прессе, газеты даже начали писать о недовольстве в стране, главным образом чтобы помочь агитаторам, которым было все труднее оправдать перед рабочими волнивший дефицит потребительских товаров. В сентябре 1938 г. «Спутник агитатора» напечатал «правильные ответы» на сложные вопросы «почему иногда отсутствуют продукты и потребительские товары в магазинах?» и «почему такие очереди?». Агитаторам предлагалось обращать внимание людей на то, что тяжелая промышленность не смогла выполнить поставленные перед нею планы, а также на плохую работу торговых организаций и на проблему спекуляции⁷⁵. Тем не менее, несмотря на такую подсказку, многим агитаторам не удавалось дать удовлетворительные ответы. Один из них объяснил очереди в 1939 г. далеко не убедительным образом: «Наша страна большая, с населением 170 миллионов человек, а в Англии, например, маленькое население, и поэтому там нет очередей»⁷⁶.

Очереди и дефицит — характерные признаки этого периода. В очередях стояло большое количество недовольных, и эти очереди служили благодатной почвой для роста недовольства и распространения слухов. Например, в конце сентября 1938 г. в центре Ленинграда милиция зафиксировала очереди за одеждой, обувью и тканями, в которых насчитывалось от полутора до шести тысяч человек. Люди, стоящие в очередях, жаловались, что стоят-стоят, а им ничего не достается⁷⁷. Рабочие снова начали выступать за введение карточной системы и магазинов рабочего снабжения. Женщины с фабрики «Работница» жаловались в конце 1938 года, что из-за огромных очередей за промтоварами ничего не могут себе купить на октябрьские праздники, что борьба со спекуляцией ведется очень слабо. Они требовали покончить со спекуляцией и ввести карточки на товары или открыть на заводах магазины рабочего снабжения⁷⁸.

Это требование чаще всего звучало в 1939–1940 гг. Однако правительство, чтобы справиться с дефицитом, прибегло к политике постоянного повышения цен. В январе 1939 г. на потребительские товары были установлены унифицированные цены, в результате на многие продукты они удвоились, что сопровождалось протестами рабочих⁷⁹. Однако эта мера не привела к ликвидации очередей. Люди заметили, что ситуация ухудшилась даже по сравнению с серединой 1930-х гг.⁸⁰ Кампания государственного займа в августе 1939 г. встретила обычное сопротивление. Некоторые активисты отказывались проводить кампанию, наблюдались случаи открытого говора между рабочими подписать на более низкую сумму. Например, в десятом цехе заво-

да № 7 некая Сысоенкова собрала группу рабочих и уговорила их «держаться сообща», в итоге каждый из них подписался только на 50 руб. На заводе распевали куплет: «Налоги, налоги. / Налоги давай, / А осень придет, / Штаны продавай»⁸¹.

В сентябре, с началом Второй мировой войны, положение с продуктами питания ухудшилось, поскольку люди начали их припрятывать. В октябре ходили слухи, что положение еще больше ухудшится, потому что советские продукты посылаются в Германию и в недавно оккупированные области западной Украины и западной Белоруссии⁸². Была предпринята попытка улучшить продовольственное снабжение к годовщине революции, но провалилась из-за того, что люди начали закупать продукты впрок. В конце ноября началась «зимняя война» с Финляндией, а ввиду декабрьского запрета властей на продажу муки и хлеба в деревнях к концу 1939 г. гигантские очереди и дефицит товаров в Ленинграде и городах Ленинградской области приобрели массовый характер.

«Зимняя война» усугубила уже и без того тяжелое моральное состояние людей. Многие заводы в Ленинграде не могли функционировать из-за нехватки энергии. В январе 1940 г. люди надеялись и верили, что будет введена карточная система, чтобы помочь им справиться с кризисом, но один член партии возразил, что правительство однозначно не введет карточную систему, поскольку людей придется тогда обеспечивать продуктами, которых, очевидно, не существует. В действительности в конце января в Ленинграде произошел новый виток роста цен, вызвавший еще больше «антисоветских» разговоров и недовольства даже среди членов партии и комсомола. Некоторые партийные секретари находились в растерянности, не зная, как объяснить ситуацию. Один сказал, что райком сам должен объясняться с рабочими, многие из которых получали только половину зарплаты, поскольку работа на заводах часто останавливалась. Пусть ответит на их вопросы, например, почему в 1914–1917 гг. продуктов было достаточно, а во время этой войны их нет. Подобные негативные сравнения с царским режимом были распространены в то время, некоторые проводили аналогию между Первой мировой войной, ускорившей революцию, и настоящим положением дел⁸³.

В низах все чаще раздавались требования свободы слова. В неопубликованном письме в «Ленинградскую правду» в январе 1940 г. приводятся жалобы на дефицит, очереди, остановки предприятий, которые вдвое уменьшили заработную плату рабочих. Автор настаивал на том, что рабочего разорять нельзя и следует платить ему за простой из-за нехватки энергии 100 % средней зарплаты. Он также выражал надежду, что по радио или в газетах скоро объяснят, почему в магазинах ничего нет, а если что-то и появляется, то уже на 50 % дороже⁸⁴.

25 января партком фабрики «Большевик» получил анонимное письмо, предположительно написанное пятьюдесятью рабочими. Они жаловались на агитаторов, которые пытались объяснить рост цен. В письме говорилось, что партия лжет «как меньшевики», вместо того чтобы сказать рабочим прямо: дескать, ваша свинина, колбаса, рис и сахар посылаются в Германию; пусть фашисты наслаждаются ими и поправляют свое здоровье, а советский рабочий класс привыкает жить с пустым желудком⁸⁵.

Рост цен не решил проблему очередей отчасти из-за значительной суммы денег, оставшейся в обращении. Власть прибегла к репрессивным мерам, используя милицию для штрафования спекулянтов и людей, стоящих в очередях возле магазинов до их открытия. Однако люди обходили эти трудности: собирались группами на автобусных остановках и около других ларьков, ожидая времени открытия магазина, а затем стремительно бежали к нему и вставали в очередь⁸⁶.

Изобретательность народа проявлялась также в стихийных попытках ввести неофициальные формы карточной системы вопреки указаниям из центра, запрещавшим подобную практику. Например, открывались «закрытые» магазины, которые обеспечивали только тех, кто жил по соседству. На заводах создавались пункты распределения товаров, где их количество, которое покупатель мог приобрести в любое время («норма»), было гораздо больше, чем предписывал центр⁸⁷.

Наиболее катастрофическим экономическое положение было на протяжении зимы 1939–1940 гг., но условия существования оставались тяжелыми и в 1940–1941 гг. В апреле 1940 г. вновь повысились цены на основные продукты питания, вызвав жалобы и панику среди низко- и высокооплачиваемых рабочих. Отступив от стандартных обвинений, возлагавших ответственность за враждебные выступления на антисоветские и отсталые элементы, НКВД отмечал, что даже лояльные режиму люди недовольны. К этому времени партия перестала вести разъяснительную работу на многих заводах и фабриках⁸⁸. В мае 1940 г. были установлены новые нормы выработки. Следующий виток роста цен пришелся на июль 1940 г. В октябре поднялись цены на хлеб, а нормы снабжения хлебом и другими продуктами питания, которые мог купить любой человек, были урезаны. Это вызвало заявления, что «правительство, уменьшающее нормы потребления, поднимает цены на продукты, ведет агрессивную политику и должно быть смещено», и угрозы: «Если вы лишите рабочего всех благ, никто не будет на вас работать, все уволятся»⁸⁹. Правительство понимало, что у рабочих не осталось стимулов к труду. Исчезли потребительские товары, которые они могли себе позволить. Драгоценное рабочее время тратилось в очередях. Единственный способ увеличить производи-

тельность труда видели в том, чтобы прибегнуть к еще более жестким дисциплинарным мерам, — это стало основной причиной июньского закона о труде 1940 года.

Законы о труде 1938 и 1940 гг.

В то время как стахановское движение в значительной мере опиралось на материальное стимулирование рабочих, трудовая политика в течение третьей пятилетки главным образом базировалась на принуждении. В этот период остро ощущалась нехватка рабочей силы. Трудовая дисциплина в 1937 г. упала до катастрофического уровня⁹⁰. Число прогулов в первой половине 1937 г. выросло в полтора раза по сравнению с первой половиной 1936 г. На некоторых заводах каждый день не выходили на работу около 400 рабочих, в особенности летом⁹¹. Эти проблемы продолжались до 1938 г.⁹², и, чтобы справиться с ними, правительство 28 декабря 1938 г. издало постановление, в котором перечислялись меры наказания за прогулы и нарушение дисциплины (включая штрафы, выселение с занимаемой жилплощади и увольнение), а также урезались льготы для женщин с детьми. Были введены трудовые книжки для сдерживания текучести рабочей силы и для дисциплинарного контроля.

По сведениям НКВД, люди встретили этот закон «многочисленными негативными замечаниями», особенно по поводу увольнения прогульщиков и опаздывающих на работу. Люди ощущали, что закон нарушает права рабочих, достижения революции и их конституционные права. Некоторые открыто выступали на митингах. Один рабочий Кировского завода сказал, что голосует против этого закона и все присутствующие с ним согласны, только боятся заявить об этом открыто. Только в фашистской Германии, возмущался он, рабочих выбрасывают на улицу. Выражали недовольство и женщины из-за ущемления их материнских прав⁹³.

Рабочие продолжали прогуливать и опаздывать на работу и после принятия закона, за что их увольняли. Увольнения приводили в ярость особенно кадровых рабочих с большим стажем, которые были возмущены тем, что их считают ненадежными. На комбинате им. Кирова рабочего Федорова уволили за 30-минутное опоздание, несмотря на то что он проработал на предприятии 20 лет и никогда не получал выговоров. Женщины, работающие в цехе, жаловались партийному секретарю: они всю жизнь приходили на работу вовремя, что же их теперь, увольнять на старости лет, если разок проспят? Среди кадровых рабочих царила напряженная атмосфера⁹⁴, хотя, согласно июльской информационной сводке 1939 г. о текучести рабочей силы на ленинградских предприятиях, среди уволенных большинство состав-

ляли «отсталые», «молодые» или «из деревни». В этой сводке критиковалась чрезмерная приверженность к административным мерам, которая приводила к многочисленным сокращениям. Так, через пять месяцев после принятия закона с Кировского завода было уволено 6 765 чел., в том числе 4 572 чел. за прогулы. На заводе им. Молотова было уволено 1 288 рабочих, или треть рабочей силы. Люди нарочно старались, чтобы их уволили, чтобы уйти с этого завода и устроиться на другой, куда их брали безо всяких проблем. Система трудовых книжек оказалась совершенно неэффективной, а нехватка рабочей силы означала, что рабочие по-прежнему востребованы на рынке труда⁹⁵.

Хотя в этой сводке указывалось, что административные меры неэффективны и их следовало бы заменить воспитательной работой, правительство вновь прибегло к репрессивной политике. Указ 26 июня 1940 г. был издан по просьбе рабочих и при содействии комитета профсоюзов (партия и правительство дистанцировались от этого явно непопулярного закона). Он предусматривал наказание за отсутствие на рабочем месте, включая опоздание на работу на 20 и более минут, а также вводил 8-часовой рабочий день. Тимашев говорит, что, «поскольку на Западе бушевала война, которая могла затронуть и Россию, все эти меры были охотно приняты населением страны, охваченным патриотическими чувствами»⁹⁶. В информсводке НКВД от 21 октября 1940 г. также отмечалось, что большинство рабочих с энтузиазмом приветствовали указ и случаи антисоветских настроений наблюдались только среди квалифицированных рабочих⁹⁷. При наличии других источников информации эти выводы кажутся весьма приукрашенными.

Много людей пострадало от последствий указа: с 26 июня 1940 г. до 1 марта 1941 г. 142 738 чел. в Ленинграде были приговорены в соответствии с ним к исправительным работам на сроки до 6 месяцев. В их число входили 3 961 коммунист и 7 812 комсомольцев⁹⁸. Суды и тюрьмы были переполнены. Но указ не повлиял на дисциплину на многих заводах, поскольку рабочие продолжали опаздывать и прогуливать. На заводе «Большевик» статистика за третий квартал 1940 г. показала, что дисциплина ухудшилась по сравнению со вторым кварталом. Некоторые рабочие не выполняли план. Эти факты ставят под сомнение широкую поддержку указа трудящимися⁹⁹.

Массовые самоубийства во второй половине 1940 г. также не свидетельствуют об энтузиазме. Узнав, что их будут судить, рабочие вешались, принимали яд или выбрасывались из окна, часто оставляя записки, в которых описывали свое отчаяние из-за того, что их считают преступниками за обычное опоздание на работу на несколько минут по причине капризов общественного транспорта. Васильева с завода № 7 выпила йод и опиум и оставила родным письмо, где писала, что

не может вынести позора предстоящего суда. Другой рабочий, приговоренный к принудительным работам на четыре месяца за пьянство на рабочем месте, повесился¹⁰⁰.

Период после выхода указа характеризуется волной политического протesta. Это и открытые политические выступления, и распространение слухов и прокламаций, и призывы к забастовкам. Идея революции и восстания сильнее всего занимала рабочих в это время. Листовки гласили: «Скоро мы будем бастовать»; «Долой правительство угнетения, бедности и тюрем»¹⁰¹. Ходили слухи о забастовках на заводах: якобы на Кировском заводе собрались 500 чел. с 15 самолетами и бронепоездом, а в Москве и Донбассе рабочие уже вышли на улицы¹⁰². Рабочие говорили о необходимости второй революции (о «взрыве недовольства», о «подъеме народных масс» и о «буунте против правительства»)¹⁰³. Чувствовалось, что терпение людей лопнуло, что достаточно небольшого толчка, чтобы они пошли на крайние меры, и что в 1940 или 1941 г. советской власти может прийти конец¹⁰⁴. НКВД, естественно, озабоченный взрывом народного недовольства, придал враждебным настроениям контрреволюционную окраску, причисляя протестующих к «троцкистам», «анархистам», «меньшевикам» и «эсерам», его доклад от 28 сентября заканчивался зловещими угрозами, напоминающими терминологию 1937–1938 гг.: «В ближайшем будущем мы проведем аресты наиболее активных контрреволюционных элементов и усилим меры для обнаружения антисоветского подполья»¹⁰⁵.

За разговорами рабочих скрывались не политические программы, а недовольство политикой режима и, помимо прочего, ощущение несправедливости и эксплуатации. Люди почти не упоминали имен Троцкого или других подобных фигур, за исключением Ленина; главной темой многочисленных жалоб было то, что достижения революции растрячены впустую, а права, прописанные в Конституции, попраны и страна скатывается к капитализму, фашизму и даже ко «второму крепостному праву»¹⁰⁶. Такие высказывания показывают, что даже те, кто в прошлом был предан режиму, поддерживал идеалы революции и Конституции и верил, что рабочие живут при социализме, теперь выступали против режима. Интересно отметить, как часто люди в 1940 г. говорили о конституционных правах, заявляя, что указ нарушает статьи сталинской Конституции о 7-часовом рабочем дне, и вопрошая, где же свобода личности, провозглашенная в Конституции¹⁰⁷.

Члены партии также начинали проявлять беспокойство. Некоторых из них, особенно старых большевиков, озадачил указ, который, казалось, опровергал все мечты, связанные с революцией. Другие были настроены против него, поскольку понимали, что теперь уве-

личится текучесть квалифицированных рабочих кадров. Повсеместно предпринимались попытки их защитить, вопреки порицаниям сверху. Указ возмущал людей и потому, что из-за него создавалась напряженная обстановка на рабочих местах. Один активист жаловался на митинге на заводе «Красное знамя», что с тех пор, как он принят, возникла атмосфера нервозности, рабочий дома не может нормально отдохнуть, все время смотрит на свои часы, боясь опоздать на работу. Коммунисты выступали за другие методы стимулирования рабочих, предлагая, например, создать условия для того, чтобы они были заинтересованы в своем труде, и дать им чуть больше свободы. Несогласие с товарищами некоторых членов партии особенно проявилось во время празднования годовщины Октябрьской революции. Некоторые партийные комитеты почти не подготовились к празднованию, в результате чего на митинги явилась лишь половина приглашенных людей. На торжественный митинг Кировского завода 4 ноября вообще не пришел ни один член парткома¹⁰⁸. Остальные рабочие знали об этих настроениях недовольства среди партийцев, ощущая, таким образом, поддержку. Рабочий с Ижорского завода сказал, что знает многих коммунистов, разочарованных так же, как и он, и нужен лишь толчок, чтобы передовая линия была прорвана и все пошли на «репрессии», даже женщины из деревни возьмут грабли, серпы и метлы¹⁰⁹. Осознание недовольства внутри партии и осуждение по новому указу многих тысяч коммунистов и комсомольцев, возможно, помогали рабочим надеяться на организованный протест.

К концу 1940 г. разочарование рабочих наблюдалось повсюду. На митинге, организованном парткомом Кировского завода, старый рабочий пытался поднять дух людей, называя недовольных «нытиками». Красные партизаны, сказал он, в свое время сражались за советскую власть, часто не имея даже сухой корки хлеба, но никогда не жаловались, а сейчас все принадлежит рабочим¹¹⁰. Но такие призывы почти не оказывали действия. Продолжали распространяться негативные чувства и различные слухи о судьбе рабочих, которых посадили в тюрьму по новому указу. Реакция рабочих, последовавшая за выходом этого указа, свидетельствовала, что в некотором роде он потряс их даже больше, чем террор 1937 г. Ходили слухи, будто заключенных в тюрьму рабочих подвергают пыткам. Один рабочий отказался подписаться на заем 1941 г., сказав при этом: «Я не дам денег на строительство тюрем для рабочего класса». Слово «спорт» рабочие расшифровывали как «советское правительство окружило рабочих тюрьмами» и «советское правительство организовало рабочий террор».

В этих условиях партийные организации прекратили борьбу против антисоветских высказываний. В феврале 1941 г. ленинградский

организационно-инструкторский отдел отмечал, что антисоветские и нездоровые чувства бесконтрольно выражаются на городских предприятиях. По его словам, «некоторые антисоветские элементы дошли до того, что в разговоре с другими людьми позволяют себе нагло и открыто клеветать на советское правительство, партию и ее руководителей». Среди партийных секретарей росло ощущение бессмыслицности разъяснительной работы¹¹¹. Возможно, и существовало объяснение дефициту, займам, отмене карточной системы, росту цен на товары, стахановскому движению, но как было объяснить тот парадокс, что власть, призывающая пролетариат восстать и сбросить свои цепи, начала в массовом порядке сажать рабочих в тюрьмы? Особенное значение, которое партия придавала идеологическим лозунгам, сделало ее беззащитной перед критикой народа, когда оказалось, что она не может жить в соответствии с этими лозунгами.

Глава 2. Крестьяне и колхоз

В 1917 г. у русских крестьян была одна главная мечта — о земле. Большевики это знали и, остро нуждаясь в поддержке крестьян, в ночь после Октябрьской революции издали Декрет о земле, объявлявший об отмене частной собственности на землю и призывающий к перераспределению ее между крестьянами. Вначале интересы крестьян и советской власти совпадали, однако вскоре их отношения стали портиться. Отчасти это происходило потому, что крестьяне всегда жили в замкнутом мире (общине) и резко протестовали против вмешательства в их жизнь «посторонних». Неизбежно последовали столкновения, так как советский режим проводил политику государственного вмешательства и собирался полностью уничтожить тот уклад, который называл «идиотизмом деревенской жизни». Однако главной причиной разногласий стали принудительные реквизиции хлеба у крестьян во время Гражданской войны. Оказанное крестьянами ожесточенное сопротивление послужило одним из факторов, обусловивших введение нэпа и свободной торговли хлебом.

НЭП во многом стал для крестьян золотым веком. Несмотря на то что их заставляли платить налоги, что вызывало у них некоторое недовольство, в остальном они были практически предоставлены самим себе. Коммунисты были «редкими птицами в деревне 1920-х годов», и крестьяне относились к режиму в этот период скорее равнодушно, чем враждебно¹. Поскольку крестьян не принуждали продавать хлеб, а государственные цены на него были очень низкими, они растили хлеб только для собственного прокорма или припрятывали его в надежде поднять цены. Сельское хозяйство велось на примитивном уровне; крестьяне пользовались серпами и сохами.

Все это означало, что города жили впроголодь. Справиться с этой задачей правительство решило с помощью коллективизации, и в 1929 г. Сталин призвал ко всеобщей коллективизации и ликвидации «кулаков» (богатых крестьян), которых обвинили в сокрытии зерна. Крестьяне отчаянно сопротивлялись, иногда предпочитая забить весь скот и даже сжечь дом, чем вступить в колхоз. Это заставило режим пойти на попятную и в марте 1930 г. временно отступить от своих целей. Однако позднее в том же году на крестьян вновь повелось наступление. К 1931 г. свыше половины всех крестьянских дворов в СССР вступили в колхозы, а подавляющее число так называемых кулаков были высланы в различные части страны, посажены в лагеря или расстреляны. В результате всех этих мер в 1932–1933 гг. на страну обрушился страшный голод.

Крестьянам, вступившим в колхоз, новая система странным образом напоминала крепостное право: чтобы получить плату хлебом, они должны были выработать в колхозе определенное число «трудодней», что они рассматривали как обыкновенную «барщину» (определенное количество дней, которое крестьяне работали на помещика). Размер платы зависел от того, сколько хлеба останется после сдачи части урожая (обычно большей) государству. Многие колхозники просто бросали свои хозяйства и устремлялись в поисках работы в города. Катастрофическое сокращение сельскохозяйственного производства заставило Сталина в середине 1930-х гг. пойти на компромисс. К 1937 г. коллективизация была практически завершена, а в период с 1933 по 1937 г. несколько улучшились условия жизни людей. Статистические данные по СССР свидетельствуют, что во время голода 1932 г. крестьянин получал на трудодень 2,3 кг хлеба, а в 1937 г., когда урожай выдался исключительно богатый, эту норму увеличили до 4 кг (в сравнительно неплодородной Ленинградской области цифры несколько ниже). В период до 1938 г. также возрастало поголовье крупного рогатого скота, увеличивался доход от свободной торговли, и наблюдалось повышение покупательского спроса на товары народного потребления. Например, с 1932 по 1933 г. крестьяне Ленинградской области почти перестали покупать себе обувь; затем с 1935 по 1936 г. спрос вновь увеличился, достигнув 85 % от уровня 1932 г. и 138 % в 1937–1938 гг. Та же картина наблюдается и в отношении ткани, спрос на которую упал после 1932–1933 гг., но к 1937–1938 гг. возрос до 173 % от уровня 1932–1933 гг.² Несмотря на эти скромные достижения, неприязненное отношение крестьян к колхозам сохранилось в течение данного периода и даже усугубилось в результате неурожая 1936–1937 гг. и предвоенного наступления государства на личные приусадебные участки.

Голос крестьянина в этот период обычно не так слышим, как голос рабочего, возможно потому, что режиму трудно было отслеживать мнение людей в деревне. С другой стороны, крестьяне, возможно, предпочитали более скрытые анонимные формы выражения, такие, как слухи и песни. Ясно, что негативное отношение к колхозам иногда принимало форму слухов, в которых звучала надежда на уничтожение колхозов, вроде тех, что ходили по стране во время обсуждения Конституции³. Были также распространены частушки⁴, многие из них сохранились благодаря стараниям партии и НКВД. Эти подрывные частушки широко ходили в народе, и их можно было услышать в самых разных уголках СССР⁵. Большинство частушек датировались периодом 1934–1936 гг., и в них отражалось неприятие колхозов.

Колхоз часто изображался, как тюрьма, колхозная жизнь — как угнетение человека, а конец колхозов — как форма освобождения:

«Из могилы пишет Киров / Дорогому Сталину: / Не держи народ в колхозах, / Распусти по-старому»; «Я рязаночку плясала / И продернула колхоз. / Принудиловки мне дали / Две недели жать овес»; «Кирова убили, скоро Сталина убют, / Все колхозы разбегутся, / Нам свободней будет жить».

Колхозная система ассоциировалась с лишениями и нуждой. Труд изображался в негативном свете: «Надоели нам палатки, / Надоели коечки. / Надоели нам, ребята, / Лесозаготовочки». Неудивительно, что продукты питания (в особенности хлеб) и его нехватка постоянно упоминаются в частушках: «Пятилетка, пятилетка, / Как ваши девочки? / Хлеба нету ни кусочка, / Плачут ребятишки». В частушках партийное руководство часто несло личную ответственность за нехватку хлеба: «Когда Киров помирал, / Сталину наказывал: / Хлеба вволю не давай, / Масла не показывай». Иногда говорилось о том, что крестьянам приходится питаться кониной: «Я шла мимо колхоза, / Там колхозники сидят, / Зубы белые большие, / Кобылятину едят».

Отсутствие одежды и обуви прямо связывалось с новой системой: «Пятилетка, пятилетка, / Пятилетка пьяная. / Не из-за тебя ли, пятилетки, / Рубашонка рваная?» Само вступление в колхоз казалось гаранцией бедности, которая выражалась в потере одежды или башмаков: «Я в колхоз шла тихонько, / А из колхоза все бегом. / Я в колхоз-то шла обувши, / А из колхоза босиком»; «В колхоз пришла, / Юбка новая. / Из колхоза ушла / Совсем голая»⁶.

Частушки преднамеренно подрывали официальную пропаганду о хорошей жизни в колхозах. Например, слова «пятилетка, пятилетка» были пародией на многочисленные официальные лозунги и стишкы, в которых использовался этот припев. Расщатывание официальных ценностей в особенности становится очевидным, когда мы сравниваем официальные частушки, сфабрикованные режимом, с неофициальными. В официальных частушках используются образы из мира природы, чтобы передать счастливую гармоничную жизнь в колхозе: «На горе соловьи, / Под горой кукушки. / Хорошо в колхозе жить, / Милые подружки». В народных частушках мы видим диаметрально противоположный взгляд, хотя здесь также используются похожие образы: «В наше поле прилетела / Серая кукушка. / Худо, худо жить в колхозе, / Милая подружка»⁷. Путем символического ниспровержения системы частушки обеспечивали временное эмоциональное освобождение от тяжелой монотонной жизни в колхозах.

Власти были вынуждены мириться с неприятием крестьянами колхозов, ярко выражаемым в этих частушках. Начались переговоры, во время которых крестьяне добились небольших уступок от властей⁸. Еще в 1932 г. крестьянам официально разрешили продавать излишки продукции, выращенные на маленьких личных участках, *не*

принадлежащих колхозу, которые они сохранили за собой после коллективизации. На XVII съезде партии Сталин говорил о необходимости поддерживать личный интерес крестьянина, в частности поощряя его держать больше крупного рогатого скота. Хотя такие меры, как постепенный поворот к рынку и отмена карточной системы, не вводились специально для того, чтобы успокоить крестьян, крестьяне приветствовали их. После смерти Кирова единоличник из Тихвинского района сказал: «В деревне говорят, что Киров был убит, потому что разрешил свободную торговлю хлебом. Здесь, в деревне, мы жалеем о смерти Кирова и беспокоимся, как бы эта свободная торговля, которую он ввел, не была отменена»⁹.

Самой большой уступкой крестьянам стало принятие нового колхозного устава в феврале 1935 г. Он признавал права крестьян на личный приусадебный участок и некоторое количество скота (коров, свиней, кур). В устав были включены и другие привилегии, например освобождение беременных и кормящих женщин от работы. Некоторые пункты устава, включая льготы для женщин, пользовались необычайной популярностью, и в этот период наблюдалось массовое вступление единоличников в колхозы. Тем не менее раздавались жалобы, что правительство не идет на большие уступки. Узаконивание личных участков явно приветствовалось крестьянами, но некоторые колхозники требовали, чтобы им выделили под участки лучшие колхозные земли. Выражалось общее недовольство тем, что лошади остались собственностью колхоза, потому что лошадь всегда играла незаменимую роль в экономике и культуре русских крестьян. Следовательно, устав лишь в некоторой степени удовлетворил чаяния крестьян. Вдобавок крестьяне сомневались, будет ли он выполняться на деле, поскольку не питали иллюзий насчет соблюдения законов в своей стране. Как сказал один председатель колхоза: «Хорошо, что его приняли, но попробуйте его осуществить. Сталину легко говорить, ведь сам он ничего не делает, а люди работают на него»¹⁰.

Эти уступки гарантировали относительное спокойствие крестьян, но полностью справиться с критическими высказываниями о колхозной системе и особенно о больших планах обязательных заготовок сельскохозяйственной продукции, требуемых государством, так и не удалось. Весь этот период крестьяне постоянно жаловались, что государство покупает хлеб по абсурдно низким ценам, а продаёт по гораздо более высоким. Производительность труда оставалась очень низкой, поскольку крестьяне не видели стимула работать вне своих личных участков. Некоторым даже царизм казался предпочтительней существующей системы: «Раньше жизнь была легче. При царском режиме крестьянину было легче работать 10 лет в своем собственном хозяйстве, чем теперь 10 дней в колхозе»¹¹.

Попытка стимулировать производительность труда введением в деревне стахановских методов работы в целом не увенчалась успехом, несмотря на интенсивную пропаганду таких стахановцев-колхозников, как трактористка Паша Ангелина и свекловод-комбайнер Мария Демченко. Крестьяне обычно полагали, что стахановское движение предназначено лишь для рабочих, и ассоциировали его с заводами и машинами. Так, один кандидат в члены партии, когда его спросили в конце 1935 г., кто такие стахановцы, ответил: «Они и есть те самые машины, которые очень производительны». В январе 1936 г. Ленинградский отдел НКВД констатировал, что стахановские методы внедряются в деревне очень плохо, поскольку крестьяне считают их неподходящими для колхоза и высмеивают саму идею, что человек может работать, как машина¹². В марте 1936 г. на «слетах стахановцев» в Западной Сибири НКВД также отмечал пассивное настроение и скептицизм в отношении того, что сев стахановскими методами может быть проведен за десять дней. Договор о социалистическом соревновании тоже осмеяли: «Как можно соревноваться без хлеба и обуви? Если бы был хлеб, а лошади поправились, то мы бы посоревновались». Одни, рассматривая стахановское движение с практической точки зрения, относились к нему недоверчиво еще и потому, что оно ассоциировалось с заводами и, соответственно, с машинами, которые были на плохом счету и на которые люди возлагали ответственность за плохие урожаи, поскольку, по их словам, до применения тракторов и другой техники у них всегда было что поесть. Других возмущало, что параллельно с соревнованиями стахановцев в магазинах появлялись дефицитные продукты, явно для того, чтобы служить стимулом к стахановскому труду, поскольку цены на эти продукты были слишком высоки для крестьян. Один тракторист, которого выбрали членом делегации, отправившейся на встречу со Сталиным, горько жаловался на цены; предстоящая поездка в Москву его не радовала, потому что «денег нет, а я голодный»¹³.

Разворачивание стахановского движения не помогло увеличить производительность труда, и в 1936 г. хлеба собрали очень мало, отчасти из-за неблагоприятных погодных условий¹⁴, отчасти из-за неподготовленности колхозов. Когда во время весеннего сева в апреле 1936 г. НКВД проверил работу 290 колхозов в 40 районах Ленинградской области, то обнаружилось, что во многих из них недостаточно семян и транспортных средств (лошади были изнурены), сельхозтехника не отремонтирована, меры для удобрения почвы не приняты, множество крестьян вышли из колхозов, потому что у них нет хлеба, и сельскохозяйственных кадров не хватает. НКВД «решил» эти проблемы, арестовав 1 072 чел. за «контрреволюционные» преступления,

направленные на срыв посевной кампании. К 5 мая посевной план был выполнен лишь на 7,4 %¹⁵.

За последовавшим неурожаем пришла зима, полная разочарований для колхозников многих районов России, включая Ленинградскую область. Частные письма, перлюстрированные цензурой, оказались полны сообщений о страшных лишениях, которые терпели колхозники; так, например, хлеб, завезенный в деревню, распределялся между учителями и служащими¹⁶. Авторы писем описывают, как разваливается колхозная система, как колхозникам приходится стоять за хлебом в очередях, насчитывающих тысячи человек. Некоторые вставали в шесть утра, чтобы попасть к утреннему открытию магазина, и приносили с собой стулья и подушки, чтобы хоть немногого на них поспать, но даже у них не было гарантий, что они добудут хлеб. Люди разбивали окна магазинов, наблюдался рост преступности, особенно грабежей и убийств. Многие говорили, что «пришел голод», и рассказывали о смертях от голода, о раздавленных в очередях людях, даже маленьких детях. Проводились параллели с голодом 1932–1933 гг. на Украине. Другие писали, что ситуация хуже, чем в 1918 г.¹⁷ Истерию раздували и слухи о предстоящей переписи населения, намеченной на первые числа января. Сводки НКВД подтверждают информацию, содержащуюся в этих письмах, кроме того, в них отмечаются вспышки заболевания скарлатиной, дифтерией и тифом. В прессе, тем не менее, царило глухое молчание, заставляя людей задаваться вопросом: «А знают ли власти обо всем происходящем?» В отсутствие официальных указаний, как бороться с кризисом, на местах предпринимались самостоятельные меры: вводилось неофициальное распределение продуктов посредством организации «закрытых» магазинов и развоза хлеба по домам¹⁸.

В некоторых случаях острое недовольство быстро ухудшающимся экономическим положением приобретало ярко выраженную политическую окраску. Слышались разговоры о том, что скоро будет бунт, и слухи о бунтах в соседних регионах. В области появлялись многочисленные прокламации и листовки. Один мальчик написал следующую прокламацию: «Я, Александр Объедков, заявляю, что в СССР царит голод, хлеба нет, люди встают в два часа ночи в надежде добыть кусок хлеба. Соберите армию и нападите на СССР». В одном районе к почтовому ящику была прикреплена листовка, начинавшаяся словами «дайте хлеба!» и призывающая «товарищей крестьян» нападать на магазины и сельсоветы. В некоторых районах забастовали школьники. В Шольском районе учащиеся, стоя в очередях, кричали: «Если не дадите нам хлеба, не пойдем в школу», — и многие подхватили их слова. Другие были менее воинственными — например, пионеры из Мгинского района написали письмо в Ленинградский радиокомитет,

в котором рассказали, как они опоздали в школу из-за того, что стояли в очередях, и просили разрешения получать хлеб без очередей. Они добавляли, что как пионерам им было стыдно слышать, что их родители ругают советскую власть из-за кризиса¹⁹.

В большинстве областей кризис продлился до марта или апреля, а в некоторых местах даже до мая. Хороший урожай 1937 г. отчасти смягчил положение, тем не менее основные проблемы колхозной системы остались нерешенными. Правительство пыталось их решить с помощью ряда постановлений, направленных на повышение производительности. Крестьяне отнеслись к ним с презрением, поскольку не верили, что их можно воплотить в жизнь. В апреле 1938 г. НКВД в своих сводках отмечал многочисленные выходы из колхозов и падение трудовой дисциплины. Отчасти это объяснялось нестабильностью, вызванной частой сменой руководства колхозов, которая в некоторых случаях происходила каждый месяц (возможно, в связи с чистками). Другая причина заключалась в недостаточной оплате труда колхозников²⁰. Чтобы справиться с этой проблемой, из-за которой большинство крестьян лишалось стимула работать, 19 апреля 1938 г. правительство издало постановление «О неправильном распределении доходов в колхозах». В нем колхозной администрации велели выдавать на трудодни не менее 60–70 % доходов колхоза и не допускать, чтобы капитальные затраты превышали 10 %. Закон мало что изменил, и колхозы продолжали работать со сбоями, поскольку трудоспособные люди находили иные источники доходов и покидали колхозы, чтобы прокормить жен, родителей и детей. В Красногвардейском районе в 1938 г. из 14 572 трудоспособных колхозников 4 024 имели меньше одного трудодня и 3 081 менее пятидесяти²¹. Увеличение планов обязательных заготовок некоторых видов продукции лишь усугубляло проблему. Например, когда в июле 1938 г. был спущен новый план по сену, колхозники из одной деревни Боровичского района объявили, что не позволят себя грабить, и призвали всех не выходить на работу²².

Крестьяне продолжали вкладывать все силы в свои личные хозяйства, которые в тот период неуклонно расширялись. Если в 1934 г. личные приусадебные участки занимали 3,6 % пахотных колхозных земель Ленинградской области, то к маю 1939 г. эта цифра увеличилась до 5,7 %²³. Правительство решило бороться с этим явлением, выпустив постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (27 мая 1939 г.). Изданное с целью сокращения личных участков, оно неизбежно осложнило отношения между крестьянами и государством. Крестьяне чувствовали, что у них отбирают принадлежащее им по праву²⁴. Привлекая в помощь официальный дискурс о вредительстве, они заявляли, что постанов-

ление принято врагами народа, что ликвидация приусадебных участков — вредительство. Было общее чувство, что законы, принятые государством, в любом случае неэффективны: кто до сих пор не работал в колхозе, тот и не будет; советская власть принимает много решений, но ни одно из них не выполняется²⁵.

Выполнение постановления на практике столкнулось с особыми трудностями в Ленинградской области, поскольку там было множество хуторов, большинство из которых входили в колхозы номинально. Согласно постановлению, к 1 сентября 1940 г. хуторян следовало переселить в деревни. К 25 июля 1939 г. треть из них была выселена. Переселенцы отчаянно сопротивлялись, некоторые даже кончали жизнь самоубийством. Многие надеялись, что если какое-то время будут просто игнорировать закон, то власти в конечном итоге про него забудут. Люди применяли тактику проволочек: например, жаловались, что их переселяют задолго до срока²⁶.

Как крестьяне и предвидели, постановление не вызвало заметного желания работать в колхозах; в мартовском отчете 1940 г. отмечалось, что множество проблем оставались неразрешенными. Закон не исполнялся, лошади и крупный рогатый скот использовались в личных целях чаще, чем в колхозных, люди продолжали возделывать свои участки или занимались другой более выгодной работой²⁷. В 1940 г. на СССР обрушился еще один неурожайный год. На трудодень по стране выдавалось 1,3 кг хлеба против 4 кг в 1937 г. В некоторых регионах это породило «нездоровые настроения» среди колхозного руководства. Так, председатель одного колхоза объявил, что колхозники не могут работать, потому что голодны, и добавил, что в тюрьме сидеть лучше — там хоть 200 граммов хлеба дадут, а в колхозах и этого не получишь²⁸.

Поскольку правительству по-прежнему не удавалось заставить людей работать на колхозной земле, 5 марта 1941 г. оно издало новое постановление «О дополнительной оплате труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства по Ленинградской области»²⁹. Оно вызвало особенно ироническое отношение среди крестьян, обвинивших официальных лиц в «рассказывании басен»; существовало твердое убеждение, что закон этот просто пустой звук³⁰.

Ответом на проводимую в 1941 г. кампанию госзайма стала крайне низкая подписная активность среди крестьян. Например, поголовно все кадровые рабочие совхоза в Сятском районе отказались на него подписываться. Большинство ссылалось на недостаток хлеба из-за низких урожаев предыдущих лет. Возможно, отказ подписываться на государственный военный заем был не случайным. Он мог быть связан с тем, что многие крестьяне очень сильно желали, чтобы началась

война. Один из них сказал: «По мне все равно, кто будет у власти, пусть хоть Гитлер, но я не думаю, что подписка необходима»³¹. Недовольство, которое копилось все эти годы, переросло накануне войны в открытую неприязнь по отношению к властям. В сводке от 18 июня 1941 г. отмечался подъем антисоветской активности в деревнях. Коммунисты не только не боролись с нею, но даже иногда сами подпадали под ее влияние³². На волне всеобщего недовольства Гитлер и напал на Советский Союз 22 июня 1941 г., несомненно к удовлетворению некоторого числа крестьян, которые надеялись, что с войной придет конец ненавистной колхозной системе³³.

Голос женщин

В середине 1930-х гг. советская власть отказалась от прежнего противоречивого отношения к «буржуазным» институтам, например к институту брака, возродив идеал стабильной семьи, всячески поддерживая материнство, наряду с одновременным утверждением равноправия полов на рабочем месте¹. В 1930-е гг. женщины существенно пополнили ряды рабочего класса. Однако во многих отношениях они оставались бесправными гражданами. По-прежнему были живы гендерные стереотипы, женщины несли груз забот по дому, несмотря на то что работали полный рабочий день. Как эти условия повлияли на взгляды женщин в данный период? Очень трудно отделить взгляды мужчин и женщин, рабочих или крестьян, поскольку бедный рабочий или бедная работница имели похожие мнения, и многие из высказываний, приведенных в этой книге, принадлежат обоим половам². Тем не менее двойные нагрузки — на работе и дома, которые приходилось выполнять женщинам, в значительной мере определяли их отношение к жизни, поэтому следует подробнее рассмотреть их взгляды, которые больше касались вопросов быта: дома, семьи, потребления. Важно отметить, что работницы не испытывали чувства гендерной солидарности, поскольку ее превосходила «классовая» принадлежность: например, женщины обижались на то, что в средствах массовой информации поздравляли с праздником домохозяек «среднего класса».

В этом исследовании анализируются высказывания ленинградских работниц, потому что мнения крестьянок почти не представлены в источниках³. Значительную долю рабочей силы в Ленинграде составляли женщины. К 1 января 1935 г. число женщин достигало 44,3 % всех рабочих и служащих во всех сферах трудовой деятельности и 44,7 % только в одной промышленности (25,7 % в металлургической и электротехнической, 55 % в химической, 78,5 % в текстильной, 83,8 % в швейной и пищевой). Многие из этих женщин влились в ряды рабочих в период первой пятилетки. Например, общее число женщин, занятых в металлургической и электротехнической промышленности, выросло с 11,1 % в 1930 г. до 26,6 % в 1934 г. Несмотря на то что работниц было почти столько же, сколько рабочих, женщины, тем не менее, находились в невыгодном положении. Иногда им платили меньше, чем мужчинам, несмотря на одинаковые опыт работы и квалификацию. Уровень грамотности у женщин был намного ниже по сравнению с мужчинами. В 1935 г. более половины женщин,

работающих на текстильных фабриках, были неграмотными. Незначительное число женщин охватывалось политической учебой, партийные активистки сосредоточивались в основном на текстильных предприятиях. Немногие женщины добивались высокого положения: из 328 директоров фабрик в Ленинграде в 1935 г. только в 20 случаях этот пост занимали женщины, 17 из них работали на текстильных и швейных фабриках. От 50 до 60 % врачей были женщинами, но только четверо из них стали главными врачами больниц⁴. Во второй половине 1930-х гг. партия начала кампанию по продвижению женщин на партийную работу и на работу на предприятиях, которая не увенчалась большим успехом⁵. Тем не менее число работающих женщин продолжало расти. К 1937 г. они составляли 49,6 % всех ленинградских рабочих, 21,1 % ИТР и 66,1 % служащих. В 1940 г., после введения всеобщей воинской повинности для мужчин, женщины стали выполнять мужскую работу, а их численность на заводах достигла почти 60 % от всей рабочей силы.

На предприятиях дискриминация женщин сохранялась в течение всего этого периода. Иногда стереотипы поддерживались самими женщинами, но в основном их притесняли и угнетали мужчины⁶. Продолжали существовать гендерные стереотипы, касающиеся политических взглядов, но о них редко упоминалось в информсводках потому, вероятно, что эта тема казалась несущественной. В спецсообщениях приводятся несколько высказываний, которые свидетельствуют о том, насколько прочно укоренилось традиционно-патриархальное сознание. В Конституции 1936 г. было ясно сказано о гарантиях наделения женщин равными правами с мужчинами, один рабочий по этому поводу возмущался: теперь чуть что, жена из дома выгонит. Женоненавистнические чувства обострились во время выборов 1937 г., рабочий с Кировского завода сказал тогда, что не будет голосовать за женщин, поскольку они «ни на что не годятся», другие протестовали против участия женщин в выборах. Некоторые женщины также говорили на языке стереотипов о женщинах — кандидатах на выборах. Одна, очевидно крестьянка, агитировала против женщины, выдвинутой кандидатом в органы местного самоуправления, аргументируя это тем, что кандидат «просто девчонка»⁷.

В силу закоренелых взглядов и обычаев, которых придерживались как мужчины, так и женщины, обычная работница на ленинградской фабрике получала меньшую зарплату, была менее грамотной, в меньшей степени вовлечена в процесс политического и технического образования по сравнению с рабочим. По этим причинам женщины реже, чем мужчины, выражали те мысли, анализу которых посвящено данное исследование. Исходя из информационных сводок партии и в особенности НКВД о настроениях народа, создается впечатление,

что мужчины говорили громче женщин, хотя, возможно, информаторам дали указание уделять основное внимание мужчинам и прислушиваться в основном к ним. Некоторые партийные активисты считали, что у женщин нет никаких серьезных мыслей. На одном партийном митинге было сказано, что многие женщины мещанки, любят комфорт, не интересуются общественной жизнью, не беспокоятся о производстве⁸. Вероятно, такой стереотип оказал свое воздействие на общий тон спецсообщений партии и НКВД о настроениях женщин. Тем не менее по информационным сводкам можно сделать вывод, что женщины выражали свое мнение по политическим, экономическим и социальным вопросам, хотя их интересы не всегда совпадали с интересами мужчин. Несмотря на снисходительный тон, слова о безразличии женщин к «общественной жизни» заключали в себе некоторую долю истины, потому что внимание женщин было на самом деле сосредоточено на доме и семье. Однако вряд ли это объяснялось любовью к «комфорту». Женщинам приходилось нести на себе бремя хозяйственных забот, подчиняясь общепринятым мнению: женщина должна отвечать за покупки для дома, заботиться о детях, выполнять всю работу по дому, даже если работает полный рабочий день⁹. Двойная нагрузка зачастую оставляла женщине гораздо меньше времени на чтение, политзанятия и дискуссии, чем ее не столь занятому супругу¹⁰.

Таким образом, пока мужчины с жаром спорили о заслугах Троцкого и Сталина или дискутировали об итогах партийных съездов, женщины предпочитали говорить о нуждах своих детей, очередях или новых витках цен и протестовать против политики правительства, которая грозила экономическому благополучию семьи¹¹. Конечно, это обобщение — некоторые женщины горячо обсуждали теоретические политические вопросы; многие мужчины также говорили о ценах. В период выдвижения кандидатов в советы в декабре 1934 г. вопросы быта широко освещались представителями обоих полов. Но именно женщины подчеркивали необходимость улучшить материальное обеспечение детей¹². 9 декабря 1934 г. на митинге одного из цехов текстильной фабрики им. Халтурина, где женщины составляли большинство, началась оживленная дискуссия среди работниц, которые требовали лучшей еды и одежды для детей. Работница Смирнова заявила, что на их зарплату детей растить невозможно: ребенок идет в школу голодный, но и там тоже не ест; дети ходят без ботинок. Женщины также выступали за лучшие жилищные условия для себя и своих семей. Работница Короткова жаловалась, что в ее семье 7 человек, они живут в одной маленькой комнате и не могут получить жилье. Так как их выступления звучали в требовательном тоне, работница Гудкова предложила поговорить и о достижениях: на фабрике, напри-

мер, медсанчасть превратилась в большое отделение, столовая также расширилась и улучшилась; за последнее время поднялась заработка плата, улучшилась система снабжения рабочих, вообще жизнь стала лучше. Другие женщины не согласились с этой попыткой сгладить проблемы, утверждая, что, наоборот, все очень плохо. Работница Савельева возмущалась, что ее больному ребенку в больнице дают кашу без масла¹³.

Главной темой этой дискуссии было беспокойство о благополучии детей. И это беспокойство окрашивало взгляды женщин на многие проблемы. Так, если мужчины обсуждали вопрос помохи СССР коммунистам Испании с идеологической точки зрения, женщины поднимали вопрос о детях. Работница Серегина с фабрики «Красное знамя» сказала: «Ваши дети не видят шоколада и масла, зато мы посыпаем их испанским рабочим»¹⁴. Постоянные хлопоты матерей о том, чтобы защитить, накормить и обеспечить всем необходимым свои семьи, отражены в стихотворении «Мамины заботы», написанном школьниками в 1935 г. для стенгазеты:

Сегодня день ясный,
Веселые дети
Играют и пляшут,
Не знают забот.
А дома мамаша
Хлопочет, не знает,
Чего на обед
Им сварить,
Одеть и обуть
Своих деток родимых,
Не знает мамаша,
Где обуви взять.
Им надо пальтишки,
Им надо сапожки,
Заботится
Бедная мать¹⁵.

Женщины не только заботились о благополучии своих детей; их также весьма волновал вопрос роста цен, поскольку именно они в основном занимались покупками. Троцкий замечает: «Работница-мать имеет свой взгляд на общественный режим, и ее “потребительский” критерий, как презрительно выражается сановник... является в последнем счете решающим»¹⁶. Новость об отмене карточной системы вызвала испуг у женщин, особенно у тех, у кого были большие семьи. Одна домохозяйка, выступая на митинге избирателей, заявила, что дети и так не получают достаточно жиров, они голодные и слабые, болеют туберкулезом, а после отмены карточек у бедных рабочих и их

детей совсем не будет ни масла, ни хлеба. Другие домохозяйки встретили это выступление аплодисментами, помешав одной женщине осудить его, и послали записки председателю, в которых спрашивали, почему их детей так плохо обеспечивают. В общем и целом, женщины были гораздо сильнее настроены против отмены карточной системы, чем мужчины, — на Ворошиловском заводе, например, мужчины всецело приняли этот курс партии, однако женщины проявили «пассивное» настроение. Подобные настроения царили и на других фабриках, где большинство рабочих составляли женщины. В сентябре 1935 г. в информсводках отмечалось недовольство среди работниц и домохозяек из-за упразднения карточек на мясо и другие продукты, потому что в продажу поступало только самое дорогое мясо высокого качества¹⁷.

Поскольку женщинам платили меньше, чем мужчинам, они, естественно, не хотели подписываться на государственные займы. В 1935 г. многие женщины, которые отказались подписываться на займы, относились к категории низкооплачиваемых работниц, занятых на текстильных и швейных фабриках, или же находились в очень трудном материальном положении из-за того, что у них были дети либо их оставили мужья. Например, на фабрике им. Халтурина одна работница, получавшая 128 руб. в месяц, отказалась подписаться на заем. Ее муж умер во время Гражданской войны, а ее сыну было 14 лет. Работницы часто проявляли солидарность во время кампаний по займам. Например, во время кампании 1936 г. все работницы цеха на третьем этаже текстильной фабрики «Веретено» (с зарплатами 250–280 руб.) отказались подписаться более чем на 50 рублей¹⁸.

Этот тип женской солидарности, как правило, не проявлялся за воротами фабрики. Все женщины беспокоились о благополучии своих семей, тревожились из-за нехватки продуктов и пр. Однако маловероятно, что заводские работницы испытывали чувство солидарности с женами инженеров, которых в то время, как свидетельствует Фишпатрик, в официальной советской пропаганде впервые стали всячески прославлять¹⁹. Движение жен-общественниц поощряло активность жен инженеров, занимающихся благотворительностью, успешно поддерживающих своих мужей, а также статус образцовых семей. «Буржуазный» подтекст подобных поощрений был очевиден некоторым работникам. В 1936 г. их особое недовольство вызывал тот факт, что движение «жен» получило чрезвычайно широкую огласку в прессе. В мае один информатор докладывал, что после награждения жен больших начальников орденами Красного Знамени и почетными значками некоторые работницы с негодованием спрашивали, что они такого особенного сделали, что им дают ордена. Работницам также не нравилось, что богатые домохозяйки держат

прислугу. В июле 1936 г. рабочие интересовались, почему жены ИТР и других ответственных работников имеют прислугу, а сами не работают. Тогда же, в июле 1936 г., низкооплачиваемые домработницы написали письмо в Ленинградский совет с жалобами на своих нанимательниц, жен инженеров, которые иногда держали даже поваров и горничных. По мнению домработниц, эти жены были даже хуже, чем «хозяйки» при старом режиме²⁰.

Таблица 3
Число абортов в Ленинграде в 1930–1934 гг. (на 1 тыс. чел. населения)

Год	Рождения	АбORTы
1930	21,3	33,9
1931	21,3	36,3
1932	20,7	34,0
1933	17,0	36,7
1934	15,9	42,0

Источник и примечание: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1180. Л. 54, 62. Общеизвестно, что статистика абортов, в особенности нелегальных, ненадежна.

Семейная политика

Восстановление попрannого идеала буржуазной домохозяйки было только частью агитационной кампании 1934–1935 гг., направленной на утверждение традиционных семейных ценностей. Новый политический курс был вызван демографическим кризисом, причиной которого стала интенсивная индустриализация, он выражался в стремительном увеличении количества абортов и падении рождаемости. Ликвидация партийных женотделов ничего не изменила в данной ситуации, т. к. они активно боролись против абортов. АбORTы стоили сравнительно дешево, около 26–32 руб., и в первой половине 1930-х гг. их число намного превысило численность новорожденных в Ленинграде (см. табл. 3). Введение «уведомительной» процедуры развода в 1926 г. также вызвало заметный рост разводов. В Ленинграде в 1926 г. совершалось 3,6 развода на 1 тыс. чел. В 1927 г. эта цифра почти утроилась, составив 9,8 и достигла пика (11,5) в 1928 г. Затем она немного снизилась, но все еще оставалась на неприемлемо высоком уровне в 1934 г., когда происходило 5 разводов на 1 тыс. чел. (а браков заключалось 15,5)²¹.

Пропаганда семейных ценностей не могла повлиять на положение вещей, и в 1936 г. были приняты более крутые меры: 26 мая 1936 г. вы-

шел проект постановления о запрещении абортов и разводов. АбORTы запрещались, за исключением случаев угрозы здоровью матери, предусматривались пособия матерям, имеющим более 7 детей, улучшалось обеспечение рожениц и кормящих матерей, усложнялись и резко подорожали бракоразводные процессы, а также было обещано применять жесткие санкции к отцам, скрывающимся от уплаты алиментов. После издания проекта начались его обсуждения, некоторые из них печатались в газетах²². Пожалуй, за период 1934–1941 гг. это была наиболее открытая дискуссия, так как, помимо привычной констатации всенародной поддержки закона, печатались также немногочисленные негативные отзывы.

Положения, касающиеся разводов, пользовались наибольшей поддержкой среди женщин, особенно молодых, потому что при разрыве супружеских отношений они оставались с детьми и вынуждены были поднимать их на мизерные или вовсе отсутствующие доходы. Один опрос о разводах, проведенный в конце 1920-х гг., показал, что в 70 % случаях инициаторами развода выступали мужчины, и лишь в 7 % это происходило по обоюдному согласию²³. В новом законопроекте предлагалось увеличить стоимость бракоразводного процесса до 50 руб., если он первый, для второго развода сумма составляла 150 руб., а для последующих – 300 руб. Для развода необходимо было, чтобы оба супруга явились в загс для расторжения брака и договорились о выплате алиментов. В сводках об обсуждении законопроекта отмечалось, что особенной поддержкой пользовалась статья об алиментах, и большинство предложений выражали озабоченность по поводу действенности закона, потому что люди понимали, что одно дело издать закон, а совсем другое – найти заблудших отцов и заставить их платить алименты. Естественно, часть мужского населения выражала протест против некоторых статей законопроекта, считая, что женщины могут злоупотребить законом и потребовать алименты от нескольких «отцов»²⁴. В целом, законопроект отразил чаяния граждан, в особенности женщин²⁵. Благодаря новому закону в Ленинграде сократилось число разводов, но также и браков, и к 1939 г. их соотношение не улучшилось по сравнению с 1934 г. – получилось примерно 3,5 брака на каждый развод²⁶. Подорожание бракоразводного процесса для многих не явилось существенным препятствием, и в 1944 г. вышло новое постановление, которое имело целью не только усложнить бракоразводный процесс, но и сделать его чрезмерно дорогим.

По сравнению с предложениями о разводах уголовное преследование абортов не вызвало большой поддержки. Число женщин, вынужденных сделать аборт, стремительно росло по причине низких зарплат и плохих жилищных условий. Ликвидация карточной си-

стемы также не способствовала созданию больших семей. Работница завода «Красный треугольник» выступила против закона об abortах, сказав, что у нее четверо детей и все голодные, поэтому она будет делать abortы, несмотря ни на какие запреты. Другая работница с фабрики «Большевичка» удивлялась, как можно не сделать abort, если у тебя семья из пяти человек и жилплощадь в 14 метров. Некоторые женщины считали abort выгодным делом, например, Назарова с завода «Красный треугольник» хвалилась, что сделала 6 abortов, детей у нее нет, они с мужем достаточно зарабатывают и живут припеваючи. Другие предлагали внести поправки в законопроект, чтобы в некоторых случаях разрешили делать abortы, например, после рождения четвертого ребенка, если женщина сразу после родов вновь забеременеет, в случае тяжелых жилищных условий или низкой зарплаты. Одна женщина предложила давать работницам более продолжительный декретный отпуск, чем служащим, по причине тяжелых условий работы на фабриках и заводах.

Женщины-работницы pragmatically подходили к вопросу, ссылаясь в свое оправдание на материальные трудности. В отличие от них, представительницы интеллигенции рассматривали его с принципиальной точки зрения. Согласно мнению одной интеллигентной женщины, закон «закрепощал женщин», поскольку большая семья потребует от женщины все ее время и лишит ее возможности работать наравне с мужчиной. Поражает тот факт, что многие из опубликованных критических писем написаны девушки-студентками и представительницами интеллигенции, которые считали, что кriminalизация abortов помешает женщинам заниматься трудовой деятельностью и задержит их на пути к эмансипации²⁷. Такие взгляды были свойственны интеллигенции, потому что представительницы рабочего класса относились к своей работе только как к необходимому условию заработка.

Несмотря на протесты, закон об abortах вступил в силу лишь с небольшими поправками. Число как легальных, так и нелегальных abortов сразу же сократилось, но позднее вновь стало расти в связи с ухудшением положения женщин, отчасти из-за дефицита необходимых товаров и подготовки к войне, а отчасти из-за нового предвоенного закона о труде, который во многом урезал права матерей. Закон о труде 1938 г., в частности, сократил декретный отпуск с 16 недель до 9, причем предоставлял его только матерям, которые отработали на своем рабочем месте не менее семи месяцев. Это свело на нет всю прежнюю агитацию в пользу семьи и возмутило работниц, многие из которых заявили в ответ, что у них больше не будет детей. Одна женщина сказала, что Stalin, должно быть, сошел с ума, если издал такой закон. Две женщины-инженера выразили всеобщее изумление более

красноречиво: «Какой позор, после всей этой шумихи вокруг закона об абортах. Теперь тысячи женщин будут калечить себя, уродовать свое тело, потому что они не хотят рожать. Что теперь случится после этого закона? Конечно, рождаемость резко упадет, а у женщин будут новые муки»²⁸. Это предсказание полностью сбылось.

Таблица 4

Случаи абортов в Ленинграде, 1936–1938 гг. (чел.)

	1936	1937	1938
Всего	62 072	25 738	31 630
Полные abortionы	43 999	1 879	3 728
Неполные abortionы ^a	18 073	23 859	27 902
Умерло от abortionов	114	160	238

Источник и примечание: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3538. Л. 107.

^a Неполный abortion — начатый за пределами больницы, т. е. в большинстве случаев нелегальный.

Закон о мобилизации от 1 сентября 1939 г. обязывал многих женщин встать на место мужчин на фабриках. Однако о детях не позабочились, и нехватка детских садов вызвала возмущение²⁹. В июньском указе 1940 г. говорилось лишь о незначительных пособиях для матерей с детьми. Рассказывали ужасные истории о женщинах, которым не удалось устроить своих малышей в ясли или чьи дети заболели: в результате им пришлось уйти с работы, за что они были осуждены или даже посажены в тюрьму вместе с детьми³⁰. В таких тяжелых жизненных обстоятельствах женщины продолжали делать подпольные abortionы. Цифры могут несколько варьироваться в различных источниках, но они дают общее представление о динамике abortionов в Ленинграде в этот период (см. табл. 4). Другие статистические данные показывают чуть большие цифры в те же годы. Они также свидетельствуют, что число abortionов, включая легальные (существовала тенденция, позволяющая врачам делать abortionы на основе некоторых медицинских показаний), продолжало расти и достигло 39 598 в 1939 г., в 1940 г. этот показатель снизился ненамного — до 37 880. Также возросло количество смертей после нелегальных abortionов, а в 1940 г. в прессе стали появляться статьи о подпольных abortionах³¹. С 1938 г. рождаемость начала падать и к 1940 г. вновь оказалась на уровне 1935 г.³² Подобно другим так называемым тоталитарным режимам — нацистской Германии и фашистской Италии, советский режим не мог контролировать рождаемость, поскольку его политика была направлена против воли народа.

Образование и социальная мобильность

Образование высоко ценилось как большевистской пропагандой, так и простыми людьми. Согласно Фицпатрик, поддержка закона о всеобщем образовании была одним из редких примеров принятия крестьянами советских ценностей³³. Одно из величайших достижений советской власти заключалось в том, что доступ к образованию получили все граждане СССР. Вскоре после 1927 г. резко подскочило число учащихся в начальных и средних школах, а также в институтах. Во время культурной революции была сделана попытка принимать в учебные заведения преимущественно граждан пролетарского происхождения, отодвигая на второй план людей, имеющих в родстве «классовых врагов»³⁴. Однако, являясь частью «Великого отступления», подобная политика в силу идеологических и экономических причин претерпела значительные изменения. Постановление от 29 декабря 1935 г. упразднило социальные ограничения при приеме в вузы. С этого времени человек, желающий получить высшее образование, мог рассчитывать лишь на свои способности. В годы третьей пятилетки стали закрываться специальные школы (рабфаки) по подготовке рабочих к поступлению в вузы. Наконец, постановление от 2 октября 1940 г. ввело плату за обучение в вузах и в старших классах школ. Одновременно стали выдаваться стипендии, причем в зависимости от успехов учащихся, а не их материального положения. Тогда же началась работа над системой «государственных трудовых резервов», целью которой было привлечь на производство молодых людей в возрасте от 14 до 17 лет. Государство принимало все эти меры, чтобы ограничить социальную мобильность трудающихся, и это вызвало протесты людей, ссылавшихся на конституционные права женщин, рабочих и бедных.

Постановление от 29 декабря 1935 г., ликвидировавшее социальные ограничения для поступления в вузы, являлось только частью мер, предпринятых во второй половине 1935 г., включающих Стахановское движение и, на менее значимом уровне, — легализацию новогодней елки. Некоторые воспринимали их как «отступление», изо всех углов зазвучали враждебные высказывания, что «все возвращается к старому». Новая политика Сталина («сын за отца не отвечает») воспринималась как элемент этой новой генеральной линии партии. В 1936 г. мы не узнаем СССР, говорили люди. Рождественские елки вернули, теперь социальное прошлое хоронят, эполеты носят, скоро и до «царя-батюшки» дойдет. Граждане испытывали замешательство, не понимая, как совместить «либеральную» линию

по отношению к детям враждебных элементов с бдительностью и борьбой против классовых врагов. Некоторые пытались объяснить отступление условиями надвигающейся войны, которые заставляют советскую власть делать уступки «чуждым» и лишенцам. Граждане были недовольны политикой властей, позволяющей детям лишенцев поступать в вузы, мотивируя это тем, что «яблочко от яблони не далеко падает». Недоверие к этим группам и уверенность в том, что они представляют собой угрозу, сформулировал один рабочий, который, используя характерные для того времени термины «правый» и «левый», назвал такую политику правительства «правым уклонизмом».

Постановление также вызвало недовольство и опасения тех, кто считал, что эта мера лишит рабочих возможности получить высшее образование, потому что дети лишенцев создадут им конкуренцию, они будут хорошо учиться и получать хорошие отметки, в то время как рабочие будут отставать³⁵.

Многие из подобных замечаний вторили оценке и других мероприятий, предпринятых властями, таких, как новая Конституция, которая гарантировала права всем гражданам (см. гл. 6). Люди беспокоились, что без необходимой дискриминации рабочий класс снова займет прежнее низкое социальное положение. Такие рассуждения имели под собой основание. Несмотря на то что абсолютное число рабочих и крестьян, получивших образование, возросло в этот период и количество людей, получивших среднее и высшее образование, увеличилось с 6 млн чел. в 1933–1934 гг. почти до 12 млн чел. в 1938–1939 гг., исследование, опубликованное в январе 1938 г., показало, что с начала первой пятилетки доля студентов, выходцев из рабочего класса, упала, в то время как доля студентов из среды служащих и специалистов значительно выросла. Число рабочих и их детей по-прежнему было завышено по сравнению с тем, какую часть населения они представляли: студентов из их среды было 33,9 %, но их доля среди всего населения составляла 26 %, а доля служащих и специалистов – 17 % от всего населения и 42,2 % от всех студентов. Крестьяне в этой статистике продолжали занимать незначительное место³⁶.

Октябрьское постановление 1940 г., казалось, еще больше ограничивало возможность получить образование для рабочих и крестьян из-за введения платы за обучение: 300–500 руб. в год за обучение в вузе и 150–200 руб. – в трех старших классах школы. Постановление также утверждало программу развития государственных трудовых резервов, по которой ежегодно набиралось от 800 тыс. до 1 млн призывников в возрасте от 14 до 17 лет для учебы в специальных профтехучилищах. Это постановление, призванное восполнить нехватку

рабочей силы, символизировало возвращение к старым представлениям: рабочий труд для бедных, а образование для богатых. Требования для поступления в училища были мизерными или вообще отсутствовали, потому что училища предназначались для детей из бедных семей. Вновь устанавливались гендерные роли, поскольку по этой программе призывались только юноши³⁷.

Неудивительно, что это постановление вызвало протесты. Оно явно нарушало статью Конституции, гарантирующую право на бесплатное образование, и этот факт не прошел незамеченным. Начались волнения на студенческих митингах, а в президиумы стали приходить записки с вопросами: «При коммунизме образование тоже будет платным?» Появлялись надписи: «Долой интегралы, мальчики на войну, девочки замуж», «Ищу мужа, который получает не меньше 1 000 рублей. Я восемнадцатилетняя девушка», а в одиннадцатом классе школы: «Ищу родителей с хорошей зарплатой, которые могут оплачивать образование». Чувствовалось, что постановление особенно затронет девушек. Один студент по этому поводу сказал, что теперь не диктатура пролетариата, а диктатура Совнаркома и Молотова. При капитализме его брат учился бесплатно, а при социализме он платит за свое обучение. Постановление, заявил он, толкает девушек заняться проституцией, а не учебой.

Люди стали проводить неприятные сравнения с царским режимом: «Снова мы идем назад. Раньше начальник не позволял рабочему даже пикнуть, а теперь рабочих угнетают. Раньше дети капиталистов учились в университетах, а теперь у детей рабочих одна дорога — умереть у станка, так же как их родители»³⁸.

Многие говорили о возврате к прошлому и о еще большем неравенстве между богатыми и бедными. В лесотехнической академии возникло предположение, что будут учиться те, у кого полно денег, а не дети рабочих и крестьян, и это снова приведет к разделению на богатых и бедных. Еще жаловались на то, что плата за обучение одинакова для всех, независимо от доходов (за исключением самых бедных, с которых не брали денег). Коммунист с завода «Октябрь» спрашивал: «Как это может быть, что инженер зарабатывает 1 000 рублей и имеет одного ребенка, а женщина зарабатывает 300 рублей и у нее трое детей. Из каких средств она будет платить за школу, ее дети тоже хотят учиться». Это высказывание встретило большое сочувствие среди работниц. Некоторые рабочие боялись, что им придется бросить учебу, например, студент судостроительного института написал своему учителю, что работал на заводе пять лет, а теперь не сможет учиться в институте. Будут учиться очень талантливые ломоносовы и дети советских руководителей, потому что они занимают самые

высокие должности и получают высокую зарплату. Таким образом, образование будет доступно только высшим слоям общества (что-то вроде знати), а для низших слоев, для трудящихся, двери будут закрыты.

Даже партийные работники были недовольны постановлением и не знали, как его оправдать. Секретарь партбюро завода «Радист» заявил на собрании райкома, что постановление неправильное, и поинтересовался, как ему объяснить рабочим, что дети неквалифицированных рабочих и дворников не смогут получить высшее образование³⁹.

Постановление с трудом воплощалось в жизнь. Число студентов, освобожденных от платы за обучение по причине крайней бедности, составило почти 10 %. Например, из 5 680 студентов промышленного института 526 не платили за учебу. Несмотря на эту уступку, 1 ноября, когда взималась плата за обучение, оказалось, что значительное число студентов, включая комсомольцев, не заплатили деньги. В инженерно-экономическом институте из 132 должников 105 оказались комсомольцами⁴⁰. Государственный трудовой резерв также столкнулся с трудностями, а именно с сокращением числа добровольцев. Только 600 тыс. молодых людей откликнулись на призыв в октябре–ноябре 1940 г., и, как ни удивительно, из них добровольцами оказались лишь 71 %⁴¹. Условия, в которых приходилось работать молодым людям, были далеко не идеальными, и зачастую их использовали в качестве бесплатной рабочей силы. В письме Сталину в конце 1940 г. ученики одной школы писали, что их предали, потому что они пришли в школу, где их обещали выучить на хороших специалистов, а оказалось, что их ничему не учат, но заставляют строить и копать траншеи. Они горько жаловались на то, что начальство обмануло их, что их держат под замком. В заключение они написали: «Мы живем при самодержавном режиме, как при Николае Палкине»⁴². Таким образом, несмотря на большую социальную мобильность в тот период, для этих молодых людей и других советских граждан новая образовательная политика, безусловно, означала Великое отступление.

Глава 4. Религия и национальный вопрос

Большевики были идеологическими противниками религии и национализма, противоречащих их собственному материалистическому интернационалистическому мировоззрению, и ошибочно полагали, что при социализме они постепенно отомрут. В этой главе будет показано, что как религиозные, так и национальные чувства не только не исчезли, но были широко распространены в 1930-е гг. Когда власти осознали этот факт, они приняли прагматичное решение использовать, а не подавлять их. Вопреки утверждениям Тимашева, «отступление» было не полным; очевидно, что в конце 1930-х гг. пропаганда стала широко использовать русские национальные ценности, возвеличивая Пушкина, Суворова и других русских героев, и что православную церковь во время Великой Отечественной войны заставили служить Советам.

Религия

Несмотря на пропаганду атеизма и жестокое преследование церкви, в особенности православной, считавшейся оплотом царского режима, партии не удалось отучить людей от «опиума» религии, и в течение 1920-х гг. большинство крестьян и многие рабочие продолжали считать себя верующими. Во время культурной революции началось новое наступление на религию. Религиозную деятельность церкви ограничили проведением служб в стенах храма, с зарегистрированными «двадцатками» (церковными общинами), многие церкви были закрыты. За этапом разрушения последовал новый период — «тихой вражды» (Хаф) или даже «иронического нейтралитета» (Троцкий)¹, поскольку начиная с 1934 г. партия приняла менее агрессивную установку, что явилось частью ее генеральной политики, направленной на внутреннюю и внешнюю разрядку². Церкви различных конфессий продолжали функционировать, на службы ходило много народа. Совершались богослужения, исполнялись традиционные обряды, и, похоже, на церковь не действовала антирелигиозная пропаганда. Верующие заявляли о своих правах, и начался процесс переговоров между государством и церковью. В 1937–1938 гг. государство жестко отреагировало на слишком большую, как ему казалось, независимость церкви. Но, как можно было предвидеть, удар по церкви не мог искоренить веру в людях, и накануне войны государство было вынуждено признать значение Русской православной церкви.

До 1938 г. в Ленинграде и Ленинградской области насчитывалось довольно много действующих церквей. В начале 1936 г. в Ленинградской области было 958 действующих «зданий религиозных культов»,

и 61 «здание» в самом Ленинграде; служило 1 800–2 000 священников и других церковнослужителей. К 1937 г. в области насчитывалось 846 действующих церквей, из них 50 были в Ленинграде, и более 2 000 священников³. В каждой церкви была своя «двадцатка» (зарегистрированная конгрегация) из примерно 20 активистов. Некоторые церкви сами себя успешно финансировали за счет сбора денег. Например, одна ленинградская церковь обладала капиталом в 100 000 руб., имела собственного бухгалтера, инженера и пр. Даже небольшая деревенская церковь умудрялась за несколько месяцев собрать 16 000 рублей на ремонтные нужды – удивительный факт для того времени, когда многим людям отчаянно не хватало денег⁴. Русская православная церковь (РПЦ) была наиболее могущественной и широко распространенной церковной организацией, однако существовали и многие другие конфессии, включая баптистов, католиков и лютеран. В некоторых частях страны сохраняли свои позиции староверы, к ним иногда переходили новообращенные, разочарованные компромиссами православной церкви⁵.

Хотя трудно говорить о том, насколько сильна была вера в людях, следует отметить, что в тот период в церквях собиралось очень большое число верующих. Согласно одному исследованию 1930-х гг., треть всего населения Ленинграда принадлежала к какой-нибудь конфессии. Однако больше всего религия была распространена в деревнях, а согласно опросу, проведенному в Ленинградской области в начале 1935 г., от 40 до 80 % колхозников считали себя верующими. Неудавшаяся перепись населения в 1937 г. показала, что верующими считало себя более половины взрослого населения Советского Союза⁶. Социальный состав верующих был разнородным – безусловно, отнюдь не все из них являлись деревенскими старушками, хотя женщины и люди пожилого возраста, вероятно, составляли большинство. Можно получить некоторое представление о числе верующих, воспользовавшись информацией властей о посещаемости церковных праздников верующими в Ленинграде, хотя эти цифры достаточно условны. На Пасху в 1934 г. на утренние богослужения собралось 132 953 чел., в том числе 65 500 женщин, 31 057 мужчин, 11 470 юношей и 18 875 девушек; кроме того, в храмы пришли 6 015 детей и 35 военнослужащих в форме. В 1935 г. 15 000 чел. праздновали римско-католическое Рождество: 4 725 мужчин и 10 275 женщин, из которых 1 749 были младше 25 лет, а 833 не достигли 16 лет. На празднование православного Рождества Христова 6 января 1936 г. собралось 21 047 мужчин, 46 312 женщин, а 7 января в храмы пришли 8 321 мужчина и 31 718 женщин. На Пасху 1937 г. в 30 церквях шли службы вечером 1 мая, причем 81 500 чел. находились внутри храмов, а еще 100 000 чел. стояли вокруг. Большинство из них (60–90 %) со-

ставляли женщины и люди старше 35 лет. Однако в некоторых церквях треть всех присутствующих была моложе 25 лет. Основная масса верующих состояла из домохозяек, людей, недавно приехавших из деревни, инвалидов и престарелых, хотя приходили группы молодых рабочих, в том числе празднично одетых девушек⁷.

Старшее поколение старалось держаться своих убеждений, которые оно передавало своим детям. В некоторых местах Ленинградской области церкви посещало большое количество детей. В Кингисеппском округе 50 % детей дошкольного возраста и 25 % школьников ходили в церковь. Эти дети безоговорочно восприняли веру своих родителей. Исследования, проведенные среди школьников в Старорусском районе, показало, что 30–80 % из них верили в Бога. Дети говорили, что верят в Бога, потому верят их родители, дома висят иконы, а сами они не знают, вредна религия или полезна⁸.

Антирелигиозные агитаторы, члены Союза безбожников, были бессильны в борьбе с религией. Число членов союза с 1932 по 1938 г. сократилось как минимум в три раза. Было отмечено, что в 1936 г. в Ленинграде эта организация прекратила свое существование и никто не занимался антирелигиозной работой⁹. Новая советская «религия» с ее праздниками, церемониями, культом вождя и пр. не могла стать привлекательной альтернативой истинной религии, отчасти из-за силы традиции. Церковные обряды, особенно непосредственно связанные с естественными событиями в жизни людей, были тесно вплетены в порядок повседневной жизни, и их продолжали исполнять, хотя и реже по сравнению с 1920-ми гг.¹⁰ Во Пскове в 1935 г. 54 % новорожденных детей в возрасте от 1 до 6 месяцев были крещены в церкви, а 40 % умерших отпеты. В Кингисеппском округе 95 % покойников были похоронены по церковному обычаю, а 30 % новобрачных венчались в церкви¹¹.

В РПЦ всегда было много праздников. Согласно негласной статистике, множество городских жителей продолжало посещать храмы по большим праздникам, таким, как Пасха. Вероятно, многих людей привлекала красота богослужения. Неудивительно, что именно этот аспект особенно подчеркивался в спецсводках, например, в сводке о пасхальных богослужениях в 1934 г. утверждалось, что люди приходят в храм лишь для того, чтобы насладиться зрелищем. Также заявлялось, что половина всех присутствующих — просто любопытные и в самые важные моменты богослужения можно слышать разговоры, смех и даже ругань. Более того, информаторы отмечали, что в церквях и больших кафедральных соборах больше всего прихожан, потому что духовенство наиболее образовано, у священников роскошные одежды, убранство напоминает театральное, а хоры и певцы очень

хорошо исполняют свою роль. Безбожники пытались противопоставить этим «спектаклям» старые фильмы и скучную литературу¹².

Пасха 1937 г. служит яркой иллюстрацией противостояния государства и церкви, религиозных и церковных праздников, потому что в этом году Пасха пришлась на 1 мая, День труда. В Ленинграде агитаторы старались отвлечь рабочих от церковного праздника, но государственный праздник не привлек внимания людей. Представитель завкома на заводе «Красногвардеец» сообщил рабочим, что 2 мая состоится культурное мероприятие, но рабочие должны сами оплатить его. Многие возмутились и ответили: «Не пойдем на демонстрацию, лучше будем праздновать Пасху». Рабочий с фабрики «Вторая пятилетка» сказал, что люди пойдут в церковь с удовольствием, потому что там можно слушать хороший хор бесплатно, а чтобы пойти в театр, нужны деньги¹³. В спецсообщении о пасхальных богослужениях говорилось, что они пышные и яркие, с прекрасными хорами, что резко контрастирует со скучной атеистической альтернативой. Указывалось и на то, что 15–20 % граждан пришли в церкви только посмотреть, а не молиться, и многие были пьяными¹⁴.

В деревне церковные праздники играли еще более важную социальную роль¹⁵. Они служили воплощением народной культуры, временем освобождением от каждодневной рутины. Сельчане продолжали праздновать многочисленные дни святых, иногда в течение нескольких дней. Например, в деревне Березовская праздновали 28 дней святых угодников подряд; эти празднования обычно сопровождались обильными возлияниями, шумным весельем и драками. В день празднования Святого Архангела Михаила в 1936 г., которое шло три дня, было продано 70 ящиков водки, после чего начались драки, во время которых было убито четыре человека. Согласно мнению одного ответственного партийного работника, церковные праздники отмечались больше в силу традиции, которая тесно связана с повседневной жизнью, а не по причине религиозных убеждений. Он цитировал слова одного колхозника, что дело не в посещении церкви, просто людям хочется отдохнуть, выпить и поесть праздничных яств. Молодежь в особенности радовалась праздникам святых угодников, потому что они давали возможность устроить традиционные гуляния. К церковным праздникам люди относились не так, как к государственным. Агитаторы, посетившие отдаленную область Дедовичского района во время четырехдневного праздника Покрова, отмечали, что все радостно готовились к празднику Покрова Богородицы и никому не было дела до праздника 7 ноября, про который люди говорили: «Это советский праздник»¹⁶.

У многих людей, особенно у жителей деревни, было очень мало культурных развлечений, тем более по сравнению с таким городом,

как Ленинград, поэтому церковь однозначно ассоциировалась с развлечением. Один колхозник из Валдайского района прямо сказал, что ходит в церковь, как в клуб. Но на киносеанс в клубе надо покупать билет, а посещение церкви обходится бесплатно. В другом районе колхозники также говорили, что им хочется в жизни разнообразия: ради этого они идут в церковь, или пьют водку, или играют в дурака¹⁷. Хотя режим, естественно, старался подчеркнуть развлекательные, социальные и эстетические функции религии, чтобы преуменьшить значение искренних духовных переживаний, ясно, что эти переживания имели не меньшее значение для некоторых людей, например для рабочего с завода им. Самойлова, который заявил партийным агитаторам: «Вы доказываете, что Бога нет, но мы верим не в Бога, а в нечто высшее, чего не можем постичь. Возможно, это не Бог, но вам не нужно доказывать, что это действительно так»¹⁸. Несмотря на внедрение советских праздников и культа вождя, власть ничего не могла поделать с такими чувствами.

Начиная с 1934 г. власть перешла к более примиренческой линии в отношении религии, что придало уверенности верующим и духовенству. Хотя некоторые верующие были против политики сближения церкви и государства и не доверяли епископам из-за их соглашательской позиции, другие использовали эту возможность для того, чтобы вести переговоры с властью, отстаивать и расширять свои права. В 1934 г. они считали, что в 1933 г., слушая митрополитов, делали большие уступки советской власти, теперь же должны не только сохранить свои позиции, но и восстановить некоторые права, незаконно отнятые у церкви. В тот год верующие выступили против закрытия церквей и преследования священников, они говорили, что, закрывая церкви, власть ничего не дает взамен, что в красные клубы они не ходят и никогда не пойдут. Привлекали на помощь и международную политику: Литвинов, дескать, сказал Рузвельту, что в СССР нет преследования духовенства, а в это время ГПУ арестовывает лучших священников только за то, что они честно выполняли свой пастырский долг и работали над духовным развитием верующих. Во время похорон священника Рыбакова, который умер вскоре после освобождения из тюрьмы, группа прихожан кафедрального собора Св. Николая организовала демонстрацию. Ходили слухи, что священника пытали, и во время похорон верующие попросили открыть лицо священника, чтобы удостовериться, правда ли это¹⁹.

Уверенность верующих в себе еще сильнее окрепла после обнародования проекта Конституции в 1935 г. Священников больше не лишали гражданских прав, а статья 124 гарантировала свободу вероисповедания. В процессе обсуждения проекта Конституции власти пытались привлечь всеобщее внимание к тому, что некоторые про-

стые рабочие возражали против статьи 124. Однако многие другие, в особенности крестьяне, приветствовали введение этой статьи. Предложенные поправки к Конституции включали открытие церквей и запрет антирелигиозной пропаганды. Большинство священников положительно отнеслись к проекту Конституции, хотя некоторые были настроены скептически²⁰.

Принятие Конституции вызвало всплеск религиозной активности в 1936–1937 гг., предпринимались попытки установить некоторую гармонию в отношениях между церковью и государством. На пленуме ЦК в феврале–марте 1937 г. Косиор возмущенно описывал эти шаги к мирному сосуществованию: «У нас были такие собрания верующих, они принимали приветствия, любопытные приветствия, очень выдержаные, где ловко доказывали, что религия не противоречит социализму, что они будут вместе с нами строить социализм, что товарищ Сталин, как наиболее чуткий человек, понял это. Оканчиваются эти приветствия клятвой в верности советскому строю»²¹.

В Ленинграде и области наблюдалось много примеров такого рода. В 1936 г. лютеранские пасторы выступали с проповедями на тему стахановского движения, которые заканчивались словами: «Мы должны стать стахановцами нашей веры». Священники отождествляли языки социализма и христианства, критикуя кулаков, потому что в Евангелии написано: «Горе вам, богатые». Подобным же образом они связывали слова Сталина и цитаты из Библии: «Сталин, работая над Конституцией, заимствовал большинство утверждений из Евангелий, потому что принцип “кто не работает, тот не ест” (статья 12) подобен евангельскому принципу». Баптист обосновывал свою преданность Сталину с точки зрения христианского мировоззрения: «Сталина мы уважаем, потому что его поставил Господь Бог». Многие из пришедших на пасхальное богослужение в Троицкую церковь в Измайлово в 1937 г. якобы носили значки с официальными символами, а некоторые даже значки с изображением Сталина²².

Люди начали активно защищать свои права на свободу вероисповедания, обосновывая свои требования с помощью официальной терминологии. Одна церковь обратилась к сельсовету следующим образом: «На основании статьи 124 Конституции мы просим позволить нам шествие в честь дня Св. Антония». Деревенские жители в Лычковском районе послали делегацию из 200 человек в сельсовет с просьбой вновь открыть их церковь, ссылаясь при этом на свои конституционные права. Когда сельсовет отказался удовлетворить их просьбу, колхозники на следующий день не вышли на работу²³.

В целом настроение людей в этот период было позитивным. Верующие полагали, что одержали важную победу и в дальнейшем их положение еще улучшится. На пасхальное богослужение в 1937 г.

пришло огромное количество народа (см. выше, с. 76). Люди радовались, не увидев милиционеров, которые в прошлом году штрафовали их за то, что они зажигали свечи на улице, выражали надежду, что в следующем году разрешат хотя бы один Крестный ход, поскольку верующих больше половины населения страны, и уверенность, что теперь им никто не помешает молиться Богу, потому что так написано в Конституции²⁴. Оптимизм оказался преждевременным. Терпимость властей к религии быстро сошла на нет, когда по итогам переписи населения в 1937 г. обнаружился высокий процент верующих среди населения страны, а избирательная кампания 1937 г. показала, что верующие все активнее участвуют в политической жизни.

В «саботаже» переписи 1937 г. частично обвинили церковь²⁵. Перепись не только содержала пресловутый вопрос о вероисповедании, но и проводилась 6–7 января, на православное Рождество. Это совпадение повлекло за собой волну слухов, большинство из них относились к вопросу веры. Люди опасались, что будет устроена «Варфоломеевская ночь» для всех тех, кто объявил себя верующим, что верующих исключат из колхоза, привяжут к колхозу, поставят особую отметку в паспорте, выселят, не будут выдавать хлеб, не отправят на войну и т. д. Многие в ту ночь ждали пришествия Антихриста. Некоторые слухи, судя по всему, поддерживало духовенство, которое также делало все возможное, чтобы убедить людей объявить себя верующими. Люди уклончиво отвечали на вопрос о вероисповедании, особенно молодые, которые заранее готовились к вопросам переписчиков и говорили им, что они неверующие, хотя дома своим родителям заявляли обратное. Один церковный староста попросил записать его «маловерующим», потому что не был уверен в существовании Бога, но не хотел, чтобы его записали неверующим. Священник в г. Луга сказал, что он неверующий, потому что, по его понятиям, «профессия – это одно, а убеждения – другое». Многие отказывались отвечать на вопрос²⁶. Власти объявили результаты переписи 1937 г. недействительными, и в 1939 г. прошла новая перепись населения, на этот раз без вопроса о вероисповедании.

Церковь принимала активное участие в предвыборной кампании 1937 г., и властям это не понравилось. Предпринимались попытки выдвинуть кандидатами священников, зачастую священники вели энергичную агитационную работу, особенно там, где партийные организации были слабыми. Некоторые члены партии старались подражать работе священников, рассуждая таким образом: «Почему священники так быстро убеждают людей? Потому что священник работает с каждым индивидуально и сразу же отвечает на их требования»²⁷. Духовенству доверяли, потому что, в отличие от многих агитаторов, оно принимало деятельное участие в общественной жизни людей.

В то время, когда власти всенародно критиковали советских рабочих и членов партии, а видные партийные лидеры находились под судом, люди испытывали меньше всего доверия к официальным лицам. Священникам иногда удавалось решать неотложные жизненные проблемы, причем так, как никогда не удавалось представителям режима. Например, в Дедовичском районе во время страшного дефицита хлеба священники собирали людей в воскресенье и организовали непрецидентную раздачу хлеба по карточкам. Люди, естественно, удивлялись, почему советские работники не смогли решить проблему таким же способом, как их православные священники²⁸.

Другим характерным феноменом того времени, насторожившим власти, было распространение апокалиптических слухов о пришествии Антихриста²⁹. Согласно исследованию периода колLECTIVизации в стране, проведенному Виолой, эти слухи были традиционными для русской культуры и всегда обострялись в эпохи острой нестабильности. А 1937 г. как раз относился к таковым. Широкое распространение получили различного рода предсказания и пророчества о том, что придет время Антихриста, люди будут убивать друг друга, власть переменится, на трон взойдет «царь Михаил», большевиков постигнет божья кара, как Зиновьева и прочих, и т. д.³⁰

Всплеск религиозной активности в 1936–1937 гг. сменился новой волной преследований. В конце 1937 г. священники и верующие стали жертвами террора, повсеместно закрывались церкви. К Пасхе 1938 г. в Ленинграде осталось только пять действующих церквей (по сравнению с тридцатью тремя в предыдущем году). Несмотря на это, верующие продолжали настаивать на своих конституционных правах и писали письма партийным лидерам, в которых просили не закрывать церкви или вновь открыть закрытые храмы, причем свои обращения старательно излагали официальным языком. В одном письме рабочие с Выборгской стороны Ленинграда жаловались, что Конституция не соблюдается, потому что церкви так поспешно закрывают. В предыдущие два месяца были закрыты десятки церквей, а священники и верующие арестованы. Авторы письма подчеркивали, что церковь никак не связана с контрреволюцией: «Все это наверху — Бухарины, Рыковы и т. д.» Церковь лояльна по отношению к государству: «Когда ты в церкви, ты слышишь только добрые наставления любить своих близких, уважать власти и т. д.» Письмо заканчивалось заверением: «Мы не враги, потому что мы и вы одно целое». Авторы умоляли: «Не обижайте своих классовых братьев»³¹. В другом письме Калинина просили не закрывать церковь Иоанна Крестителя, где люди будут молиться за свою великую родину и своих вождей. Мы отдали вам наших сыновей, писали авторы этого письма, и они честно служат своей великой социалистической родине и охраняют ее гра-

ницы от врагов. Сталинская Конституция дала право свободного вероисповедания, напоминали они, а теперь враги могут нашептывать из-за угла: «Смотрите, эта Конституция — один обман»³².

Авторы писем считали, что закрытие церквей инспирировано врагами, которые надеялись вызвать тем самым народное возмущение против правительства. Таким образом, несмотря на террор и преследования, верующие продолжали бороться за веру и надеялись прийти к компромиссу с властями. В 1938 г. в пять действующих ленинградских церквей на Пасху собралось большое количество народа. К примеру, церкви Преображения Господня в Дзержинском районе и Св. Андрея на Васильевском острове были набиты битком, а снаружи стояло от 1 500 до 2 000 человек³³.

Режиму пришлось признать силу народной веры. В течение предвоенной «оттепели» с 1939 г. до июня 1941 г. преследование верующих постепенно ослабевало. Официальные настроения отражали взгляды авторов писем, представленных выше: верующие также могут поддерживать власть. В журнале «Большевик» в 1939 г. выражалось такое мнение: «Большинство верующих — наши люди, отсталые рабочие и крестьяне». В марте 1941 г. это признал и Ярославский*: «В стране много граждан, относящихся лояльно к власти, все еще сохранивших религиозные убеждения и предрассудки»³⁴. Власть, убедившаяся в силе народной веры, повернулась лицом к церкви в тяжелый час испытаний. В день нападения Германии на СССР, 22 июня 1941 г., глава РПЦ митрополит Сергий обратился к верующим с призывом встать на защиту родины.

Национализм и этническая принадлежность

Националистические чувства было так же трудно искоренить, как и религиозные, что отметил сам Сталин в своей речи на XVII съезде партии, заявив: «Пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области»³⁵. Идея пролетарского интернационализма, поддерживаемая советской властью после 1917 г., не смогла преодолеть национальную и межэтническую напряженность внутри многонационального СССР. В Ленинграде эта напряженность часто приобретала форму антисемитизма. Антисемитизм и другие формы национальной розни усугублялись кризисом и периодами нестабильности, такими, как, например, убийство Кирова, террор 1937 г. и угроза войны. В этих случаях власти подстрекали народ искать «врагов», и национальные

* Председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников. — Прим. пер.

меньшинства становились легкой мишенью. Межэтническая рознь, видимо, также была связана с мотивами классовой борьбы. Несмотря на то что некоторые данные о существовании в России националистических настроений есть, среди простых людей эта тема не получила четкого выражения.

Данный анализ будет главным образом посвящен национальным чувствам ленинградцев. В Ленинградской области межэтническая напряженность не так сильно проявлялась, как в городе, возможно, потому что сельские общины были более однородны по своему этническому составу и изолированы от других групп населения, а также меньше подвержены влиянию националистических идей³⁶. Если же такая напряженность возникала, она выражалась в форме конфликта между русскими и представителями второй наиболее многочисленной национальности, населявшей Ленинградскую область, финнами (в 1939 г. русские составляли 90,6 % всего населения области, финны 3,3 %, эстонцы 1,4 % и украинцы 1,1 %)³⁷. Видимо, не случайно такие конфликты часто возникали в периоды экономических кризисов. Во время острой нехватки хлеба в начале 1937 г. в сводках НКВД сообщалось о драке между финнами и русскими в Токсовском районе. Экономические факторы, похоже, играли заметную роль и в плохом отношении русских к финнам, переселенным в 1937 г. в Бабаевский и Кадуйский районы. В апрельской сводке 1937 г. приведено типичное высказывание одного из русских колхозников: «Черти вас сюда принесли, и без вас жизнь трудная». Война, как и экономические трудности, усугубляла существующую напряженность, особенно же ухудшила отношения русских и финнов «зимняя война»³⁸.

Город Ленинград был этнически однородным по сравнению с некоторыми другими регионами страны. Согласно статистике 1933 г., русские составляли 85,8 % населения Ленинграда, евреи 6,7 %, поляки 1,4 %³⁹. К 1939 г. русских стало 87 %, евреев 6,3 %, украинцев 1,7 %⁴⁰. В самом городе евреи в процентном отношении значительно превосходили любую другую группу национальных меньшинств, их доля практически равнялась общей доле всех остальных нерусских национальностей. В 1939 г. в Ленинграде проживало больше евреев, чем где-либо еще в РСФСР, даже больше, чем в Москве, где евреев насчитывалось 6 %. На всей территории РСФСР евреи составляли только шестую по численности этническую группу — 0,9 %, или 956 599 чел., из которых 854 334 чел. жили в городах. Почти четверть всех евреев, проживающих в городах России, приходилась на Ленинград⁴¹. Если сопоставить эти цифры с известной враждебностью русских по отношению к евреям, то можно объяснить, почему именно в Ленинграде антисемитизм был наиболее распространенной формой выражения межэтнической розни.

Махровый антисемитизм, столь характерный для Российской империи, не испарился после 1917 г. Белые использовали его, чтобы привлечь как можно больше сторонников для борьбы со своими врагами в Гражданской войне, призывая убивать «жидов» и коммунистов. Эти настроения сохранились и во время нэпа⁴², вспыхнув с новой силой во второй половине 1920-х гг. среди рабочих, представителей интеллигенции и членов партии, в особенности в Москве и Ленинграде, где проживало больше всего евреев⁴³. Очевидцы в те годы объясняли этот факт противоречиями нэпа и классовой борьбой в период безработицы и экономических трудностей. Когда Юрий Ларин проводил консультацию на тему антисемитизма, ему задавали вопросы: «Почему евреи не стоят в очередях?»; «Почему евреи богатые, у них свои булочные, магазины и пр.?»; «Почему евреи проталкивают своих на работу, поддерживают друг друга, а мы, русские, нет?»⁴⁴

Партия решила принять более строгие меры в этом вопросе, и с 1926 г. партийные лидеры стали публиковать брошюры и выступать на тему антисемитизма. И все же отношение властей к этой проблеме было противоречивым. В январе 1929 г. на митинге ЦКК выступил Ярославский, который говорил о необходимости бороться с великодержавным шовинизмом и еврейским национализмом. Он отметил случаи, когда служащие, «зараженные духом семейственности и мелкобуржуазного протекционизма», устраивают на работу всех своих родственников только потому, что они одной национальности. Подобные выступления лишь усугубляли антисемитские настроения⁴⁵. Вероятно, партия отдавала себе отчет в том, что враждебное отношение к евреям тесно связано с неприязнью к спецам и интеллигентам. Разумеется, во время культурной революции, когда последние подвергались особенно жестоким преследованиям, участились случаи словесных нападок и физической расправы над евреями. В конце 1920-х гг. газеты сплошь и рядом приводили «показательные» примеры антисемитизма. В 1930-е гг. в местной и всесоюзной печати периодически появлялись статьи, обличающие антисемитизм. После 1935 г. количество публикаций, посвященных всем формам национализма, заметно сократилось, однако архивные материалы свидетельствуют, что антисемитизм был глубоко укоренен в народном сознании и во время террора получил дополнительный стимул.

Враждебность по отношению к другим этническим группам, в частности к евреям, выражалась по-разному. В повседневной жизни было принято рассказывать анекдоты, где прохаживались на счет национальных меньшинств с употреблением таких оскорбительных слов, как «жид». В особенности это было типично для молодежи, и комсомольские спецсообщения о настроениях в течение всего периода 1930-х гг. свидетельствуют о частых случаях антисемитских

высказываний⁴⁶. Докладывали и о более серьезных случаях дискриминации и словесных оскорблений, направленных против других национальностей, а также насилия над ними и их собственностью. Несмотря на то что «разжигание национальной вражды» считалось уголовным преступлением, большинство подобных дел не доходило до суда, а если такое и случалось, то суды старались преуменьшить тяжесть проступков⁴⁷. Важно отметить, что в спецсообщениях НКВД о настроениях очень мало внимания уделялось явно выраженному националистическому подтексту некоторых высказываний людей, в отличие от информсводок партийного и комсомольского аппаратов, в обязанности которых теоретически входила ликвидация подобных предрассудков. Но и в этих сводках основное внимание уделялось политической составляющей высказываний людей, и по этой причине в последующем освещении этнических стереотипов в общественном мнении главным образом будут подчеркиваться политические мотивы.

Люди всегда наделяли евреев и представителей других национальных меньшинств целым рядом стереотипных черт. Евреи, в частности, постоянно отождествлялись с правящей элитой, в ряды которой входили члены партии, государственные служащие и «советская интеллигенция». Этот стереотип был вызван тем, что очень мало евреев работало на заводах, и еще меньше в сельском хозяйстве. Например, в 1924 г. на 19 промышленных предприятиях Ленинграда на 600 всех нерусских рабочих приходилось только 16 евреев. В 1930-е гг. численность евреев, занятых в производстве, оставалась по-прежнему незначительной⁴⁸. Зато среди партийного руководства евреев было необычайно много, и, хотя в 1930-е гг. их число несколько сократилось, в народе сохранилась тенденция объединять евреев и членов партии в одно целое, как, например, во времена Гражданской войны, когда один из лозунгов призывал: «Бей жидов и коммунистов!» Евреев также отождествляли с государственной властью, поскольку государственная служба оставалась одной из немногих возможностей, открытой евреям после нэпа, когда большинство из них занималось торговлей и предпринимательством. Они также доминировали в среде ленинградской интеллигенции: в 1939 г. евреи составляли 18 % всех ученых и преподавателей в вузах, 20 % инженеров, треть писателей, журналистов и издателей, 31 % директоров, 38 % врачей, 45 % адвокатов и 70 % дантистов⁴⁹.

Враждебное отношение к евреям усилилось после убийства Кирова; в то время можно было услышать, что, «как только настоящий русский мужик приходит к власти, его убивают» или что «убийство Кирова совершено с целью сократить численность русских в правительстве и увеличить число евреев»⁵⁰. Евреев обвиняли в этом пре-

ступлении, так как, согласно стереотипу, они любили власть и мечтали о мировом господстве⁵¹. Ленинградский партийный секретарь Ирклис получил письмо, в котором говорилось о причастности евреев к убийству и заявлялось, что «священный революционный Смольный полон еврейской нацией». Согласно письму, этот факт был широко известен всем рабочим и вызвал среди них беспокойство. Все сыновья торговцев, писал его автор, хорошо устроились в Смольном и ведут себя жестоко по отношению к старым членам партии и вообще к народным массам. Они поспешно дают ответственные должности евреям и еврейкам, а среди безработных можно встретить людей всех национальностей, за исключением евреев, потому что они занимают руководящие должности⁵².

В другом письме выражены похожие чувства по поводу того, что евреи захватили все посты управления. Автор, подписавшийся «Русский», ссылался на партийную организацию ленинградского технологического института, во главе которой стоял Захар Заблудовский, «неравнодушный к людям еврейского происхождения». Этот «Русский» утверждал, что 80 % государственного аппарата оккупировано евреями «с темным прошлым», что евреям отдается преимущество в предоставлении жилья, стипендий и других привилегий, что их никогда не исключают из партии. Заблудовский якобы в состоянии опьянения однажды крикнул: «За одного еврея мы исключим из института тысячу русских»⁵³.

Приписываемая евреям мечта о мировом господстве стала темой письма к Жданову; в нем говорилось, что евреи считают Россию слишком маленькой страной для себя и поэтому призывают к мировой революции. Раздумывая о падении уровня жизни с начала революции, автор заключает, что идеи социализма и коммунизма нежизнеспособны, евреи использовали их как прикрытие, чтобы добиться равноправия. Евреи организовали 1917 г.; русские и другие национальности служили для них просто пешками. Stalin, Kirov и другие лидеры были куплены евреями и вынуждены подписаться под доктриной Коминтерна, «международной жидовской клики». Жданова предупредили, что его также обманут; ему будут покупать продукты в Торгсине, дадут автомобили, будут листить, печатать его речи и портреты — и все ради того, чтобы евреи осуществили свою мечту о мировом господстве⁵⁴.

Во время всенародного обсуждения проекта Конституции вновь заговорили о том, что евреи забрали в свои руки власть в России. Их обвиняли во всех бедах и предлагали лишить гражданских прав: «Надо устроить так, чтобы в новой Конституции евреи были лишены избирательных прав. Их следует стереть с лица земли, ведь они мучат русских. Раньше евреев убивали, а сейчас у них власть»⁵⁵. Пот-

добные экстремистские настроения выражались и накануне выборов в Верховный Совет в 1937 г.⁵⁶ Во время выборов в профсоюзные организации в 1937 г. одна работница выразила свое удовлетворение тем, что «жидов погонят прочь»⁵⁷.

Многие известные подсудимые на показательных процессах были евреями, и это еще более укрепило стереотип «еврейство = власть = коррупция». Главная роль в драме, приписанная «Иуде Троцкому», также укрепляла в народном сознании связь между «предателями» и евреями. В партийных сводках о настроениях людей по поводу суда над антисоветским троцкистским центром в начале 1937 г. содержались следующие высказывания: «На этом процессе много евреев, потому что еврейская нация любит власть и поэтому они так сильно боролись за власть»; «Евреи отвечают за все, и Троцкого надо было убить давным-давно, а Кагановича следует проверить, что он за человек, потому что он тоже еврей»⁵⁸.

В гл. 8 эта неприязнь к евреям будет рассматриваться более подробно, поскольку она воплощает в себе вражду низших слоев населения ко всем формам власти. Евреи отождествлялись с властью имущими, а потому считалось, что они не стоят за интересы рабочего класса. Например, рабочие говорили, что евреи их эксплуатируют, а жаловаться некому, все начальство состоит из них же; что в Испании много евреев, и рабочие там проигрывают, потому что «жиды» их предадут. Евреев характеризовали как людей бесчестных, ведущих паразитический образ жизни, потому что они не трудились, т. е. не работали руками; называли торгашами, тунеядцами и обманщиками. Когда СССР оккупировал в 1939 г. Польшу, рабочий с завода «Экономайзер» советовал убивать меньше поляков и больше евреев, иначе те хлынут в Россию, не будут работать, а в России и так паразитов хватает⁵⁹.

Стереотипное отношение к европейской национальности превалировало в разговорах людей, но и к другим национальным меньшинствам относились с такой же предвзятостью. Это происходило отчасти потому, что в Политбюро был большой процент выходцев с Кавказа (Сталин, Орджоникидзе, Микоян), поэтому кавказцы, в особенности грузины, также стали объектами критических высказываний насчет того, что русскими правят нерусские⁶⁰. На выборах к кандидатам кавказской национальности, как и к евреям, относились с большим подозрением. Во время выборов в Верховный Совет в 1937 г. кандидат по фамилии Тевосян стал причиной антигрузинских высказываний: «Я не люблю грузин и не буду за них голосовать... Я живу среди грузин и знаю, что это за люди, я Орджоникидзе тоже не уважаю»⁶¹.

Люди порой путались в истинной национальной принадлежности некоторых нерусских лидеров. Особенно это касалось Сталина. После смерти Кирова говорили: «Лучше бы убили Сталина, он ар-

мянин, а товарищ Киров чистый русский»; «Лучше, если бы убили Сталина, а не Кирова, потому что Киров наш, а Сталин не наш». Понятия «наш» и «не наш» пояснялись так: «Киров — русский, а Сталин — еврей»⁶². Истинная национальность человека — еврей, грузин, армянин — была не столь важна, как сам факт того, относится он к русскому народу или не относится. Тем не менее кавказцам приписывали особые черты характера, например, их считали грубыми и жестокими, в отношении евреев такие эпитеты никогда не употреблялись. По поводу смерти Орджоникидзе говорили: «Эти армяне были раньше дикарями, а теперь у них власть, поэтому так много хороших людей погибло из-за этого негодяя, но всех не убьют и не расстреляют, придет время, когда все наши вожди будут убиты»⁶³.

Русская национальная идентичность в тот период определялась в противопоставлении другим национальным группам, таким, как евреи и армяне, в более положительном плане она обычно не формулировалась. До 1917 г. концепция русской национальной идентичности развивалась исключительно в среде элиты. Русские испытывали историческое чувство преданности царю и церкви, а не нации в целом⁶⁴. Вряд ли славянофильские воззрения интеллигенции XIX в. могли проникнуть в народ. Для большинства русских крестьян местная и региональная солидарность, вероятно, значила больше, чем национальные узы, однако в конце XIX в., в связи с расширением грамотности и распространением книг, в которых Россия представлялась имперской державой, эти чувства претерпели некоторые изменения⁶⁵. Тем не менее к 1914 г. национальная идентичность русских была еще слабо выражена. По мнению Хубертуса Яна, во время Первой мировой войны русский патриотизм носил менее четкий характер по сравнению с негативным отношением к вражеским фигурам вроде кайзера. Не существовало объединяющих символов, которые могли бы сформировать национальную идентичность⁶⁶. После революции народ учили считать себя советским, а не русским. В то время как многим национальным республикам в 1920-е гг. было разрешено выражать национальные чувства, подавляемые в течение долгого времени, любое проявление русского национального самосознания приравнивалось к «великорусскому шовинизму» и пресекалось. Только в 1937 г. советская власть начала публично эксплуатировать русские националистические представления в своей пропаганде.

Может быть, поэтому и не удивительно, что в период после 1934 г. простые рабочие и крестьяне стали глубже осознавать свою принадлежность к русскому народу. Иногда враждебные выпады в адрес других этнических групп сопровождались выражением прорусских настроений. Люди волновались, что национальные меньшинства, заобевав большинство в Совете Национальностей РСФСР, станут притеснять русских⁶⁷. Они отказывались голосовать за Стalinia, потому

что он не русский и не защищает интересы русского народа; заявляли, что евреи и поляки (и вообще все, кроме русских) способны на всякие хитрости и, пока эти национальности существуют, всегда будут вредители и враги⁶⁸. И все-таки неясно, что означало понятие «русский» для простых рабочих и крестьян. Большинство подробных рассуждений о России написаны идеологами, представителями писательских сообществ, образованными интеллектуалами; их идеи можно также найти в других письменных источниках, таких, как письма, прокламации, в которых авторы часто использовали традиционные русские ценности, дабы пробудить людей⁶⁹. Таким образом, националистический язык служил мощным оружием для нападок на государство. Некоторые его элементы напоминают язык интеллигентов-народников XIX в. Русским приписывались такие качества, как патриотизм, храбрость, великодушие и терпение. У русских «большая и широкая душа», говорилось в письме одного партийца Жданову. В одной прокламации было написано, что «только рабочие в СССР могут выдержать такие трудные испытания, потому что русские могут долго терпеть». Другая прокламация, адресованная «русским гражданам», порицая губительную экономическую политику советского режима, заявляла, что русский народ долго ждал, но даже у русского терпения есть предел. Она также резко критиковала прессу, злоупотреблявшую именем Сталина и полную «жидовской грязи», а заканчивалась призывом ко всем русским людям помочь в борьбе против угнетения их родины. Еще одна прокламация обращалась к «русским людям, преданным своей родине», призывая их к восстанию. Иногда русских упрекали в том, что ими легко манипулировать, как, например, в листовке, найденной во время выборов в советы в декабре 1939 г., которая высмеивала фарс избирательной системы и рекомендовала русским «опомниться и прекратить валять дурака»⁷⁰.

Трудно определить, в какой степени простые рабочие и крестьяне разделяли такой взгляд на русский народ. Тот факт, что простые люди позволяли себе антисемитские высказывания, не значит, что они были злобными националистами. За подобными настроениями всегда скрывался классовый подтекст. Чувствовали ли люди большую преданность классу, чем нации? Считали ли они себя скорее советскими, чем русскими людьми? Продолжали ли связывать свою национальную идентичность с православной церковью? Публичное обращение власти к русской националистической пропаганде во время войны безусловно свидетельствует о том, что власть верила в ее потенциальную способность мобилизовать народ. Но за что воевали люди в годы Великой Отечественной войны – за Россию, за Советский Союз, за Сталина, за социализм, за рабочий класс или ни за что конкретно из перечисленного? Это интригующие вопросы, которые требуют дальнейших исследований.

Часть II. ПОЛИТИКА И ТЕРРОР

Глава 5. Международные отношения

Вообще международные отношения должны рассматриваться в качестве второстепенных среди проблем простых людей; тем не менее в тот период острой международной напряженности внешние связи СССР с другими странами были в центре повседневного внимания. После захвата Гитлером власти в 1933 г. в советской внешней политике произошел резкий перелом: это проявилось и во вступлении СССР в Лигу Наций в сентябре 1934 г., и в утверждении политики коллективной безопасности, и в укреплении дружественных связей с капиталистическими нефашистскими странами, включая Францию, с которой СССР подписал договор о взаимопомощи в мае 1935 г. В то же самое время Коминтерн совершил поворот от политики изоляционизма к политике «народного фронта». Поддерживая антифашистов и оказывая помощь республиканцам в гражданской войне в Испании, Советский Союз, тем не менее, продолжал в конце 1930-х гг. свои попытки сблизиться с Германией, завершившиеся подписанием пакта о ненападении. Обычные люди не сомневались, что напряженная ситуация в Европе и на Дальнем Востоке в конечном итоге приведет к войне. Недовольные режимом рассматривали войну как возможное освобождение от советского ярма, так что в стране, очевидно, имелись приверженцы Гитлера и проводимой им политики. Однако остальные были настроены категорически против диктатора, поэтому заключение советско-германского договора о ненападении их шокировало и смущило. Захватническая политика СССР в Польше, Прибалтике и Финляндии также не встретила всеобщего одобрения, кое-кто не хотел служить пушечным мясом для военных авантюр властей.

В СССР всегда боялись, что капиталистические страны начнут войну против молодого Советского государства, а с приходом к власти Гитлера эти опасения стали только усиливаться. Средства массовой информации часто писали о внешней агрессии, добавляя при этом, что и внутри СССР ведется война. Официальный советский дискурс

изобиловал рассказами о врагах и предателях, победах и поражениях, битвах и фронтах. Простые люди также обсуждали угрозу надвигающейся войны. Во время кризисов эти слухи усиливались. Например, думали, что массовое выселение людей из Ленинграда (см. гл. 7, с. 117) в начале 1935 г. связано с войной, а после суда над Каменевым и Зиновьевым в августе 1936 г. раздавались замечания, что надо запасаться сахаром, потому что из-за расстрелов террористов разразится война. Нехватка хлеба в 1936–1937 гг. также вызвала волну слухов о войне, которая вскоре начнется, если уже не началась. Возник порочный круг: дефицит хлеба порождал слухи о войне, а люди, напуганные слухами, бросались делать запасы, создавая еще больший дефицит и очереди¹.

Власти классифицировали высказывания о возможном поражении СССР в предстоящей войне как «пораженную агитацию», которая сурово каралась. Однако пораженные настроения преобладали, особенно среди крестьян, надеявшихся, что война покончит с колхозами². Идея войны как освобождения особенно ярко отображена в антиправительственных стихах:

Кирова убили — туда ему дорога.
Их не жаль угробить даже всех,
Только жаль, что много
Вампиры расстреляли,
Это расстреляли за него.
Скоро власть советов
Вылетит, что пробка,
Из пивной бутылки на панель.
Нам так жить, в неволе
Жить уже не долго,
Жить осталось только до войны³.

Не надолго все пройдет,
Противник Сталина убьет,
Скоро будет ведь война,
И тогда, тогда, тогда
Будет Сталин ласков навсегда,
Когда его не будет — стихнет навсегда⁴.

Чувства, выраженные в этих стихах, которые проявлялись и в других многочисленных разговорах, показывали тесную взаимосвязь между войной и значительными изменениями в сознании простых людей. Революции 1905 и 1917 гг. случились, когда Россия потерпела поражение в войне, поэтому война рассматривалась, как катализатор грядущих перемен⁵.

В то время как одни с надеждой ожидали начала войны, другие более пессимистично рассматривали ее как спор между властями

различных государств, в результате чего пострадают обычные люди. Такие «классовые» чувства проявились во время противовоздушных учений в Ленинграде в сентябре 1934 г., когда рабочий отказался покупать противогаз, потому что «в любом случае рабочие умрут во время войны, и останутся лишь коммунисты, которые спасутся, забившись по щелям». На заводе им. Сталина рабочие жаловались, что, пока нет войны, руководство завода радо устраивать учения, а как война в самом деле начнется, ничего делать не будет, и рабочим придется самим организовываться. Когда война действительно началась, эти чувства людей выражались все громче. В сентябре 1939 г. рабочий завода им. Воскова в Сестрорецке возмущался на призывном пункте: дескать, в армию забирают только рабочих, а «белоручки» остаются дома. Во время «зимней войны» огромные потери среди простых солдат и явная бездарность военного командования вызвали разговоры о том, что на финском фронте убито множество невинных людей, а командиры сидят в тылу, получая 800 рублей в месяц и даже больше, в то время как солдатам платят всего 8 рублей; что большевики посылают солдат воевать в Финляндию и морят людей голодом, поэтому следовало бы убивать большевиков, а не финнов; что руководство сидит в Москве и пьет шампанское⁶.

Можно ли предположить на основе высказываний рабочих, что они усвоили социалистическую риторику интернационализма и выражали пролетарскую солидарность? Возможно, в ряде случаев так и было. После подписания советско-германского договора о ненападении рабочий и бывший член партии с завода им. Кирова сокрушался, что Советский Союз предает рабочих в других странах, позволяя Гитлеру напасть на Францию, Бельгию, Голландию и Прибалтику, что он прячется в кусты, чтобы его оставили в покое⁷. Важно отметить, что это мнение бывшего члена партии. Другие рабочие занимали не столь определенную позицию. Официальная пропаганда добилась того, что во время гражданской войны в Испании многие из них демонстрировали интернационалистические чувства, жертвуя деньги Республиканской партии Испании. Без сомнения, многие разделяли эти чувства, а иные шли дальше и жаждали записаться добровольцами на войну или предлагали Советскому Союзу послать туда свои войска. Однако некоторые считали, что СССР сует нос, куда не следует, и не выражали желания помочь. Особенно неохотно посыпали деньги испанским рабочим, поскольку у самих денег не было, да и существовало опасение, что деньги не дойдут по назначению. Согласно сводкам агитаторов, такие настроения были широко распространены⁸. Помощь Испании была предложена во время острого хлебного дефицита зимой 1936–1937 гг.; эти два события соединились в одно, и пошли слухи, что «хлеба нет, потому что его посыпают в Испанию».

Похожие разговоры звучали, когда СССР помогал Китаю, Монголии и, после заключения пакта 1939 г., — Германии⁹.

Отношение к фашизму и Гитлеру, очевидно, было в тот период далеко не однозначным, несмотря на советскую пропаганду или, возможно, вопреки ей. С именем Гитлера ассоциировались динамичность, экономический успех, авторитаризм, антисемитизм и захватническая политика — все это находило своих приверженцев в России. Один студент назвал Гитлера и фашистов умными людьми, которые строят социализм мирным путем¹⁰. Он же хвалил воинское искусство Троцкого и предлагал женщинам стать рабами мужчин. В школе Петроградского района двое учеников попытались организовать стачку против обедов. Один сказал, что устал от пионерской организации, а вот в Германии хорошо: жизнь бьет ключом, фашистские организации стреляют коммунистов и комсомольцев. Когда ему возразили, что это как раз очень плохо, он ответил: может, и плохо, зато какие сильные ощущения дает¹¹. Гитлеровский культ молодости и силы и лозунг «Kraft durch Freude» («сила через радость») явно были расчитаны на молодое поколение, которое не испытало на себе тяжелых последствий германского милитаризма 1914–1918 гг. Молодежная организация гитлерюгенда, кажется, отличалась большей целеустремленностью и энергичностью, чем комсомол, который делал упор на интеллектуальном, а не физическом развитии. Один рабочий с завода «Судомех» с завистью говорил, что в организации гитлеровской молодежи бесплатно обучают на пилота, дают военное образование и бесплатное обмундирование и вообще им там хорошо живется. По его мнению, если бы власти в СССР позволили такую же организацию, в нее вступили бы многие, даже комсомольцы¹².

Гитлера в какой-то степени поддерживали еще и благодаря преследованию евреев. Жизненный уровень в Германии тоже казался выше. В 1939 г. шутили: «В Германии каждый рабочий имеет по машине, а у нас машин всего две — “черный ворон” и “скорая помощь”»¹³. Подчеркивались личное обаяние и популярность Гитлера среди его народа: «Мы уверены, что фашисты победят в Испании, потому что их ведет Гитлер, замечательный человек и лучший руководитель в мире»; «Советская власть долго не продлится. Фашисты под руководством Гитлера победят, потому что его поддерживает народ»¹⁴. Он казался некоторым решительным и мужественным человеком, настоящим мужиком¹⁵. У него, дескать, все под контролем, он никого не боится, все делает в своих интересах, отказывается выполнять ранее принятые соглашения и на всех плюет, зная, что другие страны не осмелятся встать на его пути¹⁶. Преклонение перед сильными лидерами в России, очевидно, не ограничивалось культом советских вождей.

В течение всего этого периода в партийных сводках и в отчетах НКВД сообщалось о свастиках, которые обнаруживали на стенах, хотя само по себе это и не свидетельствовало о поддержке Гитлера и фашизма. Начертание свастики могло быть просто антиправительственным жестом, поскольку этот символ был столь очевидно противозаконен, что люди могли рисовать его, даже не осознавая его скрытого подтекста¹⁷.

Хотя некоторые и поддерживали Гитлера, другие были категорически против нацизма. Эти люди после заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении были абсолютно обескуражены, шокированы и задавали многочисленные вопросы, например: «Почему сначала кричали, что фашисты наши враги, а теперь заключают с ними договор?» Агитаторы не могли на них ответить и сообщали в своих сводках, что даже среди коммунистов и активистов царит непонимание и наблюдается «открытое выражение недовольства».

Негативные эмоции в связи с заключением договора носили столь массовый характер, что Молотов 31 августа публично признал наличие «непонимания»: «Люди с наивным видом спрашивают: как Советский Союз мог пойти на улучшение политических отношений с государством фашистского типа? Разве это возможно?»¹⁸

Недоверие к Германии и к ее политике было главной темой. Говорили, что Германия, заключив договор, наверняка преследует какие-то тайные цели, что нельзя переоценивать миролюбие немцев, что Германия в любом случае договор нарушит¹⁹. Одни рассматривали заключение договора как проявление слабости СССР, воскрешая старые стереотипные представления о немецком превосходстве и коварстве²⁰. Для других договор символизировал растущее сходство между коммунизмом и фашизмом. Некоторые шутили: «Два диктатора просто договорились, что не должно быть лидеров оппозиции и парламентов. И теперь Гитлеру остается перейти из фашизма в социализм, а Сталину — из социализма в фашизм». Один человек продолжил эту мысль: «Нет надобности переходить. В Германии не отнимают землю, а в СССР отнимают»²¹. Невероятный союз фашистов и коммунистов породил ряд шуток, что Гитлер и Риббентроп подали заявления о вступлении в коммунистическую партию и Москва решает, принимать их или нет²².

В начале сентября, после вторжения Гитлера в Польшу, возросли опасения, что СССР будет вовлечен в европейскую войну, что Гитлер не остановится на Польше, продолжит наступление на Прибалтику и нападет на СССР. Все считали, что СССР должен защитить Польшу²³. Вместо этого 17 сентября СССР сам вторгся в Польшу и взял западную Украину и Белоруссию под свою защиту, за что эти страны

якобы были очень признательны. Это нападение всех очень испугало и вызвало новые тревожные разговоры о войне между СССР и Германией. Тем не менее кое-кто предполагал, что операция в Польше входила в ранее задуманный план, согласно которому Германия и СССР просто забирают назад свои бывшие территории. Ходили слухи даже о «секретных соглашениях». Советская политика подвергалась критике на том основании, что СССР и Германия вступили в тайныйговор по уничтожению Польши, хотя СССР должен помогать своему союзнику — славянской стране. Заявление Сталина, что СССР не претендует на чужие территории, вызывало насмешки. Чувство, что СССР проводит ту же агрессивную политику, что и Германия, все усиливалось: «Фашизм и коммунизм — это одно и то же. Совместный раздел Польши это показал наглядно». К полякам относились с сочувствием, равно как и к белорусам и украинцам, которым СССР предложил «братьскую помощь» и которым теперь предстояло испытать на себе то, что вынесли советские люди²⁴.

23 сентября в информационной сводке отмечалось, что в целом среди населения преобладают здоровые политические и моральные настроения, но в то же время отмечаются и нездоровые, иногда открыто выражаемые антисоветские чувства, граничащие с контрреволюционными разговорами. Эти чувства особенно усилились за последние несколько дней, когда стало известно о том, что советские войска взяли ряд польских городов, и о германской реакции на этот факт. Женщины боялись, что их мужей убьют, и ходили слухи, что Франция и Великобритания объявили СССР войну²⁵.

Ленинградцев, живущих ближе всех к линии фронта, особенно волновали все эти события, в частности «зимняя война» с Финляндией. О ходе этой войны давалось очень мало конкретной официальной информации, ленинградцы сами дознавались до правды, и им невозможно было это запретить. Не позднее 19 ноября 1939 г. неожиданное отключение электричества в Ленинграде стало поводом для слухов о надвигающейся войне с Финляндией. Уже слышались выстрелы, и люди потребовали, чтобы приехал Ворошилов. 26 ноября в сводках отмечались пораженные настроения и слухи, что война уже началась (в этот день на самом деле финны, по утверждениям Советов, спровоцировали СССР открыть по ним огонь). 27 ноября проводились собрания, на которых обсуждалось начало военных действий²⁶. Люди анализировали сложившуюся ситуацию. Псковские служащие констатировали, что Советский Союз хочет разорить Финляндию, отобрать у нее все самое ценное и оставить ее ни с чем. СССР предложил Финляндии Карелию, но кому она нужна: одни болота и леса, все равно что отобрать у человека отличное новое пальто, а взамен предложить тряпье²⁷.

Сразу же после публикации речи Молотова 29 ноября, в которой он официально заявил о начале войны между двумя странами, каждые несколько часов стали поступать сводки о настроениях среди населения области. Они отмечали общее спокойствие, хотя в некоторых местах были слышны выстрелы²⁸. 1 декабря обнаружились некоторые «отсталые настроения». Сообщалось, что на Финский вокзал прибыло большое количество раненых солдат. Один рабочий предположил, что финны все же не провоцировали советские войска и не следует доверять сообщениям, передаваемым по радио. Люди задавались вопросом, зачем Советскому Союзу понадобилось вторгаться в Финляндию, когда у него достаточно своей земли, и приходили к выводу, что ему просто нравится завоевывать маленькие страны²⁹.

Продолжающиеся потери на фронте привели в середине декабря к панике в Ленинграде и слухам о том, что советские военачальники занимаются вредительством. Предполагалось, что они преднамеренно подставляют солдат под артиллерийский огонь. Незамедлительно появился Ворошилов и сменил все командование³⁰. Многие слухи оказывались верны и основывались на первоисточниках и собственных наблюдениях. Неофициальные источники информации работали очень эффективно. Например, в один военный госпиталь в Ленинграде, как только туда поступили раненые, тут же собралась толпа людей, расспрашивающих их о последних новостях³¹. Возвратившиеся с фронта солдаты делились красочными впечатлениями. Один из них рассказал, что в первые дни наступления на петрозаводском направлении из-за вредительской деятельности части военачальников советские войска понесли большие потери. Командир одного полка отдал приказ об атаке, а сам убежал. Полк оказался в густом лесу, был окружен белофиннами и уничтожен. Воинские соединения действовали несогласованно, пехота шла впереди, а танки позади. Только после приезда на фронт Ворошилова появилась некоторая слаженность. Многие бойцы отморозили себе ноги, теплая обувь поступила лишь недавно. Советское командование создало финский корпус в 6 000 человек, чтобы те как следует поработали в тылу с белофиннами. Из всего корпуса осталась лишь половина: остальные перебежали на сторону финнов³².

Настроение среди солдат Ленинградского военного округа было очень мрачное. В своих письмах Жданову они жаловались на отсутствие обмундирования, карт, рукавиц и еды. В одном письме от 14 декабря говорилось, что даже военачальники не знают своих задач, что уж говорить о простых солдатах, которые слепо маршируют с места на место. Другие докладывали о случаях вредительства среди командования и просили Жданова немедленно разобраться с этой проблемой³³. Множество солдат перешло на сторону финнов.

Поскольку война затянулась до Нового года, слухи о предательстве и большом числе убитых продолжали распространяться. Неудивительно, что, когда 12 марта 1940 г. наконец был подписан мирный договор, некоторые утверждали, что СССР пошел на этот шаг, поскольку военная операция зашла в тупик³⁴. В своем докладе Верховному Совету 29 ноября Молотов открыто объявил об огромных советских потерях в этой войне, хотя и заметно преуменьшил реальные цифры убитых и раненых³⁵.

Действия СССР в этой войне не внушали доверия к вооруженным силам страны и к ее руководству. Германия же, напротив, завоевала в 1940–1941 гг. весь европейский континент при помощи блестящей стратегии блицкрига. Некоторые советские граждане считали, что следующей целью Гитлера станет Советский Союз. Накануне войны в июне 1941 г. распространились слухи, предсказывающие немедленное поражение (или освобождение) СССР в войне против Германии³⁶.

Глава 6. Конституция и выборы

Подобно международным отношениям, темы законодательства и выборов могут показаться далекими от проблем простых людей, борющихся за существование. Тем не менее интенсивные кампании агитпропа по поводу таких событий, как, например, сталинская Конституция 1936 г. и «свободные демократические» выборы, которые эта Конституция гарантировала, насторожила некоторую часть населения страны. Люди не всегда воспринимали пропаганду однозначно. Поэтому появление «советской демократии» вызвало настоящую дискуссию, люди стали горячо обсуждать эту тему, осознавая свои гражданские и политические права.

Конституция

Говоря о появлении гражданского общества в СССР в горбачевский период, Джейфри Хоскинг пишет, что «первое семя гражданского общества уже содержалось в сталинской Конституции 1936 г.». По его словам, провозглашенные в ней права использовались в дальнейшем диссидентами в 1960-х гг.¹ Цель изложенного ниже — показать, как это «семя» давало небольшие корешки и тонкие побеги после 1936 года.

Проект сталинской Конституции, одобренный на партийном пленуме в июне 1936 г., значительно отличался от ее предшественниц — конституций 1918 и 1924 гг.² В то время как те закрепляли открытое голосование и приоритетные права рабочего класса и крестьянства, новая конституция вводила тайные выборы, в которых могли участвовать все граждане старше восемнадцати лет, невзирая на происхождение. В новой конституции подчеркивались достижения социализма, гармония классов и то, что вся власть принадлежит рабочим и крестьянам. Появилась большая глава, где перечислялись права и обязанности всех граждан страны. Она включала гражданские свободы (свобода слова, вероисповедания и т. д.) и социально-экономические права (на труд, отдых и т. д.). Хотя внешне это выглядело как торжество демократии, конституция была ограничена с самого начала. Например, статья 125, гарантировавшая свободу слова, печати, собраний и митингов, начиналась словами «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя».

Еще до того, как конституцию одобрил Внеочередной съезд Советов 5 декабря, ее проект был опубликован для всенародного обсуждения. Людям предлагали вносить собственные поправки, наименее спорные из них печатались в прессе. Само по себе обсуждение конституции, последующие ее интерпретации и использование прости-

ми людьми дают возможность познакомиться с народным пониманием вопроса о политических и гражданских правах в целом.

Обычно считается, что русские крестьяне и рабочие как до, так и после 1917 г. мало разбирались в этих правах или вообще ими не интересовались. Ричард Пайпс полагает, что «Великий Русский Крестьянин, веками находившийся в рабстве, не только не требовал гражданских и политических прав, но... относился к ним с презрением»³. Общее представление о России как рабской стране, не имеющей понятия о свободе, за исключением анархических разрушительных идеалов, ставится под сомнение другими историками, считающими, что понятие прав не было совсем чуждым для простых людей. Первыми заговорили на языке права в 1905 г. рабочие и крестьяне, и оказалось, что у них есть врожденное сознание ценности прав человека, таких, как свобода слова и неприкосновенность личности. Неоспоримо, что рабочие рассматривали гражданские права частично как инструмент, с помощью которого они желали достичь своих «классовых» целей⁴.

Социальное расслоение граждан России, возможно, сделало либеральную концепцию всеобъемлющих гражданских и политических прав мало востребованной до 1917 г. По словам Марка Ферро, рабочие и крестьяне не требовали таких прав в феврале 1917 г., акцентируя внимание, главным образом, на решении экономических вопросов (в случае с рабочими) или отчуждении земли у помещиков (в случае с крестьянами)⁵. Тем не менее, как замечает Диана Кёнкер, московские рабочие в различные периоды 1917 г. выступали с требованиями созыва Учредительного собрания и свободы печати⁶. Накануне революции, когда борьба за власть стала приоритетной задачей, рабочие в своих политических требованиях выступили за ограничение прав, в частности свободы буржуазной печати, в этот период именно большевистская партия, а не сами рабочие, поддержала созыв Учредительного собрания⁷. Спустя несколько месяцев после революции, несмотря на некоторую политическую риторику в середине 1918 г., на повестке дня первым пунктом стояли социально-экономические вопросы и только вторым — политические права. Антиправительственные, антибольшевистские настроения постепенно набирали силу, несмотря на новую политику партии, выборы в западном стиле и «демократию»: все это не являлось панацеей от бед в глазах простых людей⁸.

После революции те, кто был настроен против режима, подчеркивали важность гражданских прав наряду с другими целями. В феврале 1921 г. среди требований бастующих рабочих были и призывы к восстановлению политических и гражданских прав. В своей петропавловской резолюции восставшие моряки Кронштадта также среди прочего требовали предоставить «свободу слова и печати для

рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий» и «гарантировать свободу собраний профсоюзов и крестьянских организаций». Важно заметить, что в их представлении права имели строго классовый характер. Подобным же образом их идея демократии заключалась не в созыве буржуазного Учредительного собрания; они считали, что народная демократия должна воплощаться только в переизбранных советах: «Вся власть советам, а не партиям!»⁹ Язык, которым написаны лозунги 1921 г., говорит о том, что их составляли интеллигентные организаторы. Трудно представить, что такими терминами могли оперировать простые матросы и рабочие. В сводках о настроениях рабочих в Петрограде отмечалось, что в середине марта разговоры о распределении на фабриках обуви и одежды слышались гораздо чаще, чем обсуждения Кронштадтского мятежа, а вопрос о «правах» и вовсе был забыт¹⁰.

С 1934 по 1941 г. права отстаивали чаще в печатных изданиях. Так, в 1934 г. одно «воззвание» призывало покончить с руководящей ролью партии и с концентрационными лагерями; вернуться к единоличному хозяйству; ориентировать производство на потребление и воспроизводство, а не на рынок; платить зарплату, сопоставимую с ценами на продукты; дать «свободу прессе и свободу слова, без которых прогресс немыслим»¹¹. Как правило, такой стиль был особенно присущ интеллигенции, хотя и некоторые простые люди говорили о свободах: в 1935 г. рабочий жаловался, что «в наши дни свобода слова совсем не та, какая должна быть»¹². Тем не менее гражданские и политические права, закрепленные в Конституции 1936 г., противоречили некоторым народным представлениям. Как же люди отреагировали на это?

Некоторые просто отвергли саму идею конституции в текущих экономических условиях, заявляя, что сперва властям надо подумать, как накормить народ, а потом уже писать конституцию. Конституционные права ничего не значили для голодающих. Как заявила группа рабочих с З-й табачной фабрики, им нужна не конституция, а хлеб и дешевая еда¹³. Подобной же точки зрения придерживался один колхозный бригадир: о какой свободе может идти речь, когда советская власть забирает все, а крестьянам не дает ничего, оставляя их голодными?¹⁴ Многие не видели в конституции никакого толку, подтверждая тем самым традиционную социалистическую критику буржуазной концепции прав, согласно которой свободы ничего не значат для людей, утерявших основные социально-экономические права.

Другие рабочие критиковали отказ от классовой концепции прав. Широкое распространение получило мнение, что данная Конституция является «буржуазной» и представляет угрозу для привилегированного статуса рабочего. В сводках сообщалось, что проект Кон-

ституции встретили с подозрением особенно коммунисты и рабочие, поскольку сама идея полной демократии, казалось, противоречила диктатуре пролетариата. Они считали, что этот проект означает конец диктатуры пролетариата, а вместе с ней и руководящей роли партии. Понятие всеобщих прав рассматривалось как капиталистическое. Один рабочий так и сказал, что страна движется к капитализму, раз новая Конституция провозгласила всеобщие равные избирательные права. Поступило много предложений о том, чтобы «лишенцы» — лица, ранее лишенные избирательных прав, не получили этих прав и по новой Конституции. Люди требовали давать право голоса исключительно трудящимся и считали врагами тех, кто использует свободу слова и печати в целях нанесения ущерба интересам трудящихся¹⁵.

Крестьяне, кажется, были не против уравнивания в правах всех трудящихся, однако в предложенных поправках настойчиво предлагали поставить крестьян в один ряд с рабочими. Например, в списке поправок из Ленинградской области содержалось пятьдесят требований, чтобы в статье 1, провозглашавшей СССР «государством рабочих и крестьян», эти слова были заменены на «государство трудящихся», поскольку общее понятие «трудящиеся» стирало различия между рабочими и крестьянами¹⁶. Преимущество рабочих над крестьянами обнаруживалось в целом ряде положений Конституции, включая право на отпуск и семичасовой рабочий день, и крестьяне считали, что они тоже должны пользоваться этими правами¹⁷. Обсуждение, таким образом, пробудило крестьянское «классовое» сознание. Как отмечал НКВД, это привело к «волнениям колхозников, недовольных повышенным вниманием к рабочим», что отражалось в завистливых заявлениях: «Колхозники живут хуже, чем рабочие. Рабочие жили лучше еще даже до новой Конституции»; «Конституция написана не для нас, а для рабочих и служащих»¹⁸.

Дж. Арч Гетти утверждает, что народ при обсуждении интересовало ограниченное число вопросов: «Поскольку граждан волновали положение с продовольствием и местные проблемы, они не беспокоились ни о личных, ни о гражданских правах»¹⁹. Официальные сводки о предложенных поправках, возможно, и дают повод для таких утверждений, однако справки о настроениях людей и письма доказывают, что эти вопросы на самом деле обсуждались в частной переписке. Пропагандистская шумиха, поднятая вокруг Конституции, и ее широкое обсуждение разбудили политическое сознание и осознание своих гражданских прав даже у тех людей, которые раньше не имели представления о подобных предметах. Это, таким образом, привело к парадоксальной ситуации, когда пропаганда стимулировала критику в отношении самой природы советской власти. Конституция показала ясный контраст между идеалом (сама Конституция)

и реальностью (повседневная советская действительность). Она обратила внимание на такие понятия, как «свобода совести», «неприкосновенность личности», полностью выключенные из официальных лозунгов агитпропа, о которых люди, вскормленные революционной моралью, могли раньше и вовсе не задумываться. Человек не рождается со знанием своих прав, он должен его приобрести. В этот период многие люди учились жить по-новому и реагировать на отсутствие этих прав в Советском Союзе.

Некоторые граждане считали, что права, гарантированные Конституцией, сами по себе хороши, но не могут быть осуществлены в СССР. Свободу слова они полагали особенно недоступной: «Согласно Конституции, в стране все хорошо. Свободы даны, но попробуйте воспользоваться свободой слова и сказать что-нибудь, что не нравится большевикам, и вас отправят на пять лет в ссылку»; «Рабочие настолько запуганы, что и сказать ничего не могут, все замолкли, но жизнь трудна, и должно быть хоть что-то, о чем можно поговорить. Так и с новой Конституцией, попробуй скажи что-нибудь, тут же найдут, за что тебя наказать». Люди приступили к обсуждению и других свобод, особенно интересуясь правом создания общественных организаций. Крестьяне решили объединяться, чтобы бороться за свои права. Много было споров о том, что подразумевается под словом «свобода», и некоторые решили, что свободы не может быть без ликвидации НКВД. Кое-кто сравнивал предоставленную свободу с «правом жить и трудиться», которым обладают заключенные. Многие крестьяне говорили, что охотно отказались бы от права на труд. Другие заявляли, что фраза «кто не работает — тот не ест» правильно должна звучать так: «Кто не работает, тот не только ест, но и пьет вино, а те, кто работает, едят одну мякину»²⁰.

Появились неофициальные конституции, вроде той, что была послана Жданову «Легионом революционной демократии» в 1937 г.²¹ В ней утверждалось, что низы должны обладать теми же правами, что и верхи. После одобрения Конституции ученики старших классов сестрорецкой средней школы № 2 разработали собственную «конституцию и декларацию прав ученика и гражданина». В этом документе провозглашались права и обязанности учеников, предусматривались выборы в «ЦК» и «кабинет министров» класса, а все ученики делились на два «класса»: юноши-комсомольцы и девушки-комсомолки. Документ содержал статьи вроде «учеба — обязанность каждого ученика»; «каждый ученик имеет право уйти из девятого класса»; «ученикам гарантируется свобода слова, печати, уличных демонстраций, пения, дружбы, приготовления уроков»²². Это независимое и стихийное проявление инициативы, явно свидетельствующее об извращен-

ном понимании принципов «настоящей» Конституции, было расценено как контрреволюционное поведение.

Роль Конституции как катализатора непредвиденного искажения и неверных истолкований намерений режима заметна также в том, как различные права, прописанные в Конституции, понимались и использовались населением. Хотя некоторые не принимали ее всерьез, считая больше дымовой завесой и уступкой Западу, другие предпочитали отстаивать свои права в борьбе с режимом, опираясь на Конституцию. Это особенно касалось свободы слова и направления религиозных культов. Многие предположили, что свобода слова гарантирована и тем, кто выступает против власти и имеет антисоветские взгляды. Один рабочий сказал, что тогда и Троцкому можно позволить вернуться в СССР, если уж на то пошло²³. На свободу слова ссылались те отчаянные люди, которые позволяли себе критиковать власти. Например, И. Фурсенко, работавший в лаборатории Павлова, в октябре 1937 г. в письме Жданову осудил террор. Начав цитатой из Пушкина: «Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу», он далее пишет: «Мы получили свободу совести и слова, и если все еще возможно подозревать человека, который громко и открыто критикует действия властей, что он агитирует против них, тогда это письмо осуждает и вас — представителя и лидера этих сил, — но не может быть расценено как антисоветская деятельность. Наш священный долг состоит в том, чтобы информировать вас о наших сомнениях и протестовать против того, с чем мы не можем согласиться, против того, что наш разум не может принять»²⁴.

Письмо поражает правдивостью, с какой автор критикует террор и анализирует его последствия: трусость, отсутствие инициативы, безответственность местных властей. Фурсенко понимал, что писать в столь открытой манере Жданову рискованно, поэтому защищал свои взгляды ссылками на права, гарантированные Конституцией. Он не был простым рабочим, но теми же приемами пользовались и простые люди, когда в своих ходатайствах о том, чтобы церкви не закрывались, ссылались на статью 124, гарантировавшую свободу направления религиозных культов. Социально-экономические права, закрепленные в Конституции, также активно защищались. Например, введение 8-часового рабочего дня и отмена бесплатного образования в 1940 г. рассматривались как нарушения Конституции²⁵.

Обсуждение Конституции привело к непредвиденному повышению уровня политической грамотности. Относительно самостоятельные дебаты 1936 г. дали властям много пищи для размышления. Среди главных тем, обсуждавшихся на пленуме в феврале–марте 1937 г., был вопрос об улучшении агитационной работы в связи с грядущи-

ми выборами. Как замечает Попок, «социально опасные» элементы, включая представителей националистических групп, после принятия Конституции активизировали свою деятельность: «Конституция была для них законным путем, так сказать, для усиления своей активности». На пленуме звучали неоднократные предупреждения о необходимости избегать всяческих «сюрпризов»²⁶. Тем не менее, несмотря на принятые решения, партия в 1937 г. не добилась сколько-нибудь заметных успехов в контроле над мнениями людей, отчасти потому, что простые люди рассматривали предвыборную кампанию как реальную возможность для публичного обсуждения своих политических взглядов.

Выборы

Выборы в Верховный Совет в 1937 г. вызвали такую же реакцию, как обсуждение Конституции. С одной стороны, были те, кто высмеивал саму идею выборов, которые, как они утверждали, никак не касались их повседневной жизни. С другой стороны, были и люди, использовавшие выборный процесс для выражения своих взглядов, в том числе критических. Безразличие демонстрировали те, кто осознавал, что выборы ничего не изменят, переизбраны будут те же люди, что и раньше, да и на их жизненном уровне это тоже никак не отразится. Рабочие, проживавшие в сыром доме без света и с дырой в крыше, где ютились шестнадцать человек, говорили, что они живут хуже колхозных свиней и до выборов им дела нет²⁷. Один вахтер сообщил, что предвыборное собрание, назначенное на 17 октября, не состоялось, потому что никто на него не явился, и считал это закономерным явлением, потому что на собраниях идет лишь пустая болтовня о том, как все хорошо, хотя на самом деле все совсем наоборот. Люди будут голосовать, добавил он, только потому, что их заставят, к тому же кандидаты уже назначены, а голоса избирателей никогда не будут подсчитаны²⁸.

Понимание того, что большинство кандидатов утверждено наверху, обескуражило тех, кто надеялся на реальные изменения в связи с демократическим процессом. По словам рабочего с завода «Красная заря», он думал, что можно будет избрать новое правительство, которое улучшит положение трудящихся, а на самом деле придется снова выбирать прежних руководителей²⁹.

Безразличие усилилось, когда выяснилось, что кандидаты не будут бороться за свои места, хотя предварительно предполагалось, что выборы пройдут в конкурентной борьбе. Жданов ясно об этом намекнул на февральско-мартовском пленуме, откуда следует, что

решение о проведении безальтернативных выборов было принято лишь на октябрьском пленуме³⁰. В ежедневной информационной сводке от 20 ноября сообщалось, что среди беспартийных избирателей, коммунистов и даже активистов всех избирательных округов в связи с этим обстоятельством растут смятение и замешательство. На митинге коммунистов на Васильевском острове звучал один главный вопрос: «Разве это правильно, что в избирательном бюллетене будет всего одно имя, разве это не нарушение демократического процесса?» Член партии с 1905 г. из Пушкинского района спрашивал, почему лишь один человек сможет выставлять свою кандидатуру, и предлагал быстро выдвинуть еще нескольких кандидатов, потому что один человек не может баллотироваться. Остальные поддержали это предложение³¹. От раздраженных коммунистов беспокойство, видимо, передалось и простым людям, возбудив среди них негодование. Агитатор из области докладывал, как все удивлялись присутствию в избирательном бюллетене лишь одного кандидата, а не двух, и спрашивали, можно ли вычеркнуть этого кандидата и заменить его своим. Он объяснял, что выбранные люди — лучшие в стране, но этот аргумент, очевидно, никого не убедил³².

Наряду с разочарованием в выборах, были и попытки использования выборной системы для выражения своего недовольства. Сталин полагал, что выборы будут для людей удобным случаем покритиковать работу советских органов. Однако, как говорилось в одном отчете по агитационной работе, эта критика приобрела гораздо более серьезную антисоветскую окраску, чем ожидалось. В частности, отсутствие товаров массового потребления для удовлетворения повседневных нужд часто приводило к общественному недовольству, что затрудняло проведение агитационной работы. В отчете приводился пример, когда 21 октября на собрании один рабочий посетовал, что никому нет дела до его нужд, заключив свое выступление словами: «Мы не знаем, кому жаловаться, может быть, Германии?»³³ Главной темой обсуждения на митингах было экономическое положение. В Кагановичском районе Новосибирской области люди задавали вопросы: «Почему колхозники отдают хлеб государству, ничего не получая взамен?»; «Почему такие большие очереди?»; «Почему не ходят автобусы?» и так далее³⁴.

Часто предвыборные собрания не ограничивались потоками жалоб; звучали призывы использовать выборы, чтобы убрать с руководящих постов людей, ответственных за трудности. Эта ситуация поставила партийных вождей перед дилеммой. На собрании агитаторов Ленинградского обкома осенью 1937 г. агитатор Семенова рассказала о собрании домохозяек, на котором одна женщина призвала

всех активнее готовиться к выборам и не переизбирать работников горсовета, потому что всюду очереди. Семенова сочла ее выступление политически неграмотным, но член обкома Никаноров прервал ее, заметив, что надо бороться с очередями, и намекнул, что, вероятно, Семенова, занимая такую позицию, «дышит любое проявление критики»³⁵. Грань между критикой и антисоветскими высказываниями была очень тонка.

В адрес выдвинутых кандидатов звучала очень громкая критика, причем обсуждались сами личности кандидатов, а не их политические программы, возможно потому, что последние почти не отличались друг от друга. Сметанина называли хулиганом, пьяницей и бабником. Про Корчагину-Александровскую говорили, что она двуличная, потому что дома молится, а на людях осуждает религию. Алексея Толстого порицали за то, что он «действительно толстый», а Калинина за то, что слишком старый. Один рабочий предложил вычеркнуть кандидатуру Микояна из-за его беспорядочной личной жизни. А один кузнец сказал, что будет голосовать только за Ворошилова, «старого вояку», потому что верит лишь ему одному. Сталина он охарактеризовал довольно нелестно, как человека «вроде хорошего», однако не желающего разбираться с колхозными проблемами самостоятельно и предпочитающего делать доклады на основании отчетов других людей. Некоторые люди не желали голосовать за женщин или евреев. Звучали жалобы, что многие вожди проходят по нескольким избирательным округам, и просьбы удалить некоторых вождей из списков. Иногда критике подвергались и политические программы кандидатов. В Палкинском районе один крестьянин сказал, что крестьяне желают голосовать за Калинина, а не за Сталина, потому что последний «замучил их налогами». Другой заявил, что отказывается голосовать за Сталина, потому что генеральный секретарь не следует заветам Ленина³⁶.

Наряду со словесными атаками на будущих кандидатов, раздавались призывы саботировать выборы, предлагая своих альтернативных кандидатов или бросая в урну незаполненный избирательный бюллетень. Подходящими кандидатами считались как Бухарин и Рыков, так и Троцкий, чьи имена часто фигурировали в антиправительственных прокламациях, которые в этот период распространялись в количестве от пяти до ста штук³⁷.

Порой мнения граждан действительно серьезно влияли на избирательную кампанию. Наиболее политически активные люди выдвигали собственных представителей, как сделала, например, Виноградова с завода им. Лебедева Ленинградского района. На заводском собрании 24 октября она предложила счетовода Лазареву, но эта кан-

дидатура была отвергнута на том основании, что Лазарева однажды посещала дом человека, который теперь находился под арестом. Тогда Виноградова заявила, что «наших» кандидатов нарочно подставляют, чтобы их не избирали³⁸. На собрании в конструкторском бюро инженер Коварский советовал рабочим не выбирать Ежова в качестве своего кандидата, потому что он может оказаться врагом. Вместо него он предлагал кандидатуру академика Графтио, которого знал еще Ленин и который был честным и политически ответственным человеком. В результате академик Графтио получил 140 голосов рабочих (Ежов – 170), и это дало повод Коварскому и другим предположить, что Графтио выиграл бы выборы, если бы Ежов не получил большинства голосов из-за давления, которое оказывал на рабочих партком³⁹. В Новосибирске член партии, стахановец и активист Ботинцев выступил против кандидатуры Сталина на том основании, что его имя и без того стоит во многих избирательных бюллетенях. Вместо него он предлагал избрать Алексеева, секретаря Новосибирского обкома. При голосовании Stalin получил 50 голосов, а Алексеев – 150⁴⁰.

Это были, очевидно, исключительные случаи, но они дают понять, как некоторые граждане, включая и приверженцев режима, даже в условиях сталинского террора и несмотря на отчаянные старания партийного руководства управлять мнением людей и проводить выборы по собственному усмотрению, принимали советскую «демократию» всерьез и использовали ее для выражения собственного мнения. Все это показывает, что часть электората имела довольно ясное представление о содержании «истинной» демократии. Негативные выказывания о выборах в конечном счете не помешали большинству людей прийти на них 12 декабря и проголосовать так, как от них и ожидали. Правда, несмотря на принуждение, стопроцентную явку обеспечить не удалось. По всему СССР в выборах приняли участие 96,8 % избирателей, включая тех, кто пришел с намерением испортить свои избирательные бюллетени⁴¹. В некоторых регионах эта цифра составила менее 90 %. В Дедовичском районе в выборах приняли участие 33 064 из 36 808 избирателей, из них 32 231 избрал утвержденного кандидата Анцеловича. Всего насчитали 53 недействительных бюллетеня и 658 бюллетеней, в которых было вычеркнуто его имя. В тех местах Ленинградской области, где жило много староверов и единоличников, явка составила менее 83 %⁴². Избиратели использовали тайну голосования для того, чтобы писать в своих бюллетенях враждебные послания. В отчете отмечалось, что в Каргасокском районе Новосибирской области «в одном бюллетене имя обербандинта Троцкого было вписано вместо имени товарища Антонюка».

Остальные отделывались фразами вроде «голосую за царя небесного» или «мы не голосуем»⁴³.

Простые люди в этот период проявили беспрецедентную политическую активность. Отходя от обычных забот и ежедневных требований работы и хлеба, они начали осознавать и использовать свои политические и гражданские права, хотя и не слишком часто и в ограниченном масштабе. Последующие выборы (в Верховный Совет в 1938 г. и в местные советы в 1939 г.) вызвали гораздо меньшую активность, во-первых, потому что наиболее активные граждане исчезли во время чисток, во-вторых, поскольку конституция перестала быть в новинку, а в-третьих, опыт 1937 г. совершенно ясно показал, что советские «выборы» в основном проводились с целью продвижения заранее выбранных властями кандидатов.

Глава 7. Большой террор

Большой террор, захлестнувший СССР во второй половине 1930-х гг., обошелся стране, возможно, в миллионы жизней и представлял собой целый комплекс хаотических мер, включавших партийные чистки, преследования инженеров и административных работников, гонения на интеллигенцию и церковь, показательные процессы над бывшими партийными лидерами и травлю обычных граждан. Число его жертв все еще является предметом споров среди историков¹. Несомненным представляется, что самыми уязвимыми перед террором оказались привилегированные группы населения и что в *относительных* цифрах простые крестьяне и рабочие пострадали меньше всех². Фицпатрик считает, что террор, возможно, оказался для крестьян не таким страшным по сравнению с голодом 1932–1933 гг. и 1936–1937 гг.: «В имеющихся источниках нет указаний на то, что “1937 год” имел такие же страшные последствия для крестьян, как для образованного городского населения». Рабочих, по всей видимости, тоже лишь «слегка затронул террор, развязанный Сталиным против элитных групп населения в 1937–1938 гг.»³; как было отмечено в гл. 1, последствия закона о труде 1940 г. для них оказались гораздо более чувствительными.

Кажется правдоподобным, что террор был отчасти популистской стратегией, призванной настроить низшие слои населения против тех, кто занимал ответственные посты, и таким образом отвести народное недовольство от самого режима. Эта стратегия, по-видимому, возымела некоторый успех. Террор против тех, кого считали новой элитой на заводах и в колхозах, естественно, вызвал позитивную реакцию, поскольку это соответствовало мыслям низов о «нас» (народе) и «них» (тех, кто у власти). Этот «диалог» между официальными лицами и народом будет исследован более подробно в следующей главе. В этой же главе мы рассмотрим два разных вопроса. Из мемуаров, обычно написанных представителями интеллигенции, видно, что пропаганда, объясняющая террор, была эффективна, что люди верили в существование «врагов народа» и считали террор оправданным⁴. Итак, во-первых, подвергали ли простые люди сомнению официальную пропаганду, объясняющую убийство Кирова и показательные процессы, и если да, то какие альтернативные объяснения они предлагали? И, во-вторых, казались ли законными жестокие меры по отношению к «врагам» и существовало ли какое-нибудь сопротивление террору?

Убийство первого секретаря Ленинградского обкома партии Кирова 1 декабря 1934 г. дает нам ответ на первый вопрос, поскольку были составлены сотни отчетов о мнениях людей в связи с ленин-

градскими событиями — даже больше, чем по любому другому вопросу⁵. Этот случай особенно интересен, поскольку партия утратила бдительность и была неспособна, как обычно, подготовить и направить общественное мнение в нужное русло. Ввиду скудости официальной информации об убийстве пошли слухи, в которых излагались многочисленные альтернативные версии. Таким образом, в данном случае не пропаганда отвечала на вопросы, а, наоборот, люди в отсутствие адекватного объяснения не имели другого выбора, кроме как довериться слухам. Первое официальное сообщение об убийстве появилось 2 декабря, в нем кратко говорилось: «1 декабря в 16 часов 30 минут в Ленинграде, в здании Ленинградского Совета (бывший Смольный), от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП (большевиков) и член Президиума ЦИК СССР товарищ Сергей Миронович Киров. Стрелявший задержан. Личность его выясняется»⁶.

Это лаконичное заявление не могло удовлетворить любопытства, и среди масс стали распространяться неофициальные, надуманные истории и невероятные домыслы. Говорили, что Киров покончил жизнь самоубийством, сам организовал собственное убийство, что он все еще жив. 2 декабря поступили сведения, что он уехал из больницы по направлению к Смольному. В результате большая толпа народа якобы ринулась в Смольный, чтобы его увидеть. Говорили, что Чудов, помощник Кирова, также или покончил с собой, или убит. В начале декабря (девятого или десятого числа) распространились и другие упорные слухи о предполагаемой смерти писателя Горького. Были версии о покушениях и на других партийных лидеров, особенно Кагановича, о смерти лидера немецких коммунистов Тельмана. Такая тенденция, видимо, вполне объяснима в подобных ситуациях. После убийства Кеннеди распространялись неподтвержденные сведения, что у Джонсона сердечный приступ, а когда умер Рузвельт, были зафиксированы слухи о смерти генерала Маршалла, Бинга Кросби и других знаменитостей⁷.

Имя убийцы Кирова не раскрывалось до 3 декабря, но до этого по городу уже расползлись различные домыслы. В сводке о настроениях на заводе им. Халтурина сообщалось, что настроения среди молодых рабочих нездоровые. Молодежь главным образом интересуется формальной стороной дела. Задают вопросы: кто убил Кирова, рабочий или нет, когда его убили, куда стрелял убийца и т. д.⁸ Подобные вопросы можно было слышать по всему Ленинграду. Особенно всех интересовало, был ли убийца партийным. К 3 декабря газеты сообщили, что его зовут Леонид Васильевич Николаев, родился в 1904 г., бывший инспектор Ленинградского обкома Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ)⁹. О партийной принадлежности не упоминалось, хотя многие на основании прежнего места его работы сделали правильный вывод,

что он состоял в партии: Слухи продолжали распространяться, что дало повод начальнику Ленинградского отдела НКВД Медведю проинструктировать партийных работников и других официальных лиц в Смольном, чтобы те проявляли осмотрительность: «Уведомляем вас о том, что по предложению НКВД СССР никакая информация любого рода о личности убийцы — Николаева Леонида Васильевича, ни в коем случае не должна никому передаваться, ни организациям, ни корреспондентам, особенно корреспондентам иностранных газет. При запросе кем бы то ни было подобной информации следует незамедлительно информировать об этом начальника управления НКВД Ленинградской области — товарища Горина... Примите меры к выявлению тех рабочих, которые располагают какими-либо сведениями касательно Николаева»¹⁰.

Однако новости продолжали распространяться. Люди, которые жили или работали вместе с Николаевым или с его родственниками, делились различной информацией о его прошлом. Остальные полагались на свое воображение. Николаева считали то отчаявшимся рабочим-партийцем, жаждущим мести за свои обиды, например за исключение из партии, то агентом НКВД, то умственно больным или даже незаконным сыном Кирова¹¹. Была тенденция сделать его романтическим героем — он соответствовал традиционным представлениям о благородных террористах. Иногда его прямо сравнивали с известными террористами Желябовым и Перовской¹².

4 декабря в газетах появились некоторые сведения об обстоятельствах убийства. Николаев убил Кирова выстрелом сзади, когда последний входил в свой кабинет, в котором сразу же и скончался. Убийцу задержали на месте преступления. После этого объявления прошло две недели, прежде чем поступила новая информация. Лишь 18 декабря было заявлено об участии в заговоре Зиновьева и его спешников. Перед этим ходило много слухов о мотивах убийства. Первому официальному заявлению о том, что убийца подослан врагами рабочего класса, мало кто поверил. Люди выдвигали огромное количество различных версий происшедшего¹³, склоняясь к четырем наиболее достоверным мотивам: секс, политический конфликт, экономическая ситуация и «враги» всех мастей¹⁴.

Версия убийства на почве секса звучала в высказываниях, что «Киров был убит из-за своих многочисленных связей с женщинами», «Киров был широко известен по всему городу как юбочник; у него были связи со всеми работницами обкома». Те, кто имел больший доступ к информации, предложили более вероятные и подробные версии: Киров пострадал из-за связи с Мильдой Драуле, женой Николаева, которая работала в его аппарате.

Другие представляли убийство как эпизод политической борьбы в высших эшелонах власти. Самая распространенная версия гласила,

что Сталин лично организовал убийство Кирова. Были также предположения, что Киров пострадал в результате разногласий между ним и другими партийными секретарями, Чудовым или Угаровым. Распространялись также слухи о мистической смерти главы ленинградской парторганизации Чудина в конце 1933 г. Сталин вновь обсуждалась и различные политические конфликты, якобы имевшие место в прошлом, включая истории о ссорах вождей: как однажды Сталин и Ворошилов, напившись, порезали друг друга ножами или Крупская напилась и выстрелила в Сталина, тоже пьяного, потому он не позволил ей говорить о детях рабочих¹⁵.

Решение об отмене хлебных карточек 1 января 1935 г. было принято почти сразу вслед за убийством Кирова. Обычным людям это не показалось простым совпадением и сразу же породило массу сплетен. Крестьяне предположили, что Кирова убили рабочие из-за того, что он сократил им пайки¹⁶. Рабочие также считали, что это неспроста. На заводе «Красный путиловец» ходили толки, будто после объявления об отмене хлебных карточек во многих цехах произошли забастовки, а один рабочий отправился в Смольный и убил Кирова¹⁷.

Официальная версия заговора поднимала тему «врага». Однако и среди неофициальных версий эта мысль тоже просматривалась. Один рабочий заявил, что Кирова убил немецкий рабочий, работавший в Ленинграде, и что Германия объявит войну СССР, если этот рабочий не будет освобожден. Остальные считали, что якобы в заговоре замешаны иностранные государства, такие, как Финляндия, Турция и Польша¹⁸.

Некоторые из этих версий отражены в стихах, обнаруженных в одной школе в Кронштадте:

Когда Кирова убили, а Калинин приказал:
Хлеб без карточек давайте,
А цену поднабавляйте,
Чтобы денег накопить
И Кировой платьице купить.

А рабочий, ты ворочай.
Сталин в Смольном пировал,
А рабочий голодал.

Не надолго, все пройдет,
Противник Сталина убьет.

Скоро будет ведь война,
И тогда, тогда, тогда
Будет Сталин ласков навсегда,
Когда его не будет — стихнет навсегда¹⁹.

Большинство слухов касалось Николаева и мотивов убийства, но люди также обсуждали поведение Сталина во время его визита в Ленинград сразу после преступления и роль в этом деле НКВД. Вероятно, Stalin был очень груб и резок с ленинградскими партийными деятелями и работниками НКВД и даже лично допрашивал Николаева²⁰. Таинственная смерть Борисова, охранника Кирова, по пути на допрос к Сталину скоро стала достоянием гласности. Согласно некоторым источникам, он сам выпрыгнул из машины, опасаясь встречи со Сталиным. Другие спорили, что НКВД сам подстроил автомобильную «аварию»²¹. Роль НКВД в случившемся довольно подозрительна. Ходили слухи, что начальник Ленинградского отдела НКВД Медведь выдал Николаеву пропуск в Смольный или даже самолично убил Кирова. Эти слухи ускорили отставку Медведя, которая произошла 3 декабря и сопровождалась многочисленными догадками о его дальнейшей судьбе, предположениями, что он покончил с собой, или у него случился удар, или что он сбежал²².

Мало-помалу через несколько недель пересуды об убийстве Кирова стали стихать, потому что люди потеряли к нему интерес и сосредоточили внимание на деле Каменева и Зиновьева. Режим усвоил преподанный ему урок. Эпизод с убийством Кирова показал большие недочеты в работе по приданию общественному мнению правильно-го направления, и начиная с 1935 г. особое внимание уделялось как агитпропу, так и отслеживанию настроений народа. Хотя никто не мог покончить с распространением слухов, пропагандистская машина в следующей фазе террора против партийной элиты стала функционировать более эффективно.

В январе 1935 г. начались процессы над ленинградским и московским «центрами», якобы ответственными за убийство Кирова. Зиновьев и Каменев получили различные сроки заключения. На следующем процессе в августе 1936 г. их вместе с «сообщниками» приговорили к смертной казни за участие в «троцкистско-зиновьевском блоке», обвиненном не только в убийстве Кирова, но и в заговорах с целью убийства Сталина и других руководителей. Во время процесса над «параллельным антисоветским троцкистским центром» в январе 1937 г. Пятаков, Радек и другие были признаны виновными в таких же неправдоподобных преступлениях. В феврале, предположительно от сердечного приступа, умер Орджоникидзе. В мае–июне 1937 г. арестовали, судили и расстреляли военачальников Красной армии, включая Тухачевского и Якира. Наконец, в марте 1938 г. наступил последний акт этой великой трагедии, когда признали виновными и приговорили к смертной казни Бухарина, Рыкова, Ягоду и других.

Эти драматические события воспринимались с недоверием. Людей потрясло то, что такие известные революционеры могли зайти

так далеко. Некоторые просто отказывались верить, что ближайшие соратники Ленина могли быть виновны²³. На официальную информацию, обнародованную в газетах, смотрели скептически. Во время процесса 1936 г. один человек задавался вопросом, как могло случиться, что Зиновьев и Троцкий, работавшие вместе с Лениным, стали фашистами. Обвинение против них сфабриковано, говорил он, и газетам верить нельзя. Главную роль в этом деле играют национальные противоречия между Сталиным и евреями — грузины и евреи всегда враждовали. На процессе все слишком преувеличено; на самом деле он и проводится не так, как об этом пишут газеты. Другой тоже сказал, что не верит, будто Троцкий совершил то, что пишут в газетах, и что нельзя верить всему, о чем они пишут, особенно в СССР. Во время процесса над «параллельным центром» один человек спросил, почему по радио не передают настоящие слова обвиняемых, другой заявил, что лично знает Пятакова и все обвинения против него — вранье. Выдвигались различные объяснения этих процессов. Были предположения, что дело против Каменева и Зиновьева сфабриковано как предлог с целью арестовать бывших оппозиционеров. Этот процесс, а также процесс над Бухариным, Рыковым и другими рассматривали как попытку отвлечь людей от проблем дефицита продуктов или «запудрить мозги рабочим»²⁴.

Процессы 1937–1938 гг. породили волну слухов о виновности и арестах других членов правящей элиты. Падение Пятаковабросило тень подозрения на его ближайших соратников Орджоникидзе и Кагановича. После новости об аресте Тухачевского поползли слухи, что следующим будет Ворошилов и что Вышинский покончил с собой. Во время мартовского процесса 1938 г. шла мольба, будто арестованы Литвинов, Егоров, Дыбенко, Блюхер, Белов и Туполев. Люди везде видели заговоры, поэтому официальный доклад о том, что Орджоникидзе умер от сердечного приступа, был сразу отвергнут в пользу версии, будто его довел до самоубийства процесс над Пятаковым либо он стал жертвой террористического акта или отравления²⁵.

Тerror против видных «врагов народа» пользовался в низах поддержкой, однако не повсеместно. Некоторые простые люди относились к нему с безразличием. Как будет показано в гл. 8, все подсудимые были для них слишком «высокопоставленными», то есть, как утверждает Кравченко, «люди в своей массе... были абсолютно равнодушны к тому, что казалось им простой семейнойссорой между их новыми хозяевами»²⁶. Кампания агитпропа во время процессов по привлечению к ним массового внимания провалилась. Уборщики с завода «Пролетарская победа» отреагировали на процесс над «параллельным антисоветским троцкистским центром» лаконично: «Мы полы моем, нас это не касается». Рабочих и особенно крестьян больше вол-

новала нехватка хлеба в 1936–1937 гг., чем показательные процессы. Один колхозник резко ответил агитаторам в 1936 г.: «Мы не особенно хотим обсуждать этот вопрос, потому что у нас нет хлеба». Собрания, созывавшиеся в деревнях для обсуждения процесса над «параллельным центром», часто становились для людей поводом, чтобы пожаловаться на нехватку товаров. В городах равнодушие к собраниям тоже было заметно, особенно среди молодых людей²⁷. Атмосферу, царящую на подобных собраниях, лучше всего передал Аржиловский, хоть и не сочувствовавший коммунистам, но все же очевидец тех событий. Он описал собрание по случаю смерти Орджоникидзе у себя на заводе: «Было смертельно скучно, время тянулось и тянулось, и наконец ораторов пришлось почти силой заставить выступать. Они выбирают президиум для проведения митинга. В зале шумно и беспокойно, и вначале оратора невозможно услышать. Он гримасничает, пытаясь найти подходящие слова, но затем воодушевляется и произносит ясную вразумительную речь. Речь заканчивается. Председатель обращается к аудитории: “Товарищи, кто будет выступать следующим?” Мертвая тишина. “Нет добровольцев?” — настойчиво спрашивает председатель угрожающим голосом. В конце концов, сначала один партиец, потом другой выдавливают из себя несколько слов, предлагая заводу в память о смерти стойкого большевика повысить производительность и т. д. Они говорят без эмоций, без вдохновения, следя заученному тексту... Ну и что? Орджоникидзе, по-моему, не был такой уж большой фигурой, и они найдут, кем его заменить. Поэтому страна не много потеряла, хотя ничего и не выиграла: одним больше, одним меньше — общая картина не изменится»²⁸. Смерть Орджоникидзе была несколько иным событием, чем показательные процессы; тем не менее очевидно, что на некоторых собраниях, организованных по их поводу, тоже не чувствовалось особого энтузиазма.

Лишь немногие занимали активную позицию и высказывались против террора. В то время как большинство рабочих возмущалось, что Зиновьева и Каменева не приговорили к расстрелу в январе 1935 г., другие полагали, что их следовало бы пощадить. Поговаривали, что вместо того, чтобы расстрелять, их надо изолировать, как Троцкого²⁹. Когда их все-таки приговорили к расстрелу в августе 1936 г., некоторые пришли в ужас: как можно расстреливать людей, которые боролись за идею, долгое время работали с Лениным и Сталиным, вынесли революцию на своих плечах? Другие сравнивали эти наказания с отношением к революционерам при царе: «Почему расстреливают политических преступников? При царе такого не было». Иногда члены партии отказывались зачитывать постановление суда на заводских митингах. Судьбу Тухачевского тоже оплакивали — его не должны были расстреливать, поскольку «он был лучшим воена-

чальником». Приговор Бухарину, Рыкову и их соратникам также породил ряд протестов, особенно среди тех, кто их очень уважал и выступал против волны смертных приговоров: «Эти люди пользовались уважением в течение долгого времени, были членами партии ВКП(б) и теперь будут расстреляны. Обращение НКВД с некоторыми людьми неправильно — аресты, тюрьма и расстрел». На одном собрании рабочий сказал, что Бухарина нельзя расстреливать, потому что и так уже вынесено слишком много смертных приговоров³⁰.

Раздавались протесты и против террора, затрагивающего менее выдающихся людей. После убийства Кирова начались репрессии против всех, кого подозревали в зиновьевщине, а также «бывших», криминального элемента и людей без паспортов, тысячи их были выдворены из Ленинграда в начале 1935 г. Хотя многие рабочие приветствовали это решение и задавались вопросом, почему столь нежелательные группы населения продолжали жить в городе так долго, иные выказывали им сочувствие. Больше всего оно проявлялось среди работников различных учреждений и институтов, а не на заводах, хотя в одной сводке сообщалось, что даже на заводах среди небольшого количества рабочих и служащих (частично из классово чуждых элементов, бывших кулаков, детей спекулянтов и т. д., а также рабочих с ограниченным классовым сознанием) наблюдаются нездоровые чувства «симпатии» к выдворяемым из города и отсутствие понимания необходимости этого изгнания³¹.

Одна труженица с завода «Равенство» выражала сожаление по поводу выселения ее соседа: «Из нашего дома выселен бывший кулак, но он хороший парень; он жил по соседству с нами тридцать лет и не причинил никому вреда»³². Другие считали, что выгонять из города так много образованных людей, могущих принести пользу, значит разбазаривать таланты. Так же все чувствовали, что, поскольку многие из выселяемых преклонного возраста (особенно бывшие аристократы), они не могут представлять никакой реальной угрозы и что заставлять страдать вместе с родителями и их детей — недопустимо, потому что они-то не сделали ничего плохого³³. Были случаи, когда люди пытались собрать для выдворяемых деньги: комсомолка из артели «Новая книга» организовала фонд, куда шестеро или семеро человек вложили 15 руб., для помощи бывшему белому офицеру, два года проработавшему в артели. Одна школа собрала деньги для другого бывшего белого офицера и устроила ему проводы на станцию³⁴. Наряду с сочувствием выражались опасения, что «сегодня берут их, а завтра доберутся и до нас». Помимо прочего, множились неоправданные слухи, что выселять будут всех кустарей, «летунов» и что у НКВД есть список из 750 тыс. чел., которых тоже собираются

выселять³⁵. Эти толки отражали чувство незащищенности, которое охватило город после убийства Кирова.

Массовый террор, организованный Ежовым и получивший название «ежовщина», тоже сталкивался с сопротивлением. Некоторые чувствовали, что арестовывают хороших, честных, свободомыслящих людей. Многие задавались вопросом, почему арестованные признаются в преступлениях, которых не совершили, и выдвигали предположения, что они идут на это, потому что устали сидеть в тюрьме³⁶. Большинство массовых арестов пришлось на осень 1937 г., во время подготовки к выборам в Верховный Совет. Многие заметили это «совпадение» и предположили, что аресты совершаются с целью беспрепятственного проведения выборов — это просто особый путь лишения нежелательных людей избирательных прав, «предвыборный террор». Любовь Шапорина зафиксировала в своем дневнике случай, когда ребенок, придя в октябре из школы домой, заявил: «Нам сказали, что сейчас проводятся массовые аресты. Нужно избавиться от нежелательных элементов до выборов». По словам одного рабочего, Сталин боялся, что чуждый элемент придет к власти, и поэтому, как Гитлер в Германии охранял фашистский режим, арестовывая людей, так и он охранял советскую власть и выборы в Верховный Совет с помощью массовых арестов, а после выборов три четверти арестованных освободят³⁷.

Похожие сравнения с гитлеровским террором проводили и другие люди, хотя некоторые считали, что советская власть хуже, потому что при ней в тюрьмах оказалось больше народа³⁸. Распространялись слухи и о количестве жертв; некоторые считали, что благодаря террору численность населения СССР сократилась со 175 до 135 миллионов человек³⁹.

Больше всего критических замечаний можно было услышать не от представителей рабочего класса. В информационной сводке из Новосибирска однозначно подчеркивалось, что против террора энергичнее всего протестовали представители интеллигенции и служащие⁴⁰. Несколько прокламаций и анонимных писем этого периода написаны предположительно интеллигентами⁴¹.

Простые рабочие и крестьяне, чьи семьи и друзья особенно пострадали из-за ежовщины, вполне могли разделять их чувства, но, чтобы это доказать, требуется больше фактов. Большая часть доступных материалов указывает на равнодушное и даже одобрительное отношение людей к террору, и это обстоятельство будет тщательнее разбираться в гл. 9. В этой же главе наглядно показано, что не все верили официальной пропаганде, что среди масс преобладали многочисленные неофициальные объяснения происходящих событий и что некоторые люди решительно возражали против террора.

Глава 8. «Мы» и «они»: социальная идентичность и террор

Одна тема народных высказываний отчетливо прописана во многих из предыдущих глав: сильное чувство социальной дистанции, противопоставление «мы» и «они». Эта глава будет целиком посвящена данному вопросу; в ней мы попытаемся изучить его различные варианты и понять, как они соотносились с официальной политикой террора.

Согласно Сталину, к середине 1930-х гг. Советский Союз превратился в социалистическое общество без частной собственности и классового антагонизма, в котором единый советский народ — рабочие, крестьяне и интеллигенция — имеет общие интересы. С тех пор было много жарких споров о том, действительно ли СССР стал социалистическим государством в марксистском понимании¹. Здесь мы не будем обсуждать этот теоретический вопрос. Вместо этого наше внимание будет отдано субъективным восприятиям простых рабочих и крестьян, в особенности языку, который они использовали для представления своей социальной идентичности².

В главе будут рассмотрены лишь отношения, выстроенные по формуле «мы против них», то есть «народ» (в самых разных обличьях) против тех, кого причисляли к власть имущим. Это конфликтное диахотомическое изображение общества сильно контрастировало со статической иерархической моделью, пропагандируемой режимом³. Оно сосуществовало и даже конкурировало со многими другими проявлениями социального разделения: между молодыми рабочими и рабочими со стажем, между работницами и рабочими, между рабочими и крестьянами⁴. Однако все эти различия вполне совмещались с более широким чувством солидарности, основанным на отождествлении себя с «народом», противостоящим «им», властям предержащим. Просто другие идентичности проявлялись в других случаях и с другими целями.

Как показывает Дарендорф, подобная диахотомия общества представлена во многих культурах. Она основана на противопоставлении «мы» и «они», «die da oben» и «wir hier unten», «ceux qui sont en haut» и «en bas»⁵. Осовский подтверждает, что пространственная метафора вертикальной стратификации общества на две большие группы: на тех, кто вверху, и тех, кто внизу, — происходит из древних, чуть ли не библейских времен⁶. В России эта картина социальной поляризации была особенно ярко выражена в дореволюционный период, отчасти из-за глубокой социальной дифференциации государства и общества на «официальную Россию» и народ, что дало повод для

появления образа «двух России»⁷. Как показывает Хаимсон, в революционный период рабочие это особенно ясно осознали⁸. Согласно Ленину, «весь мир (рабочих) делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры»⁹. Это ощущение поляризации не исчезло после 1917 г. Оно оставалось, в несколько видоизмененной форме, до и после периода нэпа, отчетливо проявилось во время культурной революции и вновь расцвело в 1930-е гг., когда расслоение общества стало явным, а уравниловка была официально отменена.

В тот период простые люди определяли свою классовую принадлежность с помощью следующих понятий: «мы», «рабочие», «народ», «низы», «крестьяне», «русские» и «массы». Эти категории имели тенденцию к перемешиванию и использовались довольно неразборчиво для идентификации целого слоя людей, лишенных власти. На эти определения, очевидно, оказали влияние лозунги эсеров, националистов и народников, так же как и язык большевиков. Отчасти потому, что «угнетенные» слои общества не были сильно взаимосвязаны между собой и периодически конфликтовали из-за противоречащих друг другу социально-классовых различий, самоидентификация народных масс часто носила негативный характер, определение «против кого ты» играло гораздо большую роль, чем определение «с кем ты». Поэтому образ «другого», «врага» часто имел непропорционально большое значение в деле единения людей/рабочих/крестьян. Врагов определяли по-разному. К наиболее общим понятиям относились следующие термины: «они», «верхи», «ответственные работники», «члены партии», «государство», «правители», «новые буржуи», «бюрократы», «ИТР», «евреи» и менее распространенные «гнилая интеллигенция», «академики», «царьки». Использование подобных терминов показывает влияние как дореволюционного, так и послереволюционного языка¹⁰.

Основная дилемма между элитой и народом, нами и ими, представлялась и разъяснялась различными способами. Они редко включали марксистские понятия. Одно общее объяснение этого конфликта заключалось в неравном распределении политической власти. Чтобы выразить это, люди прибегали к таким аналогиям, как рабы и хозяева, или представляли ситуацию в этических терминах — как борьбу добра со злом. Другое объяснение базировалось на экономическом разделении, расслоении населения на бедных и богатых. Часто дилемму объясняли с помощью более чем одного понятия, тем не менее ниже будет рассматриваться каждое из них по очереди.

По-видимому, это чувство дилеммы легитимировало некоторые аспекты террора в глазах простого народа, и режим в некоторой степени преднамеренно использовал и культивировал его, особенно в 1936–1937 гг.¹¹ Официально власти представляли террор как борьбу

между «народом» и «врагами народа». Это представление о народе/врагах народа имело много общего с дифференциацией «мы/они». И то и другое было направлено против людей, занимающих ответственные посты (хотя, конечно, террор затрагивал и другие группы, включая простых рабочих и крестьян), и подчеркивало политическое, экономическое и моральное разложение власть имущих. Однако ясно также, что народное восприятие официального изображения борьбы народа против врагов народа могло отличаться от того, что подразумевали сами власти. В то время как режим надеялся, используя этот язык, обеспечить себе поддержку народа, подчиненные группы использовали его для выражения недовольства – чтобы продемонстрировать неравенство, бесправие простых людей и недоверие ко *всем*, кто стоит у власти, а не только к официально объявленным врагам.

Политическая дилемма

Согласно пропаганде, власть в СССР принадлежала народу, то есть рабочим и крестьянам. Руководители страны были его представителями – вождями народа. На самом деле в восприятии масс власть имущие опирались на чиновничью элиту, евреев и прочих. Простые люди сильно переживали из-за того, что отстранены от управления страной и что те, кто у власти, не советуются с ними в принятии решений и игнорируют их мнение. Это породило у многих равнодушные к политической жизни, хотя остальные чувствовали, что необходимо принимать меры и выдвигать во власть «своих людей». То, что на скамьях подсудимых во время открытых процессов находились в основном представители «властей предержащих», заставляло людей предположить, что все, кто находится у власти, – «враги» и «вредители» и что такое положение дел может быть исправлено, когда в правительстве будет больше рабочих и крестьян.

Люди осознавали, что власть в стране распределена неправильно, и их высказывания по этому поводу сильно отличаются от официального мнения: «Мы, беспартийные, рабочие-рабы»; «Рабочие были и остались рабами»; «Коммунисты – белая кость, беспартийные – черная. Если сказать по-старому, то коммунисты – это дворяне, а беспартийные – рабочие»; «Массы – навоз для истории»; «Люди – пешки, которые ничего не смыслят, и вы можете делать с ними, что хотите»; «Рабочие – вроде булыжников, можете бросать их, куда вздумается»; «К рабочим относятся как к собакам». Те, кто стоит у власти, – хозяева, «советские директора», «наши господа большевики»¹².

Организованная пропагандистская кампания старалась изобразить лидеров государства в популярной манере как вождей народа, явно намереваясь таким образом соответствовать народным пред-

ставлениям об «идеальном» лидере¹³. Хотя эта пропаганда безусловно оказывала влияние, о чем свидетельствует популярность культа вождя, некоторые сомневались в ее правдивости. Лидеры воспринимались как люди, не имеющие пролетарского происхождения: «Наши вожди не из рабочего класса; Сталин из семьи ремесленников. Как Киров смог получить образование, если был бедняком?» Калинина, который когда-то работал на заводе «Красный птиловец», подозревали в утрате пролетарских корней: «Калинин оторвался от масс и не хочет знать с рабочим классом». Чувствовалось, что вожди боятся простых людей. Сталин и его подручные, говорили в народе, «боятся и не доверяют нам, рабочим». Жданова тоже считали «вождем без народа».

Киров иногда представлялся идеальным лидером, особенно по сравнению с другими, поскольку считалось, что он на стороне рабочих¹⁴. Его поведение отличалось от поведения его преемника Жданова. На митинге на заводе «Красный треугольник» в конце 1935 г. рабочие жаловались, что Киров часто заходил к ним на завод, а Жданов ни разу этого не сделал, и призывали его исправить эту ошибку¹⁵. Подобное сравнение между Кировым и Ждановым было и в письме 1938 г., которое написал кадровый рабочий, утверждавший, что Жданов узнает о проблемах народных масс лишь из информсводок¹⁶. Правда, нужно сказать, что, в отличие от Кирова, Жданов был загружен работой в Москве и имел мало времени, чтобы прислушаться к простым рабочим Ленинграда.

Это чувство, что элита не прислушивается к мнению масс, было довольно широко распространено. Кузнец, выступавший с речью на предвыборном собрании в декабре 1934 г., сомневался, что предложения и наказы советам оказывают какое-либо влияние на правительство, потому что «у власти буржуазия и помещики... бедные крестьяне отправлены в ссылку, кулаки остаются, и только евреи у власти»¹⁷. Когда принимались решения, идущие вразрез с народными чаяниями, люди особенно остро на это реагировали и требовали, чтобы им дали совещательный голос. Например, в конце 1934 г., когда было объявлено об отмене хлебных карточек, один рабочий спросил, почему не проводится всенародный опрос с целью выяснить истинные желания людей, как это делается, например, в Германии. Другой сказал, что партия — «кучка людей, которые правят не в наших интересах. Они должны были прежде всего спросить рабочих об их мнении, затем провести собрание, а уж потом, если мы согласимся, только тогда приступить к подписанию документа на государственном уровне». Точно так же после обнародования закона о труде в июне 1940 г., принятого якобы по требованию рабочих, на нескольких заводах люди жаловались, что в СССР, в отличие от Великобритании и

США, правительство никогда не просит народ помочь улучшить народное хозяйство, а просто, не считаясь с ним, издает указы¹⁸.

Несмотря на значительную социальную мобильность в этот период, правящая элита часто представлялась недоступной для рабочих и крестьян, возможно потому, что, когда их кандидаты продвигались по иерархической лестнице вверх, их образ жизни радикально менялся¹⁹. Выборы считались простой формальностью, поскольку обычные люди явно никогда не могли быть избраны. К выборам 1937 г. в Верховный Совет относились с особенной иронией, считая, что властная элита давно все устроила таким образом, чтобы быть переизбранной: «Кто бы ни стоял у власти, он снова окажется там, а мы туда не попадем»²⁰. Такая система для власти имущих была эффективна, потому что базировалась на страхе. Как сказал один рабочий из Ленинграда, это одни разговоры, будто простые люди могут принять участие в выборах в Верховный Совет. На самом деле ничего подобного: кто-нибудь выдвинет кандидатами Сталина и Калинина, и все будут за них голосовать, а не проголосовать побоятся, поскольку иначе будут арестованы. После выборов в Верховный Совет ситуация не изменится, потому что в нем останутся все те же люди²¹.

На практике в партийные или советские органы избиралось относительно малое число рабочих и крестьян. Например, выборы в первичные партийные организации (ППО) в Ленинграде в 1938 г. показали, что лишь 19,1 % среди тех, кого избрали 23 апреля, были рабочими, это дало повод одному старому рабочему задать вопрос: «Почему выбирают не нас, а только инженеров?»²²

Этот рабочий отнес к категории «других» «инженеров», но чувство, что власть находится в руках чужаков, заставляло многих настойчиво утверждать, что ее захватили «евреи»; об этом свидетельствует множество писем и высказываний, рассмотренных в гл. 4. Несмотря на то что указанные заявления относились непосредственно к евреям, они передают общую враждебность к существующей структуре власти, а также опасение, что бразды правления принадлежат своекорыстной враждебной группировке со своими интересами и правилами. В подобном тоне говорили и о других власти имущих, правда уже без антисемитской окраски. Люди, разбиравшиеся в политике, считали, что партия бюрократизируется. Такие мысли перекликались с критическими выступлениями оппозиции 1920-х гг. Например, на пике «кампании самокритики» в 1937 г. беспартийный секретарь иностранного отдела газеты «Смена» заявил, что партия обюрократилась, директивы ЦК совершенно извращаются или вообще не доходят до низов, партия оторвалась от масс. Чтобы сделать успешную карьеру, любому дураку достаточно получить партийный билет, а беспартийным не доверяют, их не ценят: ни в Совнаркоме, ни

на других ответственных должностях нет ни одного беспартийного. Огромное значение придается внешней форме. Если у человека хороший послужной список, например, он служил в Красной армии или долгое время занимался подпольной партийной работой, то все это дает ему огромное преимущество по сравнению с другими людьми. К примеру, Андреева, абсолютно бездарного, безграмотного человека, который нарушил работу транспорта, устроил неразберику и везде находил и сажал врагов народа, избирают секретарем ЦК, вместо того чтобы отдать его под суд²³. Член партии, обратившийся в 1937 г. к Жданову с просьбой о помощи, также утверждал, что партия, если говорить ленинскими словами, зазналась и превратилась в «касту»²⁴. Оба в более интеллектуальной манере выражали то, о чем несвязно, порой с использованием антисемитской лексики говорили и писали простые люди.

Чувство своей абсолютной ненужности партийным руководителям приводило к безразличию и отстраненности от политики определенной части рабочих. Показательные процессы сопровождались замечаниями: «Рабочий класс никогда не боролся за политические права. Только несознательные рабочие принимали участие в Октябрьской революции. Рабочему все равно, кто у власти, лишь бы ему хорошо жилось. Каждый живет сам для себя и не беспокоится об остальных»; «Рабочие были и остались рабами. Для нас нет никакой разницы, советская у нас власть или фашистская». Традиционно пассивные крестьяне тоже держались линии наименьшего сопротивления: «Нам все равно, кто за Сталина, а кто за Троцкого; было бы лучше, если бы после процессов они успокоились и больше не ловили бы преступников, а то они дерутся друг с другом, а попадают по мужику»²⁵.

В то время как эти люди демонстрировали свое равнодушие к интригам, плетущимся наверху, некоторые увидели в показательных процессах и чистках шанс продемонстрировать свое недовольство «другими». Официально одобренные гонения на бывших авторитетных деятелей лишь подогрели давнишнюю враждебность народа к тем, кто у власти. Об очевидной нацеленности террора на поиск козлов отпущения и/или его эффективности в этом плане не раз говорилось²⁶. Как и культурная революция, террор был призван дать выход народному гневу и убрать прежние преграды для социальной мобильности. Он представлял собой насильтственный переворот существующего положения вещей, осуществление утопических надежд, которые символически выражались в многочисленных частушках, описывающих падение некогда влиятельных фигур: «Коммунистов стало много, / Мы веревочек навьем, / Это право переменится, / Давить их поведем»; «Я рязаночку плясала, / На каменной плитке, / Комсо-

мольца задавили / На суповой нитке»; «Председателю колхоза / Надо голову сломать, / Чтоб молоденьких девчонок / Не задерживал гулять»²⁷.

Без сомнения этой цели и намеревался достичь режим с помощью чисток элиты, отводя, таким образом, критику от Сталина и самой системы. Stalin безусловно верил, что низы поддерживают террор. На пленуме ЦК в октябре 1937 г. секретарь Западно-Сибирского крайкома Эйхе объявил, что настроение на заводах и в сибирской деревне гораздо более положительное, чем раньше. Stalin заметил, что «у людей много хлеба» (урожай действительно оказался необычайно богатым), но Эйхе ответил, что в некоторых регионах и в прежние годы бывали хорошие урожаи. Тогда Stalin предположил, что «они счастливы, потому что избавляются от вредителей»²⁸. Это предположение довольно верное. Террор, направленный против элиты, пользовался очевидной поддержкой. Тем не менее в ряде случаев народ проявлял враждебность ко всем, кто стоит у власти, включая самого Stalina²⁹.

Народ жаждал суповой кары верхам; об этом свидетельствуют многочисленные жалобы, что в 1934–1935 гг. Zиновьев и Каменев отдалились слишком легко. Люди полагали, что рабочих в такой ситуации наказали бы гораздо строже, а Zиновьева и Каменева пожалели только потому, что они были известными руководителями³⁰. Один солдат в феврале 1935 г., рассказывая в письме родителям о мягких, по его мнению, приговорах (Zиновьеву дали 10 лет заключения, Каменеву — 8, Евдокимову — 5), возмущался, что простому рабочему дают десятку за здорово живешь³¹.

По окончании процесса рабочий задал вопрос, который с развитием террора интересовал все большее число людей: «Почему во всех этих делах виновны лишь учёные, и нет ни одного простого рабочего?» После ареста Енукидзе в середине 1935 г. стали поступать требования проверить всю верхушку, включая членов ЦК, потому что корень проблем в стране находится именно там, а не среди низов³². Они раздавались все громче, по мере того как власти проводили проверку ответственных руководителей страны. На пленуме ЦК в июне 1935 г. Stalin сказал: «Особенно надо иметь в виду, когда так называемые “маленькие люди”, то есть “рядовые” коммунисты и беспартийные, сигнализируют, что дело плохо, чтобы “ответственники” обращали на это дело внимание. Они, “маленькие люди”, больше видят»³³.

В ходе августовского процесса 1936 г. над Zиновьевым и Каменевым высказывались опасения, что их снова отпустят, хотя рабочего человека сажают за любую безделицу³⁴. Люди сомневались, что «террористов» расстреляют: дескать, даже Николаева, который убил Kирова, приговорили к расстрелу лишь на бумаге³⁵. Поэтому известие об

их казни вызвало ликование, ведь властям был нанесен еще один удар. Один крестьянин заметил, что всех партийных руководителей вместе со Сталиным надо расстрелять; его поддержал рабочий, выразивший надежду, что со временем все вожди передушат друг друга, особенно Сталин и Орджоникидзе³⁶. Во время процессов 1936–1938 гг. люди подметили, что на скамье подсудимых находятся в основном евреи, «большие начальники», члены партии и служащие, и делились своим мнением по этому поводу³⁷. Когда проходил процесс над Бухарином и Рыковым, рабочие обнаружили, что все обвиняемые — коммунисты, и один даже спросил, не значит ли это, что всех партийцев следит судить³⁸. Одним словом, все считали, что террор направлен в особенности против вышеперечисленных групп. «Он не член партии и не еврей, за что же его арестовали?» — так обычно реагировали на арест тех, кто не подходил ни под одну из этих категорий³⁹.

Ко времени выборов 1937–1938 гг. основной эффект официальных и неофициальных атак на членов партийно-коммунистической верхушки выразился в том, что люди перестали верить любому представителю властей. Выпадение из номенклатурной обоймы даже «героя» Тухачевского вызвало особенный резонанс. Повсюду люди задавались вопросом: «Кому же теперь верить?» Прежний режим и его слуги были дискредитированы в глазах народных масс. Stalin, Молотов и любой член ЦК мог запросто оказаться «троцкистом» или «вредителем». Как подытожил кто-то: «Сейчас быть у власти означает быть вредителем»⁴⁰. Все считали, что руководство страны коррумпировано, потому что «в верхах нет рабочих»⁴¹. Таким образом, ощущение разделения «мы / они» настолько обострилось, что наметилась тенденция обвинять власти во всех грехах. Колхозник делился своими догадками: «Вот почему в колхозах такая плохая жизнь, это дело рук вредителей, а нам теперь отдуваться. Мы ничего не можем добиться, они вредят, а мы пытаемся своими силами все восстановить»⁴².

Широко распространенное представление о разделении общества на две части — простые люди с одной стороны, представители власти с другой — привело к тому, что по крайней мере часть обычных граждан, которые уже были настроены против властей, считали террор против верхов законным. В известной степени враждебное представление народа о «них» и созданный режимом образ «врага» совпадали. Тем не менее очевидно, что эта враждебность изливалась не только на придуманных режимом врагов, но иногда и на Сталина, его соратников и все партийное руководство. Точно так же некоторые колхозники или рабочие, которых объявили врагами, явно не входили в категорию власть имущих, презираемую простыми людьми. Таким образом, создание образа врага было не односторонним процессом.

Моральная дилемма

Проводя социально-классовые границы, люди часто руководствовались моральными принципами. Исследователи давно подметили важность моральных и религиозных аспектов как источников законности в народной борьбе против властей⁴³. Марк Штайнберг показал, что дореволюционные рабочие русской полиграфической промышленности редко прибегали к марксистским терминам, предпочитая использовать этические критерии для того, чтобы охарактеризовать борьбу, которую они ведут: «Хотя рабочие часто признавали идею непримиримого конфликта между трудом и капиталом, они рассматривали его не как структурный конфликт классовых интересов, а, скорее, как моральную битву, если говорить их словами, добра и зла, света и тьмы, чести и бесчестия»⁴⁴. Как показывает Штайнберг в своем исследовании религиозных представлений в письмах рабочих, этот обычай сохранился и после 1917 г. Идеи страдания, искупления и спасения были рабочим гораздо более понятны, потому что прочувствованы на собственном жизненном опыте, чем термины незнакомого марксистского языка — «капитал», «накопление», «стоимость труда»⁴⁵.

Моральная лексика всегда была частью идеалистического народнического языка. Не стоит забывать и о влиянии церкви; все это вместе оказало сильное влияние на язык, на котором говорили простые рабочие и крестьяне в 1930-х гг. Он был привлекателен как для более образованных людей, так и для тех, кто имел самые общие представления о добре и зле. Он возник благодаря обычаям приписывать положительные моральные характеристики «народу» и отрицательные — его угнетателям. Народ изображался, разумеется, честным, беззащитным, искренним и невинным. Власть имущие, напротив, бесчестными, грешниками, кровопийцами, палачами и убийцами. Они по определению были виноваты во всем. Их отношения с народом строились на обмане, насмешках и издевательстве. Важное различие между двумя группами заключалось в том, что народ трудился, тогда как «они» безнравственно жили за его счет. Труд сам по себе рассматривался как критерий добра. Труд приносил страдание, а страдание, по самой своей сути, считалось благородным.

Честность труда контрастировала с безнравственностью тех, кто принадлежал к правящей элите и совершил бесчестные поступки или развернулся после того, как обретал власть. В своей наиболее идеалистической форме это представление основывалось на народной вере, что правда есть только в народе. Наиболее ярко это выражено в анонимном письме, посланном начальному Ленинградского отдела НКВД после смерти Кирова, в котором правительство

критиковалось за то, что не знает настоящих чувств народа, скрывающихся за мирным фасадом, не слышит истинной *народной правды*, которую не может уничтожить никакая советская «правда»⁴⁶. Стереотип о прирожденной честности народа и соответственно бесчестности властей делал простых людей восприимчивыми к официальной демагогии властей насчет вредителей и саботажа среди партийно-советской номенклатуры. Символичны слова рабочего Кузнецова, который заявил, что не доверяет ВКП(б) — там все вредители. Он верит лишь в рабочего, который работает на производстве, а среди коммунистов честных людей нет: они сидят на собраниях в своем узком кругу и не докладывают рабочим, чем занимаются⁴⁷. Руководители страны постоянно изображались обманщиками, которые нарушают свои обещания, пудрят людям мозги, говорят одно, а делают другое. Это особенно глубоко чувствовалось в период, когда газеты пестрели статьями о счастье и процветании, резко контрастирующими с реалиями повседневной жизни. Везде говорится об успехах советской власти, но это сплошное вранье, возмущался «честный рабочий» с завода им. Самойлова. Газеты не хотят писать о действительном положении вещей. Он сам — наглядный пример того, что советская власть дала рабочим за последние двадцать лет: носит рваную одежду, а четверо его детей ходят в школу полуголодными, в лохмотьях⁴⁸.

«Жульничество» и «предательство» были одними из самых распространенных слов в тот период. Конституция — жульничество, выборы — тоже, правительенная экономическая политика — обман. Враги народа обманули людей, предали их доверие. В 1935 г. рабочие Кировского завода написали Жданову длинное письмо, полное негодящих жалоб на режим: «Время уважения к большевикам прошло, потому что они предатели и угнетатели всего народа, за исключением их опричников». Отмену карточной системы они назвали «подлым жульничеством Молотова», учитывая, что власти были хорошо осведомлены об условиях жизни рабочих, особенно семейных, и столько кричали в печати о детях, якобы жалея их. По поводу внимания, проявленного партией к молодежи в середине 1935 г., они писали, что негоже так бесстыдно обманывать молодежь и воспитывать из нее главный резерв и помощников «изменнической» партии⁴⁹.

Рефрен «вы нас обманываете» звучал постоянно⁵⁰. Обман народа представлялся типичным для любой власти: «Царское правительство обманывало народ, и советская власть тоже обманывает». Считалось, что народ наивен и доверчив по натуре, поэтому его легко надуть, обвести вокруг пальца⁵¹.

Моральное различие между честным народом и бесчестными вождями часто основывалось на том факте, что простые люди, в отличие от их правителей, действительно трудились. Имелось в виду, что тя-

желый труд сам по себе является искуплением, что страдание — благо, и поэтому руководители государства, которые ничего не производят своими руками, становятся развращенными и бесчестными. Люди считали своих правителей моральными вырожденцами — они ленивы, толсты, пьют кровь трудового народа, трусливы, вороваты. Праздность рассматривалась как грех, а власть имущие по-настоящему не работали, а только сидели в своих кабинетах и писали законы. Говорили, что «партийцы руководят, а беспартийные работают»⁵². Иногда этим высказываниям придавалась националистическая окраска. Грузин и евреев изображали лодырями, живущими за счет русских⁵³.

Прославляемый принцип новой Конституции «кто не работает, тот не ест» простые люди иронически переиначивали, утверждая, что, наоборот, «кто работает, тот не ест, а кто не работает [т. е. стоит у власти] — ест»⁵⁴. Жадность властителей не вызывала сомнений: стоит только взглянуть на военных, на ответственных работников, на сотрудников НКВД — все живут хорошо, только толстеют. Глядя на тело Кирова, люди отмечали: вон какой толстый лежит, уж наверно получал не такую зарплату, как рабочие⁵⁵. Приписывание «им» греха жадности было одним из способов констатации того факта, что сами простые люди голодают, голод отождествлялся с нравственной добродетелью. Сознание моральной правды присутствует и в письме домохозяек в Ленсовет в 1936 г. Среди прочего они требовали сократить на 80 % торговлю водкой в буфетах, продавать вместо нее чай и кофе, поскольку то и дело видели, как ответственные работники с портфелями ждут, когда в 8 часов утра откроется буфет, продающий водку и пиво; служащие выпивают несколько кружек пива и идут на работу. «Разве это нормально?» — возмущались домохозяйки⁵⁶.

Раз партийные руководители сами не работали, очевидно, что они жили за счет других. Ощущение эксплуатации часто выражалось путем использования понятия воровства. Вместо того чтобы работать, «они» обирают рабочих с помощью займов и другими способами. Крестьяне особенно остро чувствовали, что у отнимают принадлежащее им по праву, плоды их трудов: «Советская власть грабит крестьян, забирает все, а самих людей обрекает на голод. Так социализм не построишь». Другие национальности, кроме русских, считались прирожденными ворами, люди говорили, что в руководстве ни одного порядочного человека нет — одни «жиды, армяне и прочие жулики»⁵⁷.

В противоположность власть имущим трудящиеся представлялись по определению хорошими и свободными от грехов. Идея искупительного страдания составляла непременный аспект нравственного превосходства рабочего. Он страдал, потому что труд его был непосилен, а жизнь трудна. В противоположность официальной

доктрине, что труд в СССР созидательный, радостный и свободный, множество людей продолжали рассматривать труд как проклятие, которое надо терпеть, а не радоваться ему. Автор письма Жданову в 1935 г. подписался «Страдалец за правду», рисуя свою жизнь бедного ленинградского рабочего, унылый, изнурительный рабочий день на заводе, сидение на хлебе и воде, которые он только и мог себе позволить. Среди рабочих, по его словам, живые начали завидовать мертвым, поскольку те уже отмучились⁵⁸.

Идея страданий часто выражалась такими словами, как «пытка» и «кровь», — о руководителях страны говорили, что они «пьют кровь» рабочих. В письме рабочие Кировского завода почти точно повторили вышеприведенный оборот: «Вы заняли свои посты и хвастаетесь своими достижениями, но все это куплено кровью и потом русских людей». Вообще, существовала общая тенденция отождествлять страдания и терпение с «русскостью»⁵⁹.

Последний аспект моральной дилеммы, который следует рассмотреть, это мнение, что власти всегда относились с презрением к простым людям. Как указывает Штайнберг, некоторые рабочие твердо верили в достоинство и равенство всех людей⁶⁰. Эта вера породила особый язык, с помощью которого люди протестовали против поведения верхов. Миллионы петиций, посланных высшим партийным руководителям, были полны жалоб на грубость, бесцеремонность, оскорбительное поведение отдельных ответственных работников. Комментарии и письма также свидетельствуют, что издевательства считались морально неприемлемыми. Автор одного письма в Ленгорисполком, написанного вскоре после отмены хлебных карточек, снова и снова повторяет, что рабочий класс «оскорбляют», над ним «насмехаются», «издеваются» и «держат его в рабстве»⁶¹. Другое анонимное письмо Жданову в конце 1935 г. вторит ему: «Хватит смеяться над рабочими, хватит морить их голодом, хватит дразнить их, как собак, они и так страдают, наши враги — это аристократы, которые вредят рабочему классу»⁶². Этот протест против отношения к людям, как к собакам, всплыл также в письме 1940 г., где автор, вспоминая, как при Екатерине II помещики меняли своих крепостных на собак, негодовал, что теперь советские директора продают рабочих друг другу за выпивкой в ресторанах⁶³.

В основе многих представлений о моральной дилемме часто лежали вопросы социального расслоения общества в политическом и экономическом плане. Тем не менее моральный аспект нельзя недооценивать. Моральное различие между «нами» и «ними», между добром и злом имело для многих простых людей столь же важное значение, как и более очевидное политическое и материальное нера-

венство. Именно поэтому власти в 1937 г. изображали «врагов народа» воплощением зла, акцентируя внимание на их моральном разложении. Риттерспорн вслед за Моше Левином считает, что «заговоры» 1930-х гг. являлись «аллегорией неописуемого зла, которое завладело жизнью всех социальных категорий, проекцией смутно враждебного мира существующего режима на конкретные дела и узнаваемых деятелей» и что это отвечало традиционным народным представлениям⁶⁴. В официальной пропаганде критиковалась аморальность не только Троцкого («Иудушки»), но и рядовых коммунистов. Так, в сентябре 1937 г. газета «Правда» вышла с передовицей «Моральный облик большевика», в которой осуждала «буржуазное» поведение некоторых коммунистов и комсомольцев и их неумеренное пьянство⁶⁵. И вновь официальный и народный языки вторили друг другу.

Экономическая дилемма

Люди постоянно говорили о неравенстве в обладании властью, используя политическую и моральную терминологию, но наиболее заметной и ощутимой гранью повседневности была реальность экономического неравенства. Как лаконично выразился один крестьянин: «Говорят, все равны, а на самом деле никто не равен — одни одеты хорошо, другие хуже»⁶⁶. Одна семья получала 150 руб. в месяц, а другая — 3 000 руб.; государство покупало зерно у крестьян по одной цене, а продавало в двадцать раз дороже; руководители государства разъезжали на машинах с личными водителями, а рабочие добирались до завода в битком набитом общественном транспорте, который еще и ходил нечасто, рискуя сесть в тюрьму за опоздание на работу. Все это было наиболее заметными признаками расслоения общества на две основные группы — богатых и бедных. Люди истолковывали это социально-экономическое положение, не оперируя такими понятиями, как средства производства, хотя иногда и использовали марксистскую терминологию — например, слова «эксплуатация» и «капитализм». Однако чаще всего они обращали внимание на неравенство в доходах и на уровень жизни, и в особенности на привилегии. Главное, что они замечали: у руководителей гораздо больше денег и привилегий, чем у простых людей. Из этого следовало, что рабочие и крестьяне эксплуатируются теми, кто стоит у власти.

Данная тема поднималась в письмах рабочих сотни раз. Довольно обстоятельный анализ ситуации приведен в письме одного рабочего с завода им. Ленина, который писал в середине 1934 г., что невозможно ликвидировать классы, раз появились новые, с одной только разницей, что они не называются классами. И теперь, указывал он, есть

паразиты, которые живут за счет других. Рабочий работает не только сам на себя, но еще и на них. На его заводе огромный аппарат административных работников, которые без всякой пользы занимают свои места, разъезжают на машинах и получают за это в три или четыре раза больше обычного рабочего. Эти люди живут в лучших условиях за счет труда рабочего класса⁶⁷.

Такие мысли были очень распространены в 1934–1941 гг., когда произошел поворот к рынку, который привел к еще большему разрыву в доходах людей. На XVII съезде партии Сталин раскритиковал уравниловку, однако люди продолжали на ней настаивать. Говоря о съезде, один уборщик констатировал: речи хорошие, а хлеба нет; на заводе закрытая столовая для самой белой кости, еще одна столовая для белой кости поплоше, и у черной кости (рабочих) есть своя столовая, только без продуктов. Но ведь все работники должны питаться одинаково⁶⁸. В просьбе об улучшении качества детского питания, поступившей в Ленсовет, в частности, говорилось: «Не открывайте хорошие столовые, предназначенные лишь для инженерно-технических работников. Все имеют право на качественную пищу»⁶⁹. С отменой карточной системы, казалось, пришел конец особенно уважительному отношению к рабочим. Это породило множество толков, что продукты по новым ценам будут доступны лишь кустарям и частникам, служащим, «белогвардейцам», «сталинским ударникам и красным партизанам», «ученым», «кулакам и буржуазии», «чуждым элементам»⁷⁰. Среди женщин бытовали опасения, что высокооплачиваемые инженерно-технические работники смогут все скупить в магазинах и ничего не оставят другим. Интересно, что на отмену карточной системы смотрели похожим образом и многие академики, включая востоковеда Крачковского, который трактовал отмену карточек на мясо, рыбу и другие продукты как возвращение к новой классовой системе: «Этот закон, как все последние мероприятия, пойдет на пользу, главным образом, высокооплачиваемой категории населения. Для тех, кто получает 1 000–1 500 руб. в месяц упразднение карточной системы очень важно. Для средних советских граждан, в особенности молодых ученых, закон не имеет смысла. Тот паек, что будет все же выдаваться, даже голодных не накормит. Одним словом, сколько бы мы ни кричали о социализме, на самом деле мы движемся к новой классовой системе»⁷¹.

Все думали, что элита принимает решения в своих собственных экономических интересах, а не в интересах рабочих и крестьян. Отмену карточной системы многие рабочие объясняли следующим образом: «Власть видит, что люди начали жить лишь за счет продуктов, выдаваемых по карточкам, и никто не покупает хлеб по высокой цене,

прибыли нет, поэтому им приходится продавать хлеб не по карточкам, потому что это будет более выгодно. Власти заботятся лишь о своей прибыли и не хотят беспокоиться о людях». Такую же реакцию вызывал в тот период рост цен на все товары — это, должно быть, выгодно для «новых капиталистов», ответственных работников, коммунистов и т. д. Даже понижение цен считалось, как выразился один рабочий, «фикцией, проводимой в интересах высших классов». Решения в области труда, например развертывание стахановского движения или законы 1938 и 1940 гг., также рассматривались как способы получения новой прибыли от труда рабочего класса в интересах правящей элиты. Одно из типичных высказываний: «Стахановское движение придумано нашими правителями для того, чтобы выжить последние соки из трудящихся»⁷².

Стахановское движение сопровождалось пропагандой потребления и породило новый раскол в обществе⁷³. Оно сделало растущее экономическое неравенство совершенно очевидным для низов. Экономическое неравенство между элитой и народом стало главным вопросом, адресованным пропагандистам Западной Сибири в 1936 г.⁷⁴ Привилегированный образ жизни элиты был одним из самых очевидных знаков социальной несправедливости, двухъярусной системы. Символами его служили курорты, автомобили, прислуга, специальные закрытые магазины, квартиры, одежда. У простых людей все это видимое богатство обычно ассоциировалось с врагами, то есть с теми, кто находится у власти. На собрании на заводе «Красный птиловец» рабочий жаловался, что путевки на курорты и в дома отдыха выдаются чуждым людям: адвокатам, служащим, путешествующим вместе с женами, и нет там места рабочему человеку. На другом собрании на заводе им. Мюнценберга звучали похожие жалобы⁷⁵.

В книге «Преданная революция» Троцкий утверждает, что использование автомобилей меньшинством навсегда делит общество на «классы»: «В варварском обществе конный и пеший составляли два класса. Автомобиль не меньше дифференцирует общество, чем лошадь под седлом. Пока скромный “форд” остается привилегией меньшинства, налицо остаются все отношения и навыки,ственные буржуазному обществу»⁷⁶. Как указывает Фишпатрик, автомобиль в тот период был важнейшим советским статусным символом⁷⁷. Поэтому неудивительно, что многочисленные жалобы были направлены против тех, кто пользовался автомобилями. И снова люди намекали, что те, кто разъезжает на автомобиле, — враги. После падения Енукидзе один шофер сказал: «Сколько ж подобных ему людей в Ленинграде. Они отправляются к себе на дачу по выходным на автомобилях, купленных на народные деньги, тратят бензин, в котором у

нас острая нужда». Некоторые люди считали, что это новое явление свидетельствует о распространении ценностных категорий, типичных для среднего класса: «В нашей стране появилась новая буржуазия, они разъезжают на автомобилях, расхаживают по магазинам и отращивают себе животы»; «Советская власть плохая, потому что вырастила много советских буржуев, например... секретаря РК ВКП(б) Осипа. Он разъезжает на машинах, тогда как колхозники не могут себе этого позволить»⁷⁸.

Особенно осыпали бранью магазины Торгсина, в которых в 1930–1936 гг. продавались товары за золото и твердую валюту. На самом деле, как показывает Осокина, роскошный, процветающий Торгсин, столь незабываемо описанный Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита», был чем-то вроде легенды⁷⁹. Во многих случаях качество и количество товаров, которые там продавались, не соответствовали требованиям, а обслуживание покупателей оставляло желать лучшего, хотя Ленинград, вероятно, мог похвастаться более презентабельными магазинами Торгсина, чем большинство других мест. Тем не менее реальное значение Торгсина было скорее символическим, он наглядно демонстрировал несправедливость системы. В шутках и прокламациях, в которых символически и гипертрофированно изображались происходящие перемены, часто всплывал и символ Торгсина. В одной прокламации 1934 г. было написано: «Товарищи! Объединяйтесь. Россия погибает. Сталин измывается над людьми. Торгсин обслуживает русских дворян, которые служили императору Николаю»⁸⁰. Аббревиатуру «Торгсин» расшифровывали как «Товарищи, опомнитесь, Россия гибнет, Сталин истребляет народ»⁸¹. Вскоре после отмены карточной системы в народе появилась шутка, что существует четыре категории населения: «торгсияне», «краснозвездяне», «зээркане» и «кое-кане» (то есть клиенты Торгсина, обитатели Кремля, клиенты закрытых рабочих кооперативов – ЗРК и люди, которые отовариваются «кое-как»)⁸². Люди высказывались в пользу закрытия этих магазинов. В 1935 г. Жданов получил письмо с такими требованиями. Оно было написано анонимно группой рабочих с завода им. Кирова. Из этого письма становится ясно, как рабочие ассоциировали классы с привилегиями. На всех митингах, писали они, говорят о бесклассовом обществе, но на деле все выглядят совсем не так; есть горстка людей, которые живут, забыв о коммунизме. Пора перестать подкармливать ответственных работников и закрыть советские Торгсины, потому что это позор, когда ответственный работник, получающий 600–750 руб. в месяц, берет масло в этом магазине по 7 руб. за килограмм, причем может брать 4 килограмма в месяц, а рабочий на свои копейки покупает масло по 27 руб. за килограмм.

Вообще стыдно, возмущались авторы письма, иметь такие магазины, ведь это просто разбазаривание народных средств, потому что там все продукты получают практически задаром. Ответственные работники дорого обходятся государству: им дают дачи, даже если у них нет детей, они ездят на курорты, имеют другие привилегии. Если так будет и дальше продолжаться, заключали рабочие, то до бесклассового общества придется долго идти⁸³.

Есть множество других документов подобного рода, где представителей власти ругают за экономические привилегии, но одно письмо выделяется из общей массы; оно написано группой низкооплачиваемых домработниц. На их примере наиболее заметна разница в жизненном уровне бедных и богатых в тот период. Домработницы рассказывают, что зарабатывают примерно 125 руб. в месяц, работая по 14 часов в день на служащих (врачей, инженеров, директоров), получающих за свое безделье в четыре, а то и вдвадцать раз больше, имеющих бесплатные служебные автомобили, путевки на курорты и комфортабельные квартиры. Они открыто заявляют, что обслуживающий персонал чувствует себя низами, и жалуются, что пресса игнорирует их, а по словам «ответственных» работников, никаких низов, оказывается, нет, а есть «низкооплачиваемые группы людей»⁸⁴.

Авторы этого письма непосредственно наблюдали образ жизни привилегированной новой элиты, но и многие другие разделяли их взгляды и безапелляционно называли врагами всех, кто наслаждался жизнью, открыто купаясь в богатстве. Террор рассматривался некоторыми из них как наступление на обладателей экономических привилегий. Выселение «бывших» и прочих нежелательных элементов из Ленинграда в 1935 г. вызвало следующую реакцию: «Наконец-то всех паразитов выселят из Ленинграда, и у рабочего класса за их счет, по крайней мере, улучшатся жилищные условия»⁸⁵. Эта мысль прослеживается и при сравнении критических замечаний рабочих в 1937 г. с официальными обвинениями, выдвинутыми против «врагов»: в обоих случаях элите вменяются в вину материальные излишества. Однако жалобы людей были более резкими и содержали более общие претензии, например по поводу низкого уровня жизни и государственных займов. Рабочие говорили агитаторам: «Вот вы говорите, что жизнь стала лучше; а в нашем общежитии печи не топятся уже три дня, нет еды и белья. В администрации артели говорят, что нету денег, хотя истратили 15 000–20 000 руб. на ремонт одного только кабинета председателя». Подобным же образом старые кадровые рабочие и коммунисты с завода им. Кирова жаловались во время кампании госзайма, что на квартиры руководства тратится слишком много денег. Один сказал, что «агитируют за заем те люди, которые тратят

по 20 000 руб. на ремонт своей квартиры, как это делает, например, глава фабричного комитета Подрезов»⁸⁶. Фицпатрик цитирует некоторые официальные обвинения, выдвинутые, к примеру, против директора издательства «Молодая гвардия», который «бесстыдно обворовал государство»: «В тех домах, что строило издательство, были оборудованы роскошные апартаменты для Лещинцера. Для этой квартиры была куплена мебель из карельской березы. Он — буржуазный перерожденец»⁸⁷. Эти слова вторили высказываниям простых людей, с той лишь разницей, что последние склонялись к обвинению всего режима, а не только отдельных личностей. Как объяснял один рабочий-партиец в письме Сталину в 1937 г., логика крестьянина очень проста. Для него все руководители — полномочные представители режима, и потому он считает, что режим ответственен за все его несчастья. А положение колхозников таково, что они мысленно посыпают всех к черту⁸⁸.

Несмотря на официальные заявления о построении социалистического общества без антагонистических классов, простые люди по-прежнему видели его разделенным на два лагеря — на тех, кто владеет властью, и тех, кто не владеет. Для этих людей мечта о социализме осталась далеко позади. Один человек написал оратору на предвыборном митинге в конце 1934 г., что бесклассовое социалистическое общество — вранье, он и его товарищи — люди подневольные, голодные и холодные⁸⁹. Аржиловский записывает в своем дневнике похожие мысли: «Я все больше и больше убеждаюсь, что нет такого понятия, как социализм; есть аристократы, бюрократы и люди, вроде меня, которые выполняют грязную работу»⁹⁰. Рабочий-металлист отказывался от утопического идеала коммунизма. Разница между людьми, занимающими разные должности, говорил он, никогда не будет уничтожена, инженер никогда не согласится носить ту же робу, что и рабочий. По его мнению, советских людей в будущем вместо коммунизма ожидал государственный капитализм⁹¹.

Люди чувствовали свою обособленность от элиты по политическим, экономическим и нравственным причинам. Это разделение выражалось частично с помощью традиционных концепций социальной справедливости, а также идей Маркса и Ленина. Террор 1937 г. позволил людям утолить жажду мести, по крайней мере в отношении некоторых представителей власти. Ненадолго образы врага, нарисованные властями и созданные народом, частично совпали. Однако к началу 1938 г. террор, проводящийся якобы в интересах народа, пошел на убыль, упор теперь делался на стабильности кадров⁹². В 1938 г. начался новый курс, направленный на умиротворение и возвышение интеллигенции. Символом этого курса стала Сталинская премия в

несколько тысяч рублей. Впервые ее выплатили в марте 1941 г. за достижения в области науки, техники, искусства и литературы, что дало рабочим повод для следующих комментариев: «Мы согласны, что они заслужили премию, но зачем им давать такие большие деньги, если они и без того богаты? Мы сами себе создаем капиталистический класс, живущий на проценты, и все эти миллионы выжмут из нас, рабочих, с помощью государственных займов»⁹³. Такое чествование интеллигенции в трудный период 1938–1941 гг., когда для рабочих и крестьян ввели новые суровые законы, явно не способствовало исчезновению социальной поляризации. Возможно, лишь появление нового образа врага в 1941 г., на этот раз настоящего, внешнего — фашистской Германии, позволило недовольным низам почувствовать себя частью «единого народа».

Часть III. КУЛЬТ ВОЖДЯ

Глава 9. Культ вождя в официальном дискурсе

Низкопоклонство перед Сталиным, многими его соратниками и просто перед видными фигурами все уровней советского общества было одним из самых поразительных аспектов сталинской пропаганды. Этот «культ личности» особенно проявился в 1933–1934 гг., создавая драматический контраст с прежним почитанием анонимных масс, классов и партии. Сталинский культ стал кульминацией всех прочих культов. В данной главе будет сделан обзор эволюции культа вождя в пропаганде указанного периода и исследованы главные характеристики культа как «официальной культуры». Основное внимание будет уделяться культу Сталина, поскольку культуры других вождей складывались по тому же образцу, но не так ярко проявлялись¹.

Эволюция культа

Пропаганда культа Сталина была динамичным явлением. Она начала потихоньку развиваться в 1929 г., достигнув гигантских масштабов к концу 1940-х гг. Однако главные характеристики культа сформировались в период с 1934 по 1941 г. В это время интенсивность и сила культа заметно менялись в соответствии с нуждами властей.

Хотя начало публичного проявления культа Сталина датируется празднованием пятидесятилетия генсека в декабре 1929 г., когда соратники выступили с многочисленными пламенными славословиями в его честь, это было исключением из правила. В тот период славили в основном безымянное коллективное руководство страны. В печатных изданиях появлялось немного словесных портретов лидеров. Как указывает Хайцер, в 1929 г. Stalin изображался как «человек с железной волей, холодный, недоступный и безжалостный»². Его личность была вторична по отношению к его роли в стране. В статье Кольцова «Загадка-Сталин» очень хорошо это показано: «Сталина нельзя понять без его окружения, без класса и партии, его

выдвинувших, без сочетания задач и целей, за которые они все вместе борются»³.

Примерно с 1930 г. низкопоклонство перед вождем стремительно росло; однако оно все еще было скромным в сравнении с теми масштабами, которые приобрело позднее. В плакатах этого периода прослеживается тенденция не уделять много внимания вождям, а если оно все-таки уделялось, то обращалось на членов Политбюро. До 1933 г. Сталин рассматривался как безусловный партийный лидер, но без каких-то особых титулов. Он являлся лишь первым среди равных, и роль его отмечалась так: «под руководством партии большевиков и ее вождя товарища Сталина»⁴. Тем не менее в 1929–1933 гг. был заложен фундамент для дальнейшего развития культа⁵.

Он начал расцветать в середине 1933 г. — в это время генсека порой уже именовали «любимым Сталиным». Тогда же художник Герасимов написал знаменитый портрет Сталина на XVI съезде партии. Вскоре портреты Сталина и других вождей стали печататься в промышленных масштабах. На XVII съезде в январе 1934 г. имела место настоящая вспышка культа личности. В начале года, накануне съезда, в партийных рядах заговорили об исторической роли и миссии Сталина. Начало этому положила хвалебная статья Радека «Архитектор социалистического общества». На Московской партийной конференции Каганович сказал: «Роль товарища Сталина еще ждет широкой и глубокой оценки. Мы не только знаем об этой его роли, но чувствуем ее, она в нашем сердце и в душе». В Грузии Берия рассказал членам местной партийной организации, что будет учрежден институт Сталина для «отображения реальной картины гигантской роли Сталина в нашем революционном движении». На съезде льстивые речи в честь вождя произносили даже его оппоненты, и это стало поворотным пунктом во взглядах людей на Сталина. Эмигрантский журнал «Социалистический вестник» писал в феврале, что «за последнее время произошел несомненный перелом в отношении к Сталину»⁶.

После съезда ясно наметились основные характеристики культа. Гилл определяет их следующим образом: во-первых, подчеркивалась связь Сталина с Лениным; во-вторых, достижения в любых сферах жизни непременно связывались с именем Сталина; в-третьих, всем предписывалось изучать его литературные труды; наконец, в-четвертых, прокламировалась его связь с народом⁷. Газеты без конца цитировали Сталина. Генсек, прежде бывший почти затворником, теперь стал чаще появляться на публике. Например, широкую известность приобрела его встреча с экипажем ледокола «Челюскин» и пилотами, которые принимали участие в его героическом спасении, когда «Челюскин» затонул весной 1934 г. Популяризация личности Сталина сопровождалась публикациями идеализирующих его био-

графических материалов (часто фальшивых), призванных показать, как он достиг величия, несмотря на скромное происхождение⁸. Однако в 1934 г. его все еще изображали вождем партии и пролетариата.

Смерть Кирова послужила еще одним поворотным моментом в интерпретации образа Сталина. Во-первых, последовал запрет на негативное изображение вождя, а во-вторых, усилилась популяризация образа Сталина и его соратников, которые были представлены «вождями народа». 5 февраля 1935 г. исключили из партии члена одного обкома, вспомнившего в своем выступлении нелестную характеристику Сталина в ленинском «завещании»⁹. Начиная с 1935 г. в обращениях к Сталину в обязательном порядке следовало употреблять самые велеречивые обороты. Молодой писатель А. Авдеенко описал, как на деле проводился этот новый тщательно спланированный курс. Вскоре после своего выступления перед интеллигенцией в Свердловске он беседовал с Мехлисом, одним из главных создателей сталинского культа. Авдеенко закончил выступление словами «спасибо тебе, советская власть». Мехлис похвалил его речь, но посоветовал не отделять советскую власть от Сталина, объяснив, что «советская власть — это прежде всего сам Stalin. Мы должны благодарить его в особенности за все хорошее, что было и что еще будет достигнуто нашей страной»¹⁰.

Средства массовой информации задавали общую направленность этому почитанию, все активней восхваляя сталинский гений, мудрость и пророческие способности. Однако при таком типе низкопоклонства всегда существовала опасность отчуждения от народа. Так же было и в Германии, когда создатели культа Гитлера осознали, что «восхваление гитлеровской многосторонней “гениальной” натур... может грозить умалением “человеческих качеств” “народного канцлера”». Поэтому Геббельс одновременно попытался создать образ простого лидера, тесно связанного с народом¹¹. В Советском Союзе так же намеренно начали культивировать более «народный» образ Сталина. Новым имиджем наделили не только самого Сталина, но и всех остальных вождей, стараясь продемонстрировать, что они близки к народу, насколько это возможно. Очевидная смена тона видна в информсводке Угарова (второго секретаря Ленинградского обкома) по поводу подготовки ко Дню Конституции 6 июля 1935 г.: «Этот праздник должен быть организован совершенно иным способом, не жели в предшествующие годы. Политические разъяснения должны быть организованы таким образом, чтобы люди почувствовали, будто это сами *советские руководители приходят к ним* [курсив мой] и рассказывают о достижениях советской демократии»¹².

Новый подход к культуре личности стал широко использоваться в пропаганде. В частности, это выражалось в форме встреч Сталина

с народом в Кремле на торжественных мероприятиях. Стахановцы, делегации из союзных республик и жены командиров Красной армии приезжали со всех краев СССР, чтобы принять участие в этих празднествах. Это были театрализованные представления, во время которых появление Сталина и его обращение с приветственными словами к собравшимся вызывали взрывы энтузиазма и нескончаемые аплодисменты. Встречи широко освещались в прессе, часто печатались рассказы о личных переживаниях их участников, от которых требовалось выразить чувства благоговения и потрясения от своего пребывания рядом с вождями.

С 1935 г. также берет начало практика визуального отображения близости Сталина к народу. Самые известные фотографы того времени запечатлели, как он крепко обнимал 12-летнюю таджикскую девочку и беседовал со стахановкой Марией Демченко¹³. Это была часть стратегии, показывающей вождей защитниками слабых (возможно, неслучайно, что на обеих фотографиях фигурируют женщины). В том же году Stalin, утверждаясь в роли заботливого отца, обратил свое внимание на «маленьких людей». Конкретно это произошло 4 мая, когда он заявил, что кадры надо беречь и руководители должны уделять внимание всем работникам, как занимающим важные должности, так и рядовым¹⁴. В последующие годы эта тема приобретет еще большую значимость, хотя подобный образ «отца семейства» неизбежно конкурировал со «сверхчеловеческими», харизматическими чертами вождя.

В 1936–1937 гг. культ достиг своего апогея. Один доклад местной партийной организации о попаганде культа в августе 1936 г. ярко рисует приобретенный ею экстремизм: «Во время агитации и пропаганды в печати надо больше популяризировать вождей, а любовь к ним должна быть взлелеяна и внедрена в массы, равно как и безграничная преданность; особенно необходимо возвращать невероятную любовь к товарищу Stalinu и другим руководителям среди детей и молодежи, насаждать советский патриотизм, приводя их к фанатичной любви и готовности защищать товарища Stalinu и нашу социалистическую родину [курсив мой]»¹⁵.

Следуя приказу насаждать «фанатичность», средства массовой информации наделяли Сталина разнообразными эпитетами, привычно свидетельствующими о том, что он «великий вождь», «отец народов», «мудрый кормчий», «гений нашего времени», «титан мировой революции» и т. д. Символический и мифический характер культа становился все более очевидным. В поэмах и фольклоре на языках национальностей, населяющих СССР, Stalin восхвалялся при каждом удобном случае, исторические полотна изображали героическое и по большей части мифическое прошлое великого вождя.

Подчеркивалась роль Сталина как «творца»: его именовали «творцом Конституции», «творцом народного счастья». Как указывает Кларк, его образ был во многом сродни «художнику-пророку»¹⁶. Интересно, что это сравнение можно найти и у Пастернака: наиболее известное его стихотворение в духе культа, опубликованное 1 января 1936 г. в «Известиях», называлось «Художник»; в нем проводилась параллель между ролью поэта и ролью Сталина. Сталина также нередко представляли источником вдохновения для других: «Забота вождя о каждом человеке и его любовь ко всем людям — вот что помогает людям жить и окрыляет их»¹⁷.

Еще один образ — Сталина-героя — возникал в повествованиях о его идеализированном прошлом, где он изображался борцом за революцию, с безграничной отвагой преодолевающим огромные трудности. Такая мешанина идей культа, очевидно, объясняется попытками поместить его в русло традиционных фольклорных сказаний. Stalin, иногда вместе с другими своими соратниками, наделялся чертами героя русских былин, богатыря: «Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Калинин и другие — друзья, товарищи по оружию, ученики великого Ленина, могучая дружина богатырей коммунизма: они неотлучно стоят на капитанском мостике великого советского корабля, следящего верным курсом»¹⁸.

Пропаганда никогда не сравнивала Сталина с богом, но, тем не менее, приписывала ему определенные божественные качества. В частности, его часто называли «солнцем», особенно в культовом фольклоре¹⁹. Его образ «творца» также подразумевал божественную сущность. Вошло в обычай благодарить Сталина за жизнь, как бога: «Ты создал нашу жизнь — / Мы живем счастливо... / О, спасибо тебе, Stalin, / За такую жизнь!»²⁰ Иногда о нем писали чуть ли не как о Христе, как свидетельствуют слова его биографа Барбюса, напечатанные в «Правде» и использованные в предвыборной кампании 1937 г.: «Вы не знаете его, но он знает вас. Он думает о вас. Кто бы вы ни были, вы нуждаетесь в таком друге»²¹. Всеведущий, всевидящий отец Stalin изображен в стихах Лебедева-Кумача того же времени:

И так повсюду. В цехах, в зобоях,
В Армии Красной, в детском саду
Смотрит он...
Глядишь на портрет — и будто он знает
Работу твою и кладет на весы:
Плохо работал — он брови сдвигает,
А хорошо — улыбнется в усы²².

Представление о божественной, сверхчеловеческой природе Stalin отражено в визуальных формах пропаганды, где он предстает

гигантом, довлеющим над толпами маленьких фигурок людей, смотрящих на него снизу вверх.

В 1937 г., в связи с двадцатой годовщиной революции, отношения Сталина с Лениным стали подаваться в новом свете: теперь оба вождя изображались равными фигурами, играющими одинаково важную роль. В речи Молотова, посвященной празднованию, особо подчеркивалась личность Сталина как воплощение «морально-политического единства народа». Таким образом, генсек превратился в символ нации²³. Ассоциация патриотических чувств со Сталиным становилась все более важной чертой его культа в предвоенные годы.

В течение 1938 г. история, наконец, была полностью переписана, что нашло свое отражение в публикации и пропаганде «Краткого курса истории ВКП(б)», канонического пособия по истории партии, под редакцией Сталина, с «правильным» толкованием единственного верного взгляда на прошлое как партии, так и всей страны. Однако, несмотря на торжественное празднование 60-летия Сталина в 1939 г., в период с 1939 по 1941 г. культ личности слегка пошел на спад. Сталин отошел на второй план, а Молотов выдвинулся на первый²⁴. Этот факт был подчеркнут в 1940 г. на праздновании дня рождения генсека, когда его называли «крупнейшим деятелем партии»²⁵.

Культ как «официальная культура»

Весь феномен культа демонстрирует множество черт, типичных для гегемонной культуры в авторитарном обществе, как их описывает Бахтин: серьезность, аскетизм, иерархичность, ощущение собственной вечности²⁶. Особенно заметна серьезность культа, его сакральный характер. Бахтин пишет: «Серьезность в классовой культуре официальна, авторитарна, сочетается с насилием, запретами, ограничениями. В такой серьезности всегда есть элемент страха и устрашения»²⁷. Над сакральным нельзя шутить, поэтому смех над вождями рассматривался как контрреволюционное выступление. В одном партийном отчете говорилось: «Анекдоты о вождях могут постепенно притупить революционную бдительность, если к ним относиться с сочувствием. Рассказчиком анекдотов может оказаться меньшевик, троцкист, классовый враг»²⁸.

Официальный сатирический журнал «Крокодил» никогда не позволял себе шуток про вождей. В тех редких случаях, когда высшие руководители появлялись на его страницах, шутили над кем-нибудь еще, а не над ними. Например, в декабре 1934 г. журнал напечатал фотографию смеющегося Кагановича под полушутиливым заголовком: «Самый активный прораб московского строительства... На страницы “Крокодила” заглянул, чтобы высмеять тех, кто не верит в превраще-

ние Москвы в образцовую социалистическую столицу»²⁹. Сатира на лидеров была запрещена, и, когда в январе 1935 г. выяснилось, что П. Корнилов использовал карикатуры 1917 г. на Ленина в качестве наглядного материала на своей лекции в Академии художеств, органами НКВД и обкомом это рассматривалось как дело первостепенной важности³⁰. У газет возникали проблемы, если их передовицы имели двусмысленное заглавие с возможным комическим подтекстом, например: «Справились без товарища Сталина». Особенно тяжко приходилось, если тот или иной вождь имел достаточно распространенную фамилию, в связи с чем могли появиться заголовки вроде «Троцкист Хрущев исключен из партии»; «Призовите Ворошилова к порядку и научите его работать»³¹.

Важной стороной культа являлся полный запрет на освещение личной жизни лидеров, или, как называет ее Бахтин, «материально-телесное начало»³². Из-за харизматической таинственности их работы вождей следовало изображать людьми исключительными, стоящими выше повседневности, в которой человек ест, пьет, имеет семью. У этих людей, преданных партии и советскому государству, частная, «человеческая» сторона жизни была сведена до минимума. Иногда в прессе появлялись фотографии Сталина на отдыхе с дочкой Светланой, но они сразу же бросались в глаза по причине своей редкости³³. И наоборот, публичные «человеческие» аспекты личности вождя усердно пропагандировалось, например, Сталин постоянно изображался «отцом своего народа»³⁴.

Культ базировался на представлении о непреложном пространственно-временном порядке. В нем преобладали строгие иерархические принципы. Stalin стоял на вершине пирамиды, напоминающей феодальную. 1934–1941 гг. были периодом не только культа его личности, но и культа людей из всех слоев общества – от стахановцев до писателей и летчиков. Культ Сталина представлял собой лишь один аспект всеобщей концентрации внимания на выдающихся и героических личностях³⁵. Ниже культа Сталина существовали другие маленькие культуры партийных вождей, некоторые из них пользовались официальной поддержкой. Соратники Сталина, особенно Ворошилов, регулярно фигурировали в СМИ, в их честь также звучали поэтические дифирамбы. Города, горы, пароходы, одним словом все, чему можно дать название, носили имена членов Политбюро. В некоторых регионах страны почитали собственных, местных начальников: в Ленинграде Кирова или Жданова, в Москве Кагановича³⁶. Язык, с помощью которого славили этих меньших вождей, в точности копировал язык культа Сталина, например, Киров в 1933 г. стал именоваться «любимым» одновременно со Сталиным.

Такой порядок вещей представлялся вечным, постоянным и неизменным. Он был ретроспективен, консервативен, ориентирован на собственную историю и традицию. Он являл собой антитезу революции³⁷. Неожиданная смерть становилась причиной серьезного нарушения этого порядка, поскольку смерть уравнивала всех, ломала иерархию, служила символом перемен. Победить ее можно было только путем спешной ритуализации, когда вождя вносили в иерархический пантеон богоподобных, уже умерших лидеров. Так, Кирова, вождя хоть и важного, но не выдающегося, наделили героическим статусом мученика. В первую годовщину его смерти Сталин послал телеграммы в местные партийные организации, в которых потребовал «показать товарища Кирова одним из величайших руководителей нашей партии, трибуном нашей партии, любимым всеми трудящимися СССР»³⁸. После этого каждый год «кировская годовщина» становилась частью ритуала официальной культуры. Так его смерть парадоксальным образом укрепила пространственно-временной порядок официальной культуры.

В какой степени официальные образы вождя согласовывались с народными представлениями о лидере (или лидерах) страны? В последующих двух главах будет рассмотрено отношение народа к этой пропаганде. В гл. 10 исследуется изображение лидеров в позитивном свете, а в гл. 11 — в более негативном (с точки зрения властей). Официальная пропаганда культа никого не оставила равнодушным. Люди выбирали некоторые ее элементы, отвергая или игнорируя другие; они принимали те ее стороны, которые служили их собственным целям; низводили ее до своего уровня, приводя в соответствие с собственными предубеждениями; искали ее суть, прямо критиковали или подрывали косвенным образом.

Глава 10. Положительное отношение к вождю и культу вождя

Официальная пропаганда культа постоянно видоизменялась и приобретала разнородные, порой противоречивые значения. Поэтому неудивительно, что люди, используя этот дискурс, выбирали разные его элементы соответственно своим проблемам, нуждам и личным взглядам на руководство страны. Последующий анализ основан преимущественно на позитивном образе лидера в письмах людей. Для нашего исследования использованы письма главным образом потому, что они обычно носят более личный характер и меньше подражают пропаганде, чем замечания, воспроизведенные в спецсообщениях о настроениях народа и газетных статьях. Можно выделить три главных типа дискурса: во-первых, вождя представляют как благодетеля нации; во-вторых, вождь позиционируется как защитник народа в «традиционном» понимании; в-третьих, вождь изображается как харизматическая личность. Во многих случаях эти три типа смешиваются, но здесь автор будет их рассматривать по отдельности.

Вождь как благодетель

Отношение к вождю как к благодетелю редко наблюдается среди тех социальных групп, которым главным образом и посвящено данное исследование. Своим благодетелем Сталина считали в основном люди, которые улучшили свой уровень жизни в тот период и отождествляли себя с режимом и проводимой им политикой. В эту группу входили многие стахановцы, некоторые солдаты, представители новой молодой интеллигенции и выдвиженцы, которые прошли по карьерной лестнице и заняли руководящие посты¹. Часто имея низкое социальное происхождение, они добились власти и высокого социального положения и охотно выражали свою благодарность Сталину и одобряли те достижения, к которым пришел СССР под его руководством. Они хорошо владели советским официальным языком. В особенности отличались солдаты, которые прекрасно усвоили новую фразеологию благодаря интенсивной идеологической обработке личного состава Красной армии. Письма солдат, перлюстрированные цензурой, полны выражений благодарности и преданности вождям. Солдаты писали родным и вряд ли учтивали цензуру. В противном случае почти все они употребляли бы одни и те же выражения, а это не так.

Один солдат писал своему брату, тоже солдату, уговаривая его усердно учиться и работать: «Изучай внимательно законы и будь го-

тов применить их в каждодневной жизни, будь безукоризненно дисциплинированным, будь героем. Сражайся за великое дело Ленина-Сталина»². В другом письме выражается удивление по поводу перемен, которые произошли в СССР за последнее время, и делается вывод, что без Сталина, может быть, пришлось бы сейчас кланяться перед чужеземцами, а вместо этого можно гордиться положением своей страны³. Здесь же говорится о «горе», на которую удалось пребыть стольким людям даже с самых низов, — общий иерархический образ (непохожий на те, о которых шла речь в гл. 8), вероятно, типичный в представлениях этой мобильной группы людей. Многих из них прогресс, достигнутый за столь короткий промежуток времени под руководством Сталина, просто ошеломлял. ИндустрIALIZАЦИЯ и КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ дали ощущимые результаты, которые были очевидны для всех и вызывали восхищение. Один солдат писал, что недавно был у себя в колхозе и видел, как быстро все идет вперед и в экономической, и в политической жизни. Он чистосердечно желал всеми силами с честью выполнять задуманное «Владимиром Ильичом и его последователем И. В. Сталиным»⁴.

Сталину были благодарны не только те, кто продвинулся вверх по иерархической лестнице, как, например, солдаты, но также, разумеется, и их родственники, получившие выгоду от этого косвенным путем. Как уже отмечалось, простые люди высоко ценили образование⁵, о чем свидетельствует, например, письмо 1939 г. от 65-летней неграмотной женщины Калинину (написанное ее сыном), в котором она выражала свою признательность за то, что все ее сыновья получили образование и сделали карьеру: «Я хочу выразить свои чувства: я живу очень хорошо и думаю, что буду жить еще лучше. Почему? Потому что живу в эпоху Сталина. Пусть Сталин живет дольше меня!.. Все мои дети уже получили или еще получают образование, спасибо государству, и я бы хотела поблагодарить партию и лично товарища Сталина, так как он, вместе с Лениным, открыл дорогу нам, простым людям... Я, старая женщина, готова умереть за Сталина и за дело большевиков»⁶.

Хотя данное исследование посвящено главным образом простым рабочим и крестьянам, важно отметить, что большое число представителей интеллигенции, в том числе творческой, восхищались Сталиным⁷. Особенно после 1934 г. его воспринимали как примирителя. Многие люди получили непосредственную выгоду от проводимой им политики. Писателям и художникам рукоплескали, их награждали Сталинскими премиями, предоставляли им дачи и другие материальные блага. Остальные считали, что индустриальный прогресс, инициируемый Сталиным, необходим и выгоден для страны, и поддерживали антифашистскую политику СССР (до 1939 г.). Константин

Симонов был одним из таких людей. Его воспоминания о Сталине в эпоху 1930-х гг. написаны в положительном духе. Он задается вопросом: «Что же хорошее было связано для нас, для меня в частности, с именем Сталина в те годы?» И отвечает: «А очень многое, почти все, хотя бы потому, что к тому времени уже почти все в нашем представлении шло от него и покрывалось его именем. Проводимой им неуклонно генеральной линией на индустриализацию страны объяснялось все, что происходило в этой сфере. А происходило, конечно, много удивительных вещей. Страна менялась на глазах... Сметая все с пути индустриализации, Сталин проводил ее железной рукой. Он мало говорил, много делал, много встречался по делам с людьми, редко давал интервью, редко выступал и достиг того, что каждое его слово взвешивалось и ценилось не только у нас, но и во всем мире»⁸.

М. Горький, И. Эренбург, А. Твардовский, А. Авдеенко, И. Бабель, Л. Сейфуллина и множество других писателей заявляли о своей поддержке Сталина⁹. Даже Пастернак, Булгаков и Мандельштам, казалось, восхищались некоторыми аспектами его руководства¹⁰.

Традиционный образ защитника народа

В отличие от вышеперечисленных привилегированных групп, множество простых рабочих и крестьян приветствовали другие стороны официально провозглашенного культа, и в особенности его традиционные патерналистские черты. Представление лидера страны как отца было долгое время частью народного политического дискурса в России. Царь был батюшкой, и крестьяне привыкли обращаться к нему со своими жалобами¹¹. Эта тенденция продолжалась и в советский период, когда простые люди адресовали Ленину, Сталину, Калинину и другим руководителям просьбы о защите, используя при этом патерналистский язык¹².

Факты свидетельствуют, что они применяли его спонтанно. Еще до того, как термин «отец народов» стал официально употребляться в пропаганде культа личности, люди называли Кирова «отцом». Например, некоторые рабочие в связи со смертью Кирова говорили, что они «осиротели». Другие призывали Кирова позаботиться о них. Однажды неких рабочих поселили в новые дома без света и воды. Они написали Кирову, и через два дня он пришел к ним, навестил каждую семью, «как отец», поинтересовался их жизнью, и еще через три дня все у них пришло в норму¹³. В середине 1930-х гг. язык этот стал неотъемлемой частью пропаганды, но некоторая стихийность в его использовании, по-видимому, наблюдалась и в дальнейшем. Люди обращались к Сталину и другим лидерам, называя их «дядя» или «батюшка», то есть используя термины, которые никогда официаль-

но не употреблялись. Так, когда в 1940 г. закрывали одну церковь, со- бралась группа женщин, кричавших, что пойдут к батюшке Сталину, который позволит им сохранить церковь, а все, что здесь творится, происходит по произволу местного советского начальства¹⁴.

Этот пример показывает, как простые люди обосновывали свои обращения в высшие инстанции не только с помощью слов, которые используют дети по отношению к родителям, но также ссылаясь на некомпетентность и злоупотребления местной власти. Все это ясно прослеживается в письмах и петициях, которые играли важную роль в русской и советской культуре. Фриз указывает на связь с царским периодом: «Прошения и петиции были обычным явлением в русской политической культуре, обеспечивая частичную замену народного представительства и живую связь между царем и людьми, бытова-вшую еще со средних веков»¹⁵. В советский период петиции также оставались одной из немногих возможностей, позволявших простым людям обращаться непосредственно к вождям, поэтому в них содержится огромное количество информации о том, какими люди представляли своих вождей.

Вожди получали миллионы прощений, и работа с ними занимала основную часть их рабочего времени. Количество писем, приходивших Жданову, стремительно росло. В 1935 г. он каждый месяц полу- чал в среднем 1 000 писем, в 1938–1940 гг. — до 5 000–7 000. В иные месяцы бывало и свыше 10 000 писем (например, в декабре 1937 г., в марте 1938 г.)¹⁶. Письма распределялись примерно на пятьдесят кате- горий, такие, например, как: «о восстановлении членства в ВКП(б)», «просьбы о получении жилья», «по поводу материальной помощи». Секретариат посыпал их специалистам из ответственных органов, ко- торым вменялось в обязанность рассмотреть их содержание (жалобы или предложения) и отчитаться о выполнении перед обкомом. Таким образом, предполагалось, что вмешательство вождя или, по крайней мере, секретариата может привести в движение неповоротливые ко- лесики бюрократического аппарата.

Стоит сравнить язык советских петиций с петициями, написан-ными при царском режиме. Последние были похожи друг на друга, поскольку форма, по которой составлялись петиции царю, следовала строгим правилам, разработанным в соответствии с правитель-ственным указом¹⁷. Труд Волкова, посвященный лексике челобитных XVII в., освещает шаблоны составления петиций. В частности, он ана-лизирует «эмоционально-выразительную» часть челобитных. Сюда относится обращение, характеризующее вассальную природу взаи-моотношений между подателем челобитной и царем, в котором царь наделялся льстивыми и угодливыми эпитетами, такими, как «благо-родный», «милосердный», себя проситель называл «бедный, обни-

щавший», «сирота», а свое положение определял как «безнадежное», «отчаянное». Сама петиция часто сопровождалась комментариями о том, какие печальные последствия наступят в случае, если просьба не будет удовлетворена; например, иногда намекалось на возможную смерть просителя¹⁸. Более поздние петиции не слишком отличались от этого образца. В челобитных XIX в. также льстили царю, указывали на зависимость просителя от него, перечисляли свои беды и заканчивали твердым убеждением, что лишь один царь может спасти положение. Ниже даны два примера стиля челобитных 1859–1860 гг.:

«Мы, несчастные, испытываем такие горести, что невозможно их больше терпеть, и это подвигло нас, крестьян... обратиться за помощью к нашему великому государю, кроме которого нет никакого защитника до нас...»

«Великий государь, ни к кому, как к тебе, прискорбны наши страдания и наши жалобы... все, что [в нашей просьбе] написано, мы не смеем говорить никому: ни местному начальству, ни духовнику нашему...»¹⁹

Важно отметить, что податели прошений часто критиковали местных чиновников, одновременно показывая, что последняя надежда для них — это царь, таким образом увековечивая картину «добрый царь — плохие министры»²⁰.

Язык советских писем и прошений похож на его дореволюционный аналог, хотя между ними все же есть большая разница. В то время как прошения царю составлялись по одной схеме, для писем к вождям не существовало определенного образца. В результате они гораздо менее стандартные и формальные. Тем не менее некие единые правила прослеживаются в текстах многих советских писем и заявлений, часто напоминая стиль писем царского режима, хотя советские письма отличаются прежде всего тем, что написаны на «советском» языке.

Форма обращения к вождю являлась первым стереотипным элементом письма. Это обращение определяло отношение между просителем и адресатом. Хотя некоторые письма начинались просто: «Дорогой товарищ Жданов/Сталин» или даже «товарищ Жданов!», множество других людей рассматривало обращение как способ выразить вождю свой восторг и преданность. Иногда авторы писем прямо подчеркивали статус адресата: «Я обращаюсь к вам, как к своему вождю»²¹, в других случаях, особенно под возрастающим влиянием пропаганды, они использовали гораздо более экспансивные официальные эпитеты, принятые в эпоху культа личности: «Здравствуйте, дорогой товарищ Сталин! Наш любимый вождь, учитель и друг всей счастливой советской страны!»; «Дорогой наш, славный и хороший Михаил Иванович Калинин!»; «Наш высокоуважаемый земляк и ру-

кводитель всего СССР, товарищ М. И. Калинин!»; «Здравствуйте, друг и лучший руководитель нашей страны, М. И. Калинин!»; «Дорогой вождь трудящихся мира» (письмо адресовано Сталину); «Наш великий вождь и учитель и мой дорогой отец И. В. Сталин»²². Эти обращения, особенно с употреблением слова «отец»²³, не только подчеркивали могущественное положение получателя и, следовательно, сопутствующую ответственность за благополучие его «детей», но также применялись с целью произвести сильное эмоциональное впечатление на адресата.

Эта четко рассчитанная игра на эмоциях адресата была самой поразительной чертой петиций. Можно заметить, что попытки умилостивить вождей делались не только с помощью тщательно продуманных вышеперечисленных льстивых эпитетов, но также путем подчеркивания особых способностей и авторитета вождя: «Вы умнейшие вожди нашего правительства и политики советской власти»; «Вы человек высочайшей культуры»; «Я обращаюсь к вам, как к лидеру политической жизни нашего Союза и как к человеку, на чей авторитет я могу рассчитывать при решении моей проблемы»²⁴. Подобным же образом во вступительной части прошения перечислялись и моральные качества лидера, особенно его гуманизм, отзывчивость и забота о процветании народа²⁵.

Обращение часто сопровождалось некоторыми извинениями или оправданиями за то, что письмо написано. Чтобы умилостивить адресата, проситель напирал на то, что вождь — единственный человек, способный разрешить проблемы отправителя: «Я обращаюсь к вам по принципиальным вопросам как к руководителю Ленинградской партийной организации, а по личным вопросам, потому что вы единственный человек, который может помочь»; «Лишь вы один, дорогой иуважаемый товарищ Жданов, можете помочь мне в этом деле»; «Никто кроме вас в Ленинграде не может помочь мне найти правду»²⁶. Автор часто указывал, что, перед тем как обратиться к вождю, пробовал решить свою проблему по-другому («Мы вынуждены обратиться к вам за помощью, потому что нигде не смогли найти поддержку нашей борьбе»; «Только после того, как я перепробовал всевозможные пути и средства, которые только существуют, я решил побеспокоить вас моей просьбой»²⁷), что он знает о занятости вождя («Я знаю, что у вас огромное количество работы, но...»; «Я понимаю, что у вас страшно много работы и при всем вашем старании вы не можете уделить внимание еще и каждомуциальному лицу, но...»²⁸

Объясняя, почему он возлагает на вождя решение своих проблем, при этом ссылаясь на его исключительно могущественное положение, автор письма применяет более сильные эпитеты, показывая свою совершенную беспомощность и беззащитность. Часто стиль пи-

сем становится почти истеричным, с намеками на смерть и болезнь просителя: «Вам пишет совершенно загнанный человек, стоящий на грани всеобщей катастрофы его жизни»; «Я умоляю вас, как наиболее отзывчивого товарища, помочь мне в безнадежной ситуации, которая заставляет меня думать о смерти»; «Я бы никогда не подумал, что посмею беспокоить вас своими личными вопросами, но похоже, что я оказался, как говорится, в полном тупике, поэтому я решил обратиться к вам за помощью, тем более, что в настоящий момент мне неоткуда ждать больше поддержки, и я нахожусь в труднейшем положении как с нравственной, так и с физической стороны»²⁹.

Вполне возможно, что авторы прошений действительно стояли на пороге смерти или болезни, но также возможно, что такой стиль языка, беспорядочный набор слезливых выражений, использовался преднамеренно с целью вызвать сочувствие адресата.

Сходство перечисленных элементов в советских письмах и прошениях с их дореволюционными аналогами очевидно. Тем не менее правила написания официальных прошений не передавались автоматически из поколения в поколение. Они просто видоизменялись в соответствии с новой ситуацией. Почему этот тип дискурса сохранился и в советский период? Очевидно, некоторые структурные особенности царской политической системы остались и даже усилились в советский период — в частности, центрально-периферийное разделение страны, отсутствие эффективных представительных институтов и даже более раздутый управленческий бюрократический аппарат, доступа к которому простые люди почти не имели. Обращение напрямую к вождю было зачастую единственным способом пробиться сквозь канцеляршину, и именно для этого применялись различные приемы, такие, как в вышеприведенных примерах, когда люди пробовали вызвать эмоциональный отклик адресата в ответ на свои письма, умилостивить вождя, пользуясь лексикой культа и упирая на «беззащитность» «маленьких людей». В конце концов, сам Сталин в 1935 г. дал понять, что работники бюрократического аппарата коррумпированы и злоупотребляют служебным положением, а великий отец Сталин всегда на стороне народа.

Поэтому в многочисленных петициях недвусмысленно заявлялось о преданности вождю и критиковались отдельные партийные работники и различные нарушения на местном уровне, то есть существовала та же самая практика, что и при царе. Нижеследующие примеры из писем людей обрисовывают ситуацию в колхозах, однако похожие высказывания касались всех аспектов советской жизни:

«Дорогие вожди, вы видите очень слепо, вы только слышите на разных всякого рода съездах, совещаниях какое-то количество всем

довольных людей в лице делегатов, а также вся наша пресса втирает вам очки о колхозной деревне».

«Мы считаем, что вы и тов. Сталин не знают, что колхозники живут столь плохо. Мы считаем, что наши деревенские коммунисты вас обманывают, возможно, что они даже пишут вам о том, что колхозы процветают, потому что еще осталось множество коммунистов... у которых хоть и есть партбилет, но на деле они являются вредителями».

«Управление колхозом такое, что мы не можем жить богато. Колхозное управление часто не исполняет указов дорогого товарища Сталина, который действительно заботится обо всех нас, за что ему спасибо»³⁰.

К каким выводам о восприятии народом культа вождя можно прийти, изучая язык писем? Он свидетельствует, что популистские, патерналистские аспекты культа отвечали представлениям народных масс и что «традиционные» концепции, воплощенные в культе, были с готовностью приняты и использованы людьми. Однако этот тип языка сам по себе не показывает, в какой степени советские граждане поклонялись Сталину и его соратникам, так же как петиции царского периода не объясняют, был ли русский крестьянин монархистом или нет, как убедительно доказывает Филд³¹. Довольно схематизированная форма языка заставляет предположить, что кое-кто мог рассматривать ее как необходимое средство, чтобы достичь определенных рациональных целей и не показаться при этом покушающимся на статус-кво³².

Люди также, возможно, считали, что цитирование слов вождей в письмах может сослужить важную службу в их дальнейшей борьбе с местными властями. «Присвоение» официального дискурса не обязательно свидетельствует о приверженности культу и преклонении перед изречениями вождей. Скорее, это обоснованные и эффективные способы протеста, применяемые для того, чтобы «встряхнуть» должностных лиц. Так, вскоре после высказывания Сталина в мае 1935 г. о том, что «кадры решают все», милиционеры пожаловались Жданову, что им приходится работать по 16–18 часов в сутки без обеда за маленьку зарплату. Заканчивали они свое письмо выражением надежды, что «после блестящей речи товарища Сталина» Жданов примет меры, чтобы им помочь. Он действительно поручил расследовать обстоятельства, изложенные в письме³³. То же самое произошло и в случае с задержкой зарплаты инженерно-техническим работникам на фабрике «Красногвардеец». Один из них заявил: «Товарищ Сталин говорил о необходимости беречь кадры, а нам зарплату каждый месяц задерживают». Протест возымел действие: «великодушный отец» Жданов вмешался и призвал виновных к ответу³⁴.

Харизматический лидер

В отличие от «традиционного» образа вождя, представление о нем как о харизматическом лидере, насаждавшееся пропагандой, вызывало гораздо меньший отклик среди широких масс, по крайней мере в рассматриваемый период. Гордон и Клопов утверждают, что Сталин воспринимался как «харизматический вождь, полубог, наделенный сверхчеловеческими способностями и сверхчеловеческой мудростью. Для десятков миллионов людей... он был символом родины, советской власти, социализма»³⁵. На самом деле отношение к Сталину как к полубогу в письмах людей обнаруживается относительно редко: лишь небольшая их часть содержит выражение фанатичной любви к нему и к другим лидерам³⁶. Однако потребность в создании из вождей икон или символов, о которой упоминают Гордон и Клопов, по всей видимости, была распространена шире.

Вклад низов в канонизацию вождей заметен в народном обращении с их изображениями. Власть сама поощряла обычай носить портреты руководителей наподобие икон во время демонстраций, вывешивать их на почетном месте, но то, как именно люди следовали этому обычаю, свидетельствует о процессе взаимопереплетения официальных и народных ценностей. Некоторые помещали портреты вождей в рамы от икон, ставили их рядом с иконами святых, даже молились и крестились на них³⁷. Отношение к портрету вождя как к святым ликам в христианской традиции, будто бы воплощающим в себе духовную силу, было стихийным проявлением чувств низов, а вовсе не политикой, продиктованной сверху. Партийные агитаторы в сводках пытались представить подобную практику в негативном свете, подразумевая, что люди нежелательным образом искажают основные официальные идеи. В частности, был один случай, когда безбожник посетил колхозника, рыбака, и тот показал ему сарай, где хранились рыболовные принадлежности и висел портрет Гамарника. На вопрос безбожника, зачем он тут, колхозник ответил, что раньше на его месте висела икона святого Николая, и это помогало ловить рыбу, а теперь, с этим портретом, стало труднее³⁸. Видимо, рыбак рассматривал портрет как потенциальное средоточие сверхъестественных сил. И после того как он не смог помочь, авторитет вождя, вероятно, сильно упал в глазах рыбака.

Превращение вождя в икону активно поощрялось властями, но и людям не казалось чем-то противоестественным, во всяком случае некоторым, имевшим собственные соображения по поводу того, как прославлять вождей. Множество идей популяризации вождей, предложений устанавливать им статуи, переименовывать площади в их честь или как-нибудь по-другому воздавать им почести выдвига-

лись снизу. После смерти Кирова последовали, по всей видимости, стихийные предложения называть в его честь площади, детей и так далее, а также воздвигать ему памятники. Люди заявляли, что Киров равен Ленину, а многие спрашивали, почему их «дорогого товарища Кирова» забрали в Москву, требуя похоронить его в специальном мавзолее в Ленинграде³⁹. Практически все желали увидеть его тело в торжественной обстановке, этого требовали даже «отсталые» рабочие и интеллигенция, которые до этого никогда не ходили на демонстрации и митинги. В Эрмитаже — гнезде реакционеров и «бывших» — и то нашлось 270 человек, страстно желавших попрощаться с телом, — вдвое больше числа тех, кто до этого принимал участие в каких-либо политических мероприятиях⁴⁰. Согласно секретной информсводке, подготовленной для начальника ленинградской милиции, во дворце Урицкого, где было выставлено тело Кирова, 2–3 декабря прошло полтора миллиона человек (более половины всего населения Ленинграда), а множеству других желающих оказать Кирову последние почести не дали присоединиться к траурному шествию из-за слишком большого стечения народа. Тем, кому удалось принять в нем участие, приходилось стоять на одном месте четыре–пять часов при 4 градусах мороза, но это их не отпугивало⁴¹. Такое внимание к трупу Кирова, как и реакция на смерти Ленина и Сталина, хоть и в меньшем масштабе, свидетельствовало о мистическом, религиозном отношении к власти. Важно заметить, что лишь в 1960-е гг. простым гражданам СССР разрешили проводить гражданскую панихиду⁴². В рассматриваемый же период ее позволялось совершать лишь над телами вождей, что, без сомнения, усиливало впечатление их недосягаемого превосходства над простыми смертными.

В августе 1935 г. Жданов получил письмо с жалобой, что в Ленинграде есть улицы, названные в честь террористов-народников Желябова и Перовской, но нет улиц с именами революционеров и даже ни одной улицы Ленина. Автор письма сетовал также, что статуя Ленина напротив Финского вокзала не идет ни в какое сравнение со статуями Петра I и Екатерины II. Разумеется, Жданов с этим согласился, наложив в конце письма резолюцию: «На повестку дня в бюро»⁴³. В 1936 г. Калинин получил письмо с предложениями создать музеи Сталина и Ворошилова, а также построить Дом Ленина на Красной площади⁴⁴. Один человек, знавший Жданова еще ребенком, сообщил ему в 1935 г. в письме, что начал писать «сказку для детей, в которой главного маленького героя будут звать Андреем, а сказка будет про его приключения»⁴⁵.

В 1939 г. на XVIII съезд партии пришло письмо, утверждавшее, что партия должна соединить имена Ленина и Сталина воедино и называться «Ленинско-Сталинской Всесоюзной Коммунистической

партией»⁴⁶. Во время обсуждения новой Конституции поступали предложения поместить на советский флаг портреты: а) Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; б) Ленина, Сталина, Калинина, Ворошилова; в) Ленина и Сталина, — а Москву переименовать в честь Сталина⁴⁷. Авторы нескольких писем в конце 1937 и в начале 1938 г. также просили, чтобы Москва была переименована в Стalinодар или Стalinград⁴⁸. Одно письмо пришло от пенсионерки Е. М. Чулковой, которая уверяла, что ее мечта — «жить в Стalinодаре». «Что касается меня, то я живу тут много лет, и возможно, что и дальше жила бы себе спокойно», писала она, но, вдохновленная речью Сталина 11 декабря 1937 г. и ликующими криками избирателей, представила себе, как было бы популярно решение переименовать Москву. Она объясняла, что Ленинград ассоциируется с героическим прошлым, но эпоха победившего социализма — это стalinская эпоха: «В прекрасной столице сконцентрирован цвет научной мысли, искусств, мировых достижений; проводится массовый снос зданий в целях ее реконструкции, а ее метро, канал Москва—Волга, грандиозное сооружение Дворца Советов — все это, и многое другое, дар великого гения Сталина, то есть Стalinодар». Письмо заканчивалось стихами, выражавшими ту же мысль, но в еще более цветистой манере. Автор другого письма подобного рода также выражал желание, чтобы Москву переименовали в «Сталиндар»: «Гений Сталина это исторический дар всему человечеству, это путеводная звезда на пути к высочайшему уровню развития и подъема. Вот почему я глубоко уверен, что все рабочие мира нашей эпохи и все человечество на протяжении многих будущих веков встретят переименование Москвы в Сталиндар с радостью и удовлетворением»⁴⁹.

Наряду с желанием как можно шире распространять иконы вождей, поступали настоятельные требования почестей для главного символа страны — самого Сталина. Автор письма Калинину в 1935 г. спрашивал, почему Орджоникидзе, Ворошилов и Калинин получили орден Ленина, а Stalin нет. Поскольку Stalin «великий гений, ум и сердце» и ответственен за счастье страны, значит, его следует наградить так же⁵⁰. К 1939 г. кульп достиг таких масштабов, что речь шла уже не об ордене Ленина. Один автор письма, желая выразить Stalinу свою признательность, предлагал учредить новый орден Ленина—Stalina⁵¹. Другой призвал отметить 60-летие Stalin'a в декабре 1939 г. как всесоюзный праздник, заметив, что, хотя Stalin по причине своей скромности, возможно, и откажется от этого, но партия и государство должны настоять, поскольку таково желание всего народа⁵². Калинин получил аналогичное письмо, требующее провести внеочередную сессию Верховного Совета, с тем чтобы официально присвоить Stalinу титул «Великий»⁵³.

Большинство подобных предложений остались без последствий, так как выглядели слишком экстравагантными даже для крайне раздраженного культа. Например, Жданов категорически отверг идею написания истории его детства, присовокупив, что «этая тема совсем не актуальна»⁵⁴, а Сталин, очевидно, возражал против переименования Москвы⁵⁵.

Для писем простых людей характерна не столько мысль, что вождь воплощает в себе особую духовную и психическую силу, сколько представление о вожде как об отце и защитнике народа. Тем не менее и в них встречаются свидетельства восприятия его как харизматического лидера, включая предложения по переименованию Москвы. Один из авторов писем Калинину предположительно писал ему на протяжении десяти лет и объяснял, что эти письма — его «единственная радость». Он называл Сталина «Солнце счастья» и уверял Калинина, что тот для него «как богочеловек, а И. В. Сталин, как бог». По его словам, у него была одна мечта — прикоснуться к Калинину. Очевидно, он часами сосредоточенно изучал портреты вождей, напечатанные в газетах, которые с обожанием описывал: «А вот самые последние номера “Правды” от 28 февраля, — снимок с награжденными пограничниками... Какое незабываемое лицо у вас на этом снимке, его нельзя забыть, и он все время стоит у меня перед глазами, с какой чистой любовью смотрит здесь на Вас — наше Солнце Счастья и какое здесь у него одухотворенное лицо Величайшего Гения, а за улыбку его, только одну улыбку — можно отдать тысячу жизней. А в “Правде” — от 1 марта — Ваше лицо показано только в профиль, но в нем так много чего-то хорошего, теплого, притягивающего к себе именно присущего Вам, дорогой Михаил Иванович, что трудно передать это словами. — А лицо нашего Солнца Счастья, на этом же снимке имеет совсем особенное, прямо какое-то чудесное, выражение. В особенности глаза — глаза Величайшего гения, Величайшего мудреца и мыслителя, которые как будто видят и решают судьбы целых миров и пред которыми нет никаких тайн. — Сколько моци, сколько величия, сколько солнца, какой сверхчеловеческий разум в этих дорогих и любимых глазах»⁵⁶.

Феномен культа часто представляется как массовый гипноз, как нечто совершенно иррациональное, как часть общего «психоза» того времени⁵⁷. Несомненно, некоторые иррациональные аспекты действительно были ему присущи, судя, в частности, по последнему письму. Однако некоторые из «харизматических» изображений вождя, так же как представления его в роли традиционного лидера, могли использоваться в довольно рациональных целях. Разумеется, трудно выявить всю сложную мотивацию, побуждающую людей высказывать подобные мысли. Тем не менее, делая внешне невинное и

якобы бескорыстное предложение о том, как прославить вождя, или посылая «фанатские письма», человек мог надеяться на определенные дивиденды в будущем.

Идея «массового гипноза» — слишком упрощенное толкование, которое не объясняет все многообразие содержания официального дискурса о культе и народного отношения к этому явлению. Если вчитаться в письма, становится ясно, что миф о культе лидера воспринимался далеко не однозначно. Простые люди выбирали те аспекты языка официального культа, которые совпадали с их собственными представлениями о правителях, а другие корректировали или даже отвергали. Они также использовали официальный язык для достижения собственных рациональных целей. Хотя харизматический, богоподобный образ вождя имел своих поборников, он был не единственным и даже не главным в глазах простых людей, по крайней мере в тот период. Однако в послевоенное время опыт войны, возвышение «генералиссимуса» и смена поколений в совокупности могли привести к изменениям и упрочить в народном сознании этот харизматический облик.

Глава 11. Отрицательное отношение к вождю и культу вождя

Люди не только использовали время от времени официальный дискурс о культе вождя в своих целях, но также игнорировали, извращали, отвергали, критиковали его и даже боролись с ним всеми возможными способами. Его глубинные идеи часто не доходили до народа, а если и доходили, то в искаженном виде — либо из-за малоэффективной работы агитпропа, либо по вине самих людей, которые сознательно что-то игнорировали, а что-то истолковывали по-своему. Тем не менее были и те, кто, осознавая вездесущность культа, прямо его критиковал или нападал на него другими способами, включая подрыв его основных составляющих: важности, иерархичности и неизыблемости. Некоторые также предлагали кандидатуры альтернативных вождей, хотя важно отметить, что язык, на котором они выдвигали свои кандидатуры, очень напоминал язык официального культа, и это доказывает вероятное созвучие пропаганды культа как такового народным представлениям о природе власти. Как показывают цитаты, приведенные в других местах исследования, враждебность к ней зачастую порождало лишь резкое расхождение пропагандистских заявлений с реальностью.

Безучастное отношение к идеям культа или неправильное их понимание

До середины 1930-х гг. оставались люди, не осведомленные о существовании и роли тех или иных вождей. В 1933 г. даже членов партии, бывало, исключали за незнание биографии лидеров. Например, во время чистки в Ленинградском историко-лингвистическом институте один партиец назвал Сталина «председателем СТО», но оказался не в состоянии ответить на вопрос: «Кто такой Киров?» Другой полагал, что Молотов «заведует сельским хозяйством»¹. Неосведомленность о личностях вождей даже среди партийцев рассматривалась как недостаток пропагандистской работы, который был частично исправлен в последующие несколько лет, когда власти предприняли целенаправленную кампанию по популяризации вождей. Вначале она не принесла особого успеха. После смерти Кирова обнаружилось, что многие крестьяне и школьники никогда о нем не слышали. Члены партии и в 1935 г. порой не ведали о своих лидерах. Некоторые комсомольцы не могли ответить на вопрос: «Кто такой Сталин?» Студент одного коммунистического университета назвал Калинина «руководителем всех колхозов». В конце 1936 г. кое-кто из учителей

не знал, какие посты занимают Калинин и Молотов. Даже в 1937 г. выяснилось, что ряд колхозников не имеют представления о том, кто такой Сталин. Когда одного колхозника спросили, кто сейчас в России начальник, он ответил: «Говорят, Ильин». На самом деле Ильин был председателем сельсовета².

Этот последний факт показывает другую сторону проблемы: пропагандистские лозунги часто доходили до людей в искаженном виде. Идея культа вождей неверно истолковывалась как культ власти в любой ее форме. Такая практика полностью противоречила официальному дискурсу, тщательно регламентированному наделение культовым статусом. В разное время его получали Киров, Ежов, Орджоникидзе и другие приближенные Сталина, но для региональных партийных лидеров считалось недопустимым подражать в этом центру. Публичные мини-культы стали возникать в середине 1933 г., одновременно с культом Сталина. Например, в июне 1933 г. газета Бабаевского района «Новый путь» напечатала приветствие секретарю райкома: «Да здравствует райком ВКП(б) и близкий нам колхозник, неутомимый борец за улучшение жизни колхозов товарищ Воронцов»³. В 1937 г. выяснилось, что секретаря Мурманского горкома встречали криками «Да здравствует Абрамов, вождь мурманских большевиков!», «Да здравствует стальной Абрамов!» и что во время местной первомайской демонстрации в Поддорском районе слышались возгласы: «Ура руководителю поддорских большевиков Сергею Петровичу Крылову!» В некоторых областях партийные собрания копировали парадность, торжественность и долгие аплодисменты партийному секретарю, типичные для кремлевских приемов. Местные руководители предъявляли права на все успехи своего района, подобно Сталину, которому приписывались достижения Советского Союза, соответственно процветало подхалимство⁴.

Февральско-мартовский пленум 1937 г. обратил внимание на эти злоупотребления и рекомендовал ответственным партийным работникам подражать «скромности» Сталина⁵. Тем не менее эту практику было трудно искоренить. В ноябре 1939 г. отмечалось неумеренное восхваление кандидатов на выборы в местные советы в Ленинграде. Одного кандидата назвали «вождем», за которым массы должны следовать, поскольку он ведет их к коммунизму. Другое предвыборное собрание закончилось здравицей в адрес ВКП(б) и Сталина, «взрастивших такого достойного человека, как товарищ Левченко [кандидат]»⁶. Подобная практика расшатывала культ Сталина (и его соратников), понижая его значение в глазах простых людей. Его культ мог восприниматься просто как одно из многих проявлений самовозвеличения, ничуть не хуже и не лучше местных культов, а его власть — как вариация одного из множества типов власти, а не что-

то уникальное или особенное. Поэтому, полагает Фицпатрик, когда в 1937 г. начались нападки на местных вождей, кто-то из простых людей, не в силах разобраться в различных типах власти, считал, что Сталин и его соратники так же виновны, как и местные начальники⁷.

Важно заметить, что искажение официального языка культа распространялось не только на советских политических деятелей. Например, иногда школьники ошибочно применяли эпитеты, обычно использовавшиеся при обращении к Сталину и его соратникам, в отношении капиталистических лидеров. Проверки, проведенные Наркоматом просвещения в 1936 г. среди школьников Московской области, показали, что некоторые дети имели ошибочное представление о том, кто такой Гладстон. Говорили, что он «“вождь” рабочего класса — либерал»; «с одной стороны либерал, а с другой, вождь рабочих»; «вождь народа»⁸. Таким образом, Сталин и Гладстон попали в одну категорию — любопытный пример «двуликости» знаков.

Критика культа

В то время как широкие слои населения стали прямо критиковать культ личности и трактовать пропагандистские лозунги в ироническом ключе примерно с 1937 г., некоторые более информированные группы населения, включая интеллигентов, рабочих с большим стажем, членов партии и комсомола, чувствуя радикальные перемены в пропаганде, понимали абсурдность культа вождя с самого начала. Марксистское осуждение «культа личности» и теоретическое большевистское неприятие «вождизма» по-видимому, были известны некоторым людям⁹. Уже в 1934 г. рабочий на собрании, посвященном речи Сталина на XVII съезде, открыто выступил против того, что «все славословят Сталина, считают его богом, и никто это не критикует». Уже становилось очевидным, что отношение к Сталину приобретает религиозный оттенок. Посмертное обожествление Кирова также встретило неприятие и насмешки. Одни иронически относились к похоронам Кирова как к похоронам «второго бога», другие сравнивали портреты Кирова с иконами. Группа студентов даже организовала ерническую заупокойную службу со свечами перед портретом Кирова, сопровождая это представление антирелигиозными частушками. Широко распространенное желание прославить Кирова не было всеобщим. Некоторые полагали, что ему и без того оказывают непомерные почести. Кое-кого возмущали суммы, потраченные наувековечение его памяти¹⁰.

В начале распространения культа личности у нескольких наиболее образованных рабочих вызвало подозрение огромное внимание, которое уделялось Сталину в газетах в 1934–1935 гг., хотя ранее его

общественное положение было существенно ниже — он не играл особенно заметной роли в революционных и послереволюционных событиях, связанных, скорее, с такими светилами, как Троцкий, Зиновьев или Каменев¹¹. Его неожиданное взвеличивание, переписывание истории послужили причиной жалоб на то, что ему приписыvаются достижения Троцкого. Сталина считали выскочкой. Протесты зазвучали громче в конце 1935 — начале 1936 г., когда культ достиг новых высот. Рабочий с Балтийского завода (с двадцатилетним стажем) после жалоб на стахановское движение заметил с иронией: «Жизнь стала лучше, жизнь стала веселей. Для кого? Стал Сталин счастливей из-за того, что многие дураки сидят и всю свою жизнь пишут “великий Сталин”»? Рабочие протестовали против непрерывных объяснений в любви к Сталину, использования применительно к нему эпитетов «родной», «любимый», «отец» и тому подобных, превращения Сталина в «фетиш», как выразился один комсомолец, прибегнув к марксистской терминологии. По общему мнению, Ленин никогда бы не позволил, чтобы к нему относились подобным образом¹².

В 1936 г. люди также стали проводить сравнение между поклонением Гитлеру и Сталину: у обоих в руках сосредоточена огромная власть, обоих обожает народ¹³. Агент НКВД под кодовой кличкой «Волгин», работавший в Академии наук, рапортовал о беседе на эту тему, которая состоялась 1 сентября 1936 г. Хотя академиков наше исследование не касается, их подробный анализ сталинского культа заслуживает внимания. Беседа между Крачковским, Казакевичем, Щербатским и Струве велась о будущей роли партии. Ходили слухи, что партия будет ликвидирована или ей позволят исчезнуть естественным путем, что Сталин больше не может ей доверять. Диктатура партии будет заменена на президентское правление. Струве приписал эти слухи «правым академикам», сторонникам Деборина и Бухарина. В тот день был объявлен новый набор в партию, который Щербатский прокомментировал следующим образом: «Старых партийцев вытеснили, теперь наберут новых, которые будут всячески пресмыкаться перед Сталиным. Это продолжится год или два, пока всем не надоест». Крачковский предупредил, что сейчас такое время, когда нужно быть очень осторожным, выражая свое мнение, — идет последняя вспышка террора, борьба с теми членами партии, которые могли препятствовать Сталину и его приспешникам удержаться у власти после введения новой Конституции. Совершенно ясно, сказал он, что в коммунистических кругах сейчас идет борьба за место руководителя государства. Крачковский был почти уверен, что им останется Stalin, который, возможно, превратится в Иосифа Первого, нового всероссийского императора, и дело тут не в намерениях, а в общем ходе истории. Коммунизм становится национальной религией

России, так же как фашизм становится национальной религией Италии и Германии, а кемализм — национальной религией Турции. Все эти движения характеризуются, с одной стороны, ненавистью к существовавшим до них религиям — православию, католицизму, лютеранству, исламу, а с другой — культом вождя. Когда Сталина публично называют отцом и вождем народов, заключил Крачковский, стираются последние различия между ним и фюрером Гитлером. Агент беседовал на ту же тему с академиком Макаровой, которая также считала, что новая Конституция свидетельствует о «конце революции и переходе от масс к личности» и что Сталин, по-видимому, станет президентом или «официальным диктатором». Профессор Зарубин, хотя и признавался, что не думал об этих вещах много лет, тоже слышал, как люди сравнивают Россию с Германией и утверждают, будто Stalin просто подражает Гитлеру¹⁴.

Эти суждения академиков, представителей старой гвардии, интересны, потому что культ в них рассматривался как часть долговременного, более широкого исторического процесса. Крачковский (востоковед) объяснял феномен сталинского культа как продолжение русской имперской традиции. Тем не менее он также осознавал его схожесть с культурами в Германии, Италии и Турции. Это, однако, не проясняло вопрос, почему сохранение русской традиции должно было принять форму всеобъемлющего, почти религиозного культа вождя. Правда, Зарубин предполагал, что Stalin сознательно подражал Гитлеру. Вообще сравнение гитлеровского и сталинского культов, как правило, приходило в голову более осведомленным людям. Например, анонимный автор письма Жданову прочитал у Фейхтвангера, как фашистская система запугивает людей и заставляет их кричать: «Хайль Гитлер!» Он тут же напел здесь большое сходство с происходящим в СССР, где простые люди едином хором поют вождям хвалу, на самом деле думая: «Пусть они все провалятся к черту, они николько не делают нашу жизнь лучше»¹⁵.

К 1936 г. официальные демонстрации превратились в поводы для прославления вождей. Участники демонстраций носили все больше и больше их портретов. В своем дневнике Аржиловский после ноябрьской демонстрации 1936 г. недвусмысленно провел аналогию между этими шествиями с портретами и крестными ходами с иконами: «Кстати, портреты партийных руководителей сейчас несут точно так же, как, бывало, иконы: портрет в круглой раме прикреплен к шесту. Это очень удобно, поднимешь на плечо и идешь. И вся подготовка такая же, какая была перед церковными праздниками... У них тогда были свои активисты, у нас теперь свои. Разные пути, но та же старая мишура»¹⁶. Портреты были довольно тяжелыми, и НКВД в своих сводках обращал внимание на то, что во время первомайской демон-

страции в 1936 и 1937 гг. некоторые люди отказывались их нести или умышленно бросали. Кое-кто конкретно возражал против того, чтобы нести их «как иконы». К 1937 г. часть людей, особенно партийцев, устала от культа, который приобретал угрожающий размах. К концу года террор и культ вождей достигли своего апогея. Избирательная кампания проводилась как широчайшая рекламная акция в пользу вождей, которые одновременно стали кандидатами сразу в нескольких регионах, вызывая недовольство у ряда избирателей, считавших это нелепостью. Пропаганда раздражала людей, например служащего из Боровичского района, которого выборы совершенно замучили: «По радио передают лишь хвалебные речи о руководстве страны, и руководители славят сами себя. Меня тошнит от этого. Даже неграмотных учат читать по фразам вроде “дорогой товарищ Сталин”». Ленинградский рабочий также жаловался, что всех партийных и правительственные деятелей идеализируют, и возражал против чрезмерного восхваления кандидатов, например Тевоясина, о котором на одном собрании рассказывали, будто он в 15 лет руководил освобождением Грузии. Инженер с завода «Электросила» протестовал против льстивых речей и признаний в любви и преданности к Сталину, напоминая о преклонении перед «батюшкой-царем». Роль Сталина, считал он, чрезмерно раздута за счет Ленина, у него такая власть от того, что «некультурные массы не могут жить без властителей»¹⁷.

Критика культа продолжалась в 1938 г., особенно во время выборов в Верховный Совет РСФСР. В прокламациях осмеивалась беспомощность Верховного Совета СССР, где «люди приняли решение» прокричать тысячекратное «ура» в честь «“вождя” и его марионеток». После выборов прошли праздничные церемонии, по поводу которых один рабочий заметил: «Вот и пришло время, когда вожди стали богами и их портреты носят, как иконы». Можно было услышать иронические реплики: в одной школе, когда ученики попросили свою учительницу дать им учебники, она якобы ответила, чтобы они попросили их у Сталина, а еще сказала: «Сталин всему вас научил, но не научил стирать с доски». В другой школе ученик нарисовал Сталина в эполетах и распевал песню, в которой называл его «генералом нашей несчастливой жизни»¹⁸. Обратный эффект неумеренной пропаганды обнаружился в анонимном письме, отправленном в июле 1938 г., которое стоит привести здесь полностью. Оно было написано коммунистом, сторонником режима:

«Дорогой товарищ Жданов!

Не думаете ли вы, что именем Сталина очень сильно злоупотребляют? Например:

Сталинский нарком

Сталинский сокол

Сталинский ученик
Сталинский канал
Сталинский путь
Сталинский полюс
Сталинский урожай
Сталинская норма
Сталинская пятилетка
Сталинская конституция

Сталинский блок коммунистов и беспартийных
Сталинский комсомол (его уже так называют)

Я могу привести еще сотни подобных примеров, с еще меньшим смыслом. Везде Сталин, Сталин, Сталин.

Послушайте какую-нибудь радиопередачу о наших достижениях, каждое пятое или десятое слово будет имя товарища Сталина.

В конце концов, это священное и любимое имя — Сталин — может настолько приестся людям, что, вполне возможно, будет иметь обратный эффект.

Интересно знать, что сам Сталин думает по этому поводу?

С коммунистическим приветом: В. К. 1/VII-38 Ленинград»¹⁹.

Возможно, руководители осознавали, что культивирует начинает приносить обратные результаты. Безусловно, с 1939 г. его проявления стали скромнее (если не говорить о пышном праздновании 60-летия Сталина в конце года). Сталин, по-видимому, старался дистанцироваться от непопулярных политических решений этого периода. Тем не менее люди продолжали считать его ответственным за все, что происходит в стране, а после выхода законов о труде в конце 1940 г. постоянно пародировали культовый лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за то-то и то-то»²⁰.

Подрывной дискурс

Большинство людей, не критикуя «культ личности» как таковой, находили иные, косвенные способы борьбы с официальным образом вождя. Все основные стороны культа переворачивались с ног на голову. Вопреки его серьезности, народ представлял его в комическом виде; официальный культивировал существование личной жизни у лидеров, народ же уделял исключительное внимание их индивидуальным, человеческим чертам; власти доказывали, что культивируется вечен, а люди упирали на временность руководства и неизбежную смерть вождей. Этот процесс подрыва или «карнавализации» культа особенно наглядно виден в устной народной культуре того периода, куда входят анекдоты, песни и частушки. Когда народная культура затрагивала политические вопросы, то внимание обычно уделялось главным партийным руководителям, таким, как Сталин, Киров или

Ленин. Частично это объяснялось важным местом, которое они занимали в официальном дискурсе. Однако, согласно Онгу, это также является типичной особенностью устной народной традиции. «Сильные характеры», как он их называет, имеют ключевое значение для устной народной культуры, поскольку бесцветные личности просто никто не запоминает²¹.

Серьезность культа подрывалась различными способами, например, лошадям давали клички в честь вождей или вешали портреты вождей в туалетах. Лидеров изображали в комическом свете, как в частушке: «Ехал Ленин на баране, / У барана один рог, / Куда едешь ты, плешивый, / Загонять нас всех в колхоз?» Эта сосредоточенность на телесном (лысина Ленина, неуклюжая поза) резко контрастировала с официальным культом, избегавшим любых упоминаний о физических характеристиках вождей, так же как излюбленная тема слухов и частушек — пристрастие руководства к алкоголю. Один слух гласил: «Кирова убил пьяный. Все вожди всегда напиваются». Намекали на это и частушки: «Когда Кирова убили, / Сталин вышел на крыльце, / Мы с товарищем Кировым / Полюбили пить винцо»²².

Точно так же простые люди компенсировали официальное невнимание к личной жизни вождей сплетнями и шутками об их женах и родственниках. После убийства Кирова рабочие любопытствовали, был ли он женат, имел ли детей²³. Ходила шутка, намекавшая на жен Ленина и Сталина, которых звали Надеждами: «У Ленина как была надежда [построить социализм] — так и осталась, а у Сталина надежды нет» (обыгрывался тот факт, что жена Ленина все еще была жива, тогда как жена Сталина покончила с собой в 1932 г.). Широко распространялись слухи о сексуальной жизни лидеров, нарушая официально наложенное на эту тему табу. Убийство Кирова и самоубийство Аллилуевой связывали со скандалами на сексуальной почве. Имя Сталина упоминалось в связи с различными женщинами, про Ленина говорили, что он умер от сифилиса²⁴.

Морин Перри показала, что в русских народных сказках часто присутствуют два главных героя: один из верхов, другой из народа. Хитрый мужик в них находит способ одержать верх над жестоким хозяевом. Как в этих сказках, народ подрывал официальную иерархию, подразумеваемую культом Сталина. Так, в одном анекдоте крестьянин пришел к Сталину и поинтересовался, когда будет построен социализм. Stalin ответил, что уже скоро, через пару лет. «И не будет ни ГПУ, ни другой охраны? — спросил крестьянин и, услышав утвердительный ответ, радостно заявил: — Тогда мы вас всех перестреляем»²⁵.

Постоянство культа, ощущение его незыблемости улетучивалось в разговорах об уже произошедших или еще предстоящих смертях

вождей, особенно Сталина. Простым людям смерть лидера представлялась самым обычным способом нарушения статус-кво. В 1934 г. молодежь расшифровывала аббревиатуру СССР как «Смерть Сталина спасет Россию». Кое-кому действительная смерть одного из вождей, Кирова, видимо, казалась исполнением всех желаний. Она породила большое количество частушек, многие из них связывали его гибель с неизбежной гибелью остальных руководителей, особенно Сталина: «Кирова убили, / Сталина убьют, / Все крестьяне рады будут, / Коммунисты заревут». Его смерть также ставили в один ряд с другими событиями, такими, как затопление «Челюскуна» в 1934 г. Оба этих случая рассматривали как предзнаменование свержения Сталина: «Немного времени прошло, как “Челюскуна” потопили... Сегодня Кирова убили, а завтра Сталина убьют». Ождалось, что смерть Сталина и Кирова положит начало более грандиозным переменам, включая отмену колхозной системы («Кирова убили, / Скоро Сталина убьют, / Все колхозы разбегутся, / Нам свободней будет жить»²⁶) и появление качественных продуктов питания («Кирова убили, / По котлетке подарили, / Когда Сталина убьют, / То по курице дадут»²⁷). Вообще, смерти вождей представлялись осуществлением карнавальной идеи праздника, отдыха от монотонной и скучной работы: «Ленин помер — нам дали выходной; Киров умер — нам также дали выходной; а если умрут все руководители, то будут вечные выходные»; «Ленин помер — мы отдыхаем, если бы еще умер какой-нибудь хороший человек, мы бы еще отдохнули»²⁸.

Как интерпретировать эти «подрывные» высказывания? Проявлялась ли в них враждебность к лидерам или народ просто «выпускал пар», выплескивая свое недовольство? На эти вопросы нельзя ответить в отрыве от контекста. Режим считал все подобные высказывания антиправительственной подрывной деятельностью. К такому объяснению нельзя относиться слишком серьезно, но и недооценивать его также нельзя. Очевидно, чаще всего щутки, анекдоты и особенно частушки служили исключительно для развлечения. Однако в тот период рассказывать и петь их было так опасно, что для некоторых людей они приобретали большее политическое значение.

Альтернативные модели руководства

Помимо упомянутых, по сути своей негативных и деструктивных настроений в отношении лидеров, были также и предложения об альтернативных моделях руководства, в которое включался целый ряд знаковых фигур, включая Ленина, царя, Троцкого, Кирова, Бухарина и других «врагов», даже Гитлера. Люди возвеличивали их отчасти потому, что считали стиль их управления более привлекательным.

Официальный «культовый» язык часто использовался применительно к ним — им приписывались характеристики, которыми пропаганда обычно наделяла Сталина. Всем казалось, что принимаемые этими лидерами политические решения направлены на улучшение качества жизни, хотя политические взгляды, которые они на самом деле выражали, люди воспринимали в искаженном виде; например, считалось, что «враги народа» не были членами партии, а Троцкий якобы придерживался «правых» взглядов. Частично это происходило из-за подлинной неосведомленности о реальной природе их политических убеждений, а также из-за того, что народ воспринимал их скорее как символические фигуры, которые, по его мнению, могли стать более удачной альтернативой Сталину.

Посмертный культивировался Кирова, хотя и официально санкционированный, мог приобрести антиправительственную окраску, особенно когда Кирова сопоставляли со Сталиным и другими лидерами. Мы не знаем, действительно ли ЦК благоволил Кирову и рассматривал его в качестве преемника Сталина на пост генерального секретаря в 1934 г., но ясно, что некоторые ленинградцы его ценили гораздо больше Сталина. Он представлялся более доступным руководителем, который сумел бы поладить с интеллигенцией и простыми людьми. Его популистский стиль работы вызывал одобрение рабочих, которые отмечали, что он вел себя демократично, ездил на трамвае, «был смелым, ходил везде один, не прятался за толстыми стенами, тогда как других вождей мы видим редко, только на съездах». Жданов, напротив, считался слишком далеким от народа человеком, как показано в гл. 8. О Кирове говорили, что он более человечный, «более мягкосердечный, чем Сталин», заботится о бедных, о рабочих: Воронцов якобы выступал за Красную армию, Сталин за строительство, а Киров — за народ, чтобы ему жилось лучше²⁹. Интересно, что одним из наиболее популярных стихотворений во время блокады Ленинграда было стихотворение Тихонова «Киров с нами». Опубликованное в конце 1942 г., оно написано на официальном политическом языке и включает рефрен, апеллирующий к популистскому образу Кирова: «По городу Киров идет». В стихотворении также есть строки: «“За родину!” — надпись на башне, / И “Киров” — на башне другой». Столь тесная взаимосвязь между Кировым и родиной резко контрастирует с обычной формулой «За Родину, за Сталина!» и подтверждает мнение, что некоторые ленинградцы были больше преданы Кирову, чем Сталину.

Ленинский культивировался наравне со сталинским, однако он мог использоваться для подрыва сталинского культа, как признал в 1934 г. «Социалистический вестник»: «Романтический культивирует Ленина становится опасным для суровой реальности сталинского

режима»³⁰. Члены партии традиционно использовали идеи Ленина в целях противодействия режиму (в особенности Рютин со своим «Союзом марксистов-ленинистов»)³¹, но некоторые обычные люди, особенно рабочие, также вспоминали Ленина только положительно. Надпись на стене туалета на одном из заводов в 1934 г. гласила: «Ленин умер, но дело его живет». Теоретически в этом утверждении не содержалось ничего предосудительного, это был официальный лозунг, но оно могло означать скрытую критику существующего режима, и информационный отдел ЦК ВКП(б), естественно, истолковал его именно в таком свете³². Иногда подрывной смысл прочитывался более явно: например, «ЦК Легиона революционной демократии» в письме Жданову от 1937 г. восхвалял Ленина и призывал перенести столицу в Ленинград, где «лидер революционной демократии впервые провозгласил власть народа и учредил демократические свободы»³³.

Рефрен «если бы был жив Ленин...» очень часто звучал в тот период. Считалось, что если бы Ленин стоял у власти, то царила бы свобода слова, не было бы никакой внутрипартийной борьбы и кол-лективизации, не росли бы цены и уж тем более не принимались бы жестокие законы наподобие законов о труде 1940 г.³⁴ Ленин в свое время взял более мирный, спокойный курс к социализму, от которого отошел Сталин: «Сталин должен быть смешен, он отошел от ленинского курса, и наша страна приходит в состояние упадка». Один рабочий так понимал эту разницу в курсах двух вождей: «Ленин вел страну вперед, но сегодня вожди тянут ее назад»³⁵. Нэп также рассматривался как в общем-то золотой век: тогда «все было», а сейчас продуктов питания нет; пока Ленин был жив, все жили дружным кол-лективом, а когда он умер, начались ссоры и общество раскололось, партия замаралась — там много жуликов и врагов народа³⁶.

Подобные высказывания свидетельствуют о тенденции к идеализации Ленина, изображению его героем, а Сталина — негодяем, ответственным за все беды страны. Эта черно-белая картинка особенно наглядно отражена в анекдотах: «Почему Ленин носил ботинки, а Stalin носит сапоги? Потому что при Ленине можно было ходить в ботинках (было сухо, чисто и красиво), а сейчас у власти Stalin, и вокруг такое болото, что куда ни пойдешь, увязнешь. Вот почему он носит сапоги»³⁷.

Связка Ленин-Сталин в официальном культе, возможно, до некоторой степени препятствовала подрывному дискурсу, основанному на культе Ленина. Троцкий же, напротив, считался безоговорочным противником Сталина. Ему поклонялись так же, как и Ленину, и на-деляли теми же эпитетами³⁸. Его военный талант, ораторские способности, пламенный дух и интеллигентность особенно подчеркивались несогласными с официальным режимом рабочими. Обычно его пред-

ставляли как гения; утверждалось, что победа в Гражданской войне — всецело его заслуга³⁹. Несмотря на попытки переписать историю, люди продолжали верить собственной памяти. Один пылкий почитатель Троцкого настаивал, что газеты врут, осужденные не виновны, они не предпринимали покушений по политическим мотивам. Троцкий был прекрасным человеком, великим военачальником, руководителем Красной армии, защитником родины, всем сердцем преданным революции. Армия его любила. Если бы не Троцкий, уверял он, Красная армия не смогла бы взять Казань в 1918 г., Москва осталась бы без хлеба и революция погибла бы. Троцкий всегда шел в самое пекло. Борьба против него ведется из-за кресел: их не хотели уступать Троцкому, поэтому очернили его и выдворили из страны⁴⁰.

Роли Троцкого и Сталина в Гражданской войне сравнивались далеко не в пользу последнего: лишь благодаря Троцкому, дескать, была одержана победа над врагами, тогда как Stalin сидел в это время на курорте, объедаясь яблоками⁴¹. Люди часто говорили о его способности руководить «массами»: «массы стоят за Троцкого»; «хорошо, что Троцкий жив, он-то умеет организовать массы»; «Троцкий пользовался большой любовью масс. Он очень сильная личность. Когда массы его слушали... все стояли как вкопанные». Один рабочий вспоминал способность Троцкого поднять солдат в бой⁴².

Хотя этими харизматическими культовыми чертами особенно наделялся Троцкий, время от времени их находили и в других лицах. Зиновьева, Каменева, Бухарина, Тухачевского и Рыкова также восхваляли за революционные заслуги, про них говорили, что они «исторические деятели» и идеалисты⁴³. В Ленинграде Зиновьев все еще пользовался некоторой поддержкой. По рукам ходили листовки с надписью: «Да здравствует трибун революции Зиновьев!»⁴⁴ Крестьяне считали, что Бухарин и Рыков интересуются крестьянской жизнью, и даже во время выборов 1937 г. выяснилось, что многие их поддерживают⁴⁵.

Язык культа использовался и по отношению к царю, только общепринятые символы заменялись символами «старого режима». Прокламации такого рода гласили: «Долой Сталина. Да здравствует царь Николай II»; «Долой советскую власть. Нам нужны помещики и капиталисты. Прежде жилось лучше. Долой Ленина, долой Сталина! Да здравствует старая жизнь при царе! Товарищи! Обратите внимание на эту бумагу»⁴⁶. Как ни парадоксально, лозунги и слова наподобие «товарищи» наделяли символ царя революционным потенциалом. Таким образом, самодержавие, наиболее консервативный институт власти, представлялся как средство, способное мобилизовать людей на борьбу с режимом. Царь иногда ассоциировался с более высоким уровнем жизни, изображался защитником интересов простого

народа. В особенности славили царя крестьяне: «Землю крестьянам дала не советская власть, а царь... Когда мы молились Богу, то жили лучше»⁴⁷. Рабочие также сравнивали свой дореволюционный уровень жизни с послереволюционным далеко не в пользу последнего, а иные вспоминали, что при царе можно было устраивать забастовки, поскольку тогда «рабочие были сами себе начальниками»⁴⁸.

Народ не всегда ясно представлял себе политику лидеров. Политика и правление Гитлера также, бывало, символизировали для него альтернативу правлению Сталина, тот же язык культа употреблялся и в этом случае, как говорилось в гл. 6. Впрочем, некоторые помещали Гитлера и «врагов народа» в один лагерь. Как заявил один священник: «Фашисты под управлением Гитлера победят, потому что он стоит за народ. Троцкий и Зиновьев также стоят за правое дело. Они за народ и против колхозов, и за это их расстреляли». Один рабочий сказал: «Я за Гитлера и Троцкого», — очевидно, не понимая, что представляет собой каждый из них, но считая обоих сильными вождями и символами оппозиции Сталину⁴⁹. Непонимание политики вождей особенно заметно в разговорах о Троцком, которого считали то «правым», то «левым». Так, иногда люди предполагали, что он на стороне Сталина, но против Ленина. Иногда — что он выступает против колхозов, за частную собственность и вообще «бухаринец». Некоторые думали, что все трое — Троцкий, Бухарин и Зиновьев — поддерживают крестьянство. Похожим образом служили символами лучшей жизни Зиновьев и царь, судя по словам одного колхозника: «Мы жили лучше при царе, чем сейчас, а когда Зиновьев был руководителем, мы убирали сено и делили его поровну, часть отдавая колхозу, а часть забирая на собственные нужды»⁵⁰. Возможно, подобная путаница объяснялась отчасти тем, что крестьяне просто ассоциировали эти политические фигуры со временем, когда им лучше жилось, например с нэпом. Так, например, считал автор анонимного письма Жданову, который предположил, что в 1935 г. большинство крестьян стояли на стороне Троцкого, поскольку «при Троцком с 1919 по 1930 г.» у них была частная собственность, свободная торговля и более низкие цены⁵¹. Ясно, что вывод несколько преувеличен в надежде напугать Жданова размахом «троцкизма»: вряд ли «большинство» крестьян разделяли такую точку зрения на Троцкого.

Наряду с неосведомленностью о политических курсах различных лидеров, наблюдалась тенденция необоснованно проводить границу между любимым лидером и коммунистами. Это началось еще во время Гражданской войны, когда люди поддерживали «большевиков», а не «коммунистов», или выступали за «советскую власть», но опять же против «коммунистов»⁵². Как показано в гл. 8, слово «коммунист» приобрело негативное значение. Поэтому один плотник противопо-

ставлял Троцкого коммунистам, представляя его человеком, стоящим за рабочих. Выступая на предвыборном митинге в 1937 г., он заявил: «Вы, коммунисты, гнилая интеллигенция: я хочу голосовать за Троцкого». Бухарин, Рыков и Зиновьев также считались врагами коммунистов и поэтому заслуживали поддержки⁵³.

Хотя некоторые критиковали саму идею «культа личности», большинство простых людей, очевидно, не имели четкого представления об альтернативном типе руководства. Чаще всего в своих нападках на культ они просто переворачивали с ног на голову его атрибуты. Во многих отношениях такая инверсия лишь укрепляла статус-кво, поскольку подразумевала признание фундаментальности переворачиваемого порядка. Даже люди, способные вообразить иные модели управления, зачастую выбирали те, что были по своему существу авторитарными, и описывали их языком культа. Мысль о коллективном руководстве никому не приходила в голову. После смерти Кирова один раз прозвучало предложение заменить его коллективом руководителей, как в свое время заменили Ленина, но это чрезвычайно редкое исключение из правила⁵⁴. Следовательно, гегемонный дискурс имел весьма значительную власть над общественным мнением. Однако этот дискурс не являлся исключительно продуктом правящей элиты. Как показала предыдущая глава, поток идей не был однонаправленным — народное мнение также накладывало свой отпечаток на пропаганду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключение подразумевает завершение, но в данном случае так можно сказать лишь условно. Я обобщила результаты предварительного исследования, которое, наверное, поднимет больше вопросов, чем я сумела дать ответов. До сих пор систематическое изучение народного мнения в сталинской России не представлялось возможным. Сейчас впервые мы получили доступ к голосам из прошлого. Часто они доносятся к нам из сводок информаторов и ответственных партийных работников. Несмотря на очевидные проблемы, возникающие при работе с этими источниками, они открываются, чтобы дать нам представление об истинном гласе народа, и в отсутствие более достоверных фактов о народных настроениях историки должны их использовать, хотя и с осторожностью и в сочетании с другими источниками информации.

Новые источники свидетельствуют, что сталинская пропагандистская машина так и не смогла задушить свободную циркуляцию информации в обществе. Эта машина была далеко не всесильна и не обладала достаточными ресурсами и людьми, чтобы работать эффективнее. Целые регионы и социальные группы в различные периоды времени не подпадали под ее влияние, а пропагандистские идеи, которые все-таки доносились до масс, часто воспринимались в искаженном виде. Пропаганда приходилось соперничать с необыкновенно действенной неофициальной сетью информации и идей. Роль слухов, анекдотов, анонимных писем и других «эзоповых» стратегий в советском обществе, видимо, еще не оценена в полной мере. Недооценивается и устойчивость альтернативных дискурсов. Религиозный и националистический дискурсы продолжали использоваться, сохранялись гендерные стереотипы. Циркулировали альтернативные политические идеи, в том числе связанные с Лениным, «рабочей оппозицией», фашизмом и царизмом.

Разумеется, многие люди были восприимчивы к некоторым или даже ко всем концепциям официальной пропаганды. Но все равно культурная гегемония режима была далеко не всеобъемлющей. Влияние на людей пропаганды (или любой «господствующей идеологии») – двусторонний процесс, и понять, как она функционирует,

сложно без осмыслиения того, как ее воспринимают люди. Советская пропаганда была поливалентной, и простые граждане придавали ей смысл, зачастую противоположный тому, что подразумевало правительство. Они подстраивали ее под себя, заставляли работать в соответствии с собственными целями, выбирали те ее аспекты, которые согласовывались с их убеждениями, и отвергали другие.

Сама назойливость и нелепость пропаганды делала ее уязвимой для критики и обеспечивала массы языком протesta. «В большинстве случаев... подчиненным группам не нужно выходить за рамки господствующих идеалов для того, чтобы сформулировать критику в адрес властей. Самая распространенная форма классовой борьбы порождается неспособностью доминантной идеологии справиться с обещаниями, которые она неизбежно в себе содержит. Доминантную идеологию можно обратить против ее привилегированных поборников не только потому, что у подчиненных групп возникают собственные интерпретации, понимание и прочтение ее двусмысленных положений, но в первую очередь благодаря обещаниям, которые правящим классам приходится давать для пропаганды своей власти», — указывает Скотт¹. Наблюдателей давно удивляло, насколько широко в Советском Союзе была распространена практика использования доминирующей идеологии в целях критики властей, особенно учитывая, что официальная советская идеология, казалось, была направлена на улучшение жизни простых людей. Э. П. Томпсон, ученый, не связанный с советологией, неожиданно принял участие в общей дискуссии о том, каким образом официальная риторика «так разошлась с реальностью, что стала лишь слабым мифом и ложью», задаввшись вопросом, правда ли, что лживость официальной советской риторики породила лишь цинизм и приспособленчество, или же «миллионы советских граждан все еще считают землю и заводы *нашими*, а не *их*; все еще гордятся достижениями Октябрьской революции; объединены общим отношением к некоторым социалистическим ценностям; находят в марксистских текстах нечто большее, чем просто миф; и именно поэтому критикуют и все больше и больше будут критиковать свое общество в терминах его собственной риторики»². Мы можем лишь предполагать, существовала ли такая практика в СССР в начале 1970-х гг., когда Томпсон задал этот вопрос, но очевидно, что в 1930-е гг. простые граждане, конечно же, пользовались терминами официальной риторики, чтобы критиковать существующее положение вещей.

Трудно обобщить содержание мнения народа в тот период, поскольку одной из его особенностей была неоднородность, резко

контрастировавшая с тупым единообразием «мнения общественности», о котором говорили официальные СМИ. Однако что-то общее все же имелось. В частности, некоторые рабочие рассматривали эти годы как эпоху «отступления» от идеалов социализма и коммунизма. Часто слышались жалобы, что «все возвращается на круги своя». Мысль об отступлении сопровождалась ощущением поляризации между «нами» (народом) и «ними» (новой элитой), что, бесспорно, помогало раскручивать маховик террора.

Хотя некоторые люди серьезно задумались о «демократии» благодаря Конституции и выборам, другие, по всей видимости, проявляли меньше интереса к политике или общественной жизни, а то и вообще ими не интересовались. Однако почти всех граждан занимал вопрос о продуктах (особенно о хлебе) и, в несколько меньшей степени, о потребительских товарах — сколько они стоят, как их достать. Несмотря на некоторое улучшение условий жизни в годы второй пятилетки, большинству простых людей приходилось бороться за выживание. Дефицит порождал чувство всеобщего равенства.

Отношение к государству было противоречивым. С одной стороны, люди, кажется, надеялись на получение государственных пособий, бесплатного образования, медицинской помощи и т. п. С другой стороны, слышались возражения против уплаты налогов и принудительных государственных займов. Крестьяне крайне резко реагировали на вмешательство государства в сельское хозяйство, сохранялись и антиколхозные настроения. Сталин и другие вожди также вызывали противоречивое отношение: одни считали их отцами-защитниками, другие ругали за то, что не выполняют свою патерналистскую роль.

Некоторые из этих выводов перекликаются с выводами Гарвардского проекта, стартовавшего после окончания Второй мировой войны среди советских беженцев. Выяснилось, что они выступают за официально восхваляемые советские ценности, такие, например, как государственный контроль над тяжелой промышленностью; считают СССР «государством всеобщего благосостояния» и приветствуют могущественного патерналистского вождя во главе государства. Люди смутно представляли себе предпочтительный тип социально-экономического развития страны, чаще всего указывая на нэповскую модель. В книге «Советский гражданин» Инкелес и Бауэр отмечают, что «народные ценности не противоречат большинству *предполагаемых* ценностей советской системы. Наоборот, существует заметная общая конгруэнтность между народными ценностями и целями, которые якобы ставит перед собой система». Как я уже говорила, конфликты возникали только тогда, когда режиму не удавалось достичь этих целей³.

Выражение иных точек зрения в 1930-е гг. нельзя считать симптомами недвусмысленной оппозиции или несогласия и тем более приравнивать к ним. Это значило бы повторять ошибки режима, который классифицировал самые тривиальные критические высказывания как антисоветскую подрывную деятельность. Рассказывая антисталинский анекдот или распевая частушку, критикуя рост цен или требуя гласности, человек не обязательно отвергал советскую систему, социализм или Сталина. Просто люди выражали свое мнение по разным поводам. Например, человек, осуждающий один политический курс, мог быть одновременно энтузиастом другого. Элементы согласия и несогласия, соглашательства и сопротивления могли существовать в одном и том же человеке⁴. Люди свободно перемещались между двумя мирами: миром официальной и «теневой», по определению Ригби, культуры⁵.

Вероятно, эта теневая культура процветала в СССР даже в худшие времена сталинского авторитаризма (а не с 1950-х гг., как утверждает Ригби). Ее существование способствовало уязвимости советской системы и, должно быть, сыграло свою роль в реформах Хрущева и Горбачева и окончательном развале СССР. Однако для того, чтобы изучить этот вопрос глубже, необходимо рассмотреть более продолжительный отрезок времени, чем это было возможно в данной работе, проанализировать природу народного мнения в более ранний и более поздний периоды, проследить его преемственность и новации. Если мы хотим установить, насколько Ленинград представлял собой исключение, то нужно исследовать различные регионы страны и попытаться определить степень различия мнений людей на территории России и/или СССР.

Другой вопрос, который заслуживает большего внимания, — влияние народного мнения на пропаганду и политику. В какой мере режим учитывал общественное мнение и реагировал на него? Кажется, предпринимались сознательные усилия, чтобы откорректировать пропаганду для установления тесного взаимодействия с низами; в частности, с 1934 по 1935 г. ей был придан более популистский тон. Однако без доступа к секретным документам труднее проследить связи между общественным мнением и политическими решениями. Режим, безусловно, проявлял некоторую готовность видоизменять свой курс, например, пошел на определенные уступки крестьянам и верующим. В то же время непохоже, чтобы на него могло подействовать мнение низов, когда речь шла о принятии крупных политических решений, например, не наблюдалось особой реакции на широко распространенную вражду населения к колхозам. Однако, если посмот-

реть на это с другой стороны, не был ли сам террор хотя бы отчасти отчаянным ответом режима, осведомленного о недовольстве низов? Все это очень важные вопросы, которые требуют более подробного исследования.

Цель данной работы более скромная: набросать предварительную «карту» огромной и почти неисследованной области – общественного мнения в России и СССР. Все темы, затронутые здесь, требуют дальнейшего анализа, а также дополнительной работы с новыми источниками. Советский Союз, конечно, умер. Но дискурсы советского периода – это не только вопрос прошлого России, но и ключ к пониманию ее настоящего и будущего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ЛП	Ленинградская правда
П	Правда
РЦХИДНИ	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
ЦГА СПб.	Центральный государственный архив в Санкт-Петербурге
ЦГАИПД СПб.	Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦХДМО	Центр хранения документов молодежных организаций
RR	Russian Review
SP	Fitzpatrick S. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation. Oxford, 1994.
SR	Slavic Review
ST	Stalinist Terror. New Perspectives / ed. J. A. Getty, R. Manning. Cambridge, 1993.

Когда речь идет о письмах и документах, свидетельствующих о народном мнении, я указываю дату и источник соответствующего документа: п – партийные источники (информационный отдел, отдел агитации и пропаганды); к – комсомольские источники; н – НКВД; г – письмо гражданина (за исключением перлюстрированных органами НКВД писем, которые обозначены буквой «н»). Таким образом, «п/34» означает, что это документ 1934 г. из партийных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Timasheff N. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York, 1946; Conquest R. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. London, 1968.
- ² Trotsky L. *The Revolution Betrayed*. London, 1937.
- ³ См. об этом: Conquest R. *The Great Terror*; ST; Medvedev R. *Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism*. London, 1972; Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago. 3 vols.* New York, 1973. Общее количество жертв все еще остается предметом долгих диспутов. Последние работы на этот счет см.: ST (A. Nove, S. Wheatcroft); Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years. A First Approach on the Basis of Archival Evidence* // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1017–1049; Bacon E. *The Gulag at War*. London, 1995. P. 6–41.
- ⁴ Блюм А. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994. С. 125–126.
- ⁵ Такая формулировка содержалась в статье 58-10 Уголовного кодекса 1927 г., см.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1935. С. 21.
- ⁶ См. табл. 1 (с. 16), в которой приведены некоторые данные о числе случаев антисоветской агитации.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 71. Л. 30–32; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 553. Л. 6–7.
- ⁸ Там же. Оп. 28. Д. 22. Л. 20.
- ⁹ До сих пор они ограничивались лишь мемуарами (обычно написанными интеллектуалами и представителями элиты), опубликованными в эмигрантском меньшевистском журнале «Социалистический вестник», материалами из Смоленского архива и интервью с советскими эмигрантами.
- ¹⁰ Общий обзор этих дебатов см.: RR. 1986. Vol. 45. No. 4.
- ¹¹ Примечательное исключение составляет книга: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. London, 1958.
- ¹² См., напр.: Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge, 1979; Idem. *Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939* // SR. 1979. Vol. 38. No. 3. P. 377–402; Siegelbaum

um L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

- ¹³ Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror». Response to Arrest 1935–1939 // SR. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 213–234; Терстон Р. Вежливость и власть на советских фабриках и заводах. Достоинство рабочих 1935–1941 гг. // Российская повседневность 1921–1941 гг. Новые походы. СПб., 1995. С. 59–67.
- ¹⁴ См., напр.: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation. The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London, 1986; SP.
- ¹⁵ Peukert D. Inside Nazi Germany. Conformity, Opposition and Racism in Everyday Life. London, 1989. P. 65; Passerini L. Oral Memory of Fascism // Rethinking Italian Fascism / ed. D. Forgacs. London, 1986. P. 185–196; Idem. Fascism in Popular Memory. The Cultural Experience of the Turin Working Class. Cambridge, 1987.
- ¹⁶ См.: Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation. London, 1995. Отчасти это объясняется источниками, которыми он пользовался. Главным образом Коткин опирался на официальную газету «Магнитогорский рабочий» и не имел доступа к сводкам осведомителей.
- ¹⁷ Ibid. P. 6.
- ¹⁸ Ibid. P. 358.
- ¹⁹ Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation, 1917–1929. Cambridge, 1985. P. 353.
- ²⁰ О слухах см.: Bauer R., Gleicher D. Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // Public Opinion Quarterly. 1953. Vol. 17. No. 3. P. 297–310.
- ²¹ Волошинов В. Марксизм и философия языка. Л., 1930. С. 27 (часто приписывается М. М. Бахтину).
- ²² Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. London, 1984. P. 305.
- ²³ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 5–16.
- ²⁴ Rigby T. Reconceptualising the Soviet System // Developments in Soviet and Post-Soviet Politics / ed. S. White, A. Pravda, Z. Gitelman. 2nd edn. London, 1992. P. 313–314.
- ²⁵ Советы и профсоюзы также в этом участвовали, хотя в 1930-е гг., очевидно, в меньшей степени, чем раньше.
- ²⁶ Подробнее об истории информационного отдела ЦК см.: Аникеев В. Партийная информация в период подготовки Октября // Вопросы истории КПСС. 1970. № 1. С. 95–104; Чернов А. Партийная информация. Вопросы истории и теории. М., 1987. После революции различные отделы ЦК брали на себя ответственность за распределение информации по всем вопросам между центром и периферией. В апреле 1924 г. во время внутрипартийного конфликта, вызванного «Декларацией 46-ти», был создан специальный информационный отдел. Согласно докладу на XIII съезде, его образовали потому, что «в наиболее критические моменты партийной

жизни наш центральный аппарат оказывается недостаточно информированным о настроениях в различных регионах страны» (Тринадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1924. С. 134). В период с 1920-х по 1930-е гг. отдел претерпел некоторые изменения, но его основные функции оставались теми же самыми: информировать центр о партийной работе в регионах, сообщать о политических решениях, принимаемых в центре, и подготавливать информационные сводки по конкретным экономическим и политическим вопросам, а также о настроениях масс.

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 21. Л. 15–16.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 31. Л. 4, 9–10; Д. 120. Л. 112–116; Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3721. Л. 155–9; Ф. 25. Оп. 2. Д. 2225. Л. 34–45.

²⁹ К сожалению, у нас мало данных о роли НКВД в этих мероприятиях. В инструкции ВЧК от 23 февраля 1922 г. задачи ЧК при сборе информации описывалась следующим образом: «Важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений... Для нас является необыкновенно важным знание того, как принимались эти меры [то есть нэп] различными группами населения (рабочими, крестьянами, красноармейцами, мелкой буржуазией и проч.), поскольку эти группы уясняют себе смысл происходящего, как оно отражается в их сознании. Второй задачей госинформации является наблюдение за ростом мелкобуржуазной стихии, за проявлениями мелкобуржуазных настроений в рабочей, партийной, союзной, красноармейской массах, за случаями разъедания мелкобуржуазной стихией советского и партийного аппаратов... Четвертой, чисто чекистской задачей госинформации является осведомление центра об активных проявлениях явной и тайной контрреволюции» (Цит. по: Измозик В. С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995. С. 108).

³⁰ Благодарю Б. Старкова за эти сведения.

³¹ Мемуары см.: Ginsburg E. Into the Whirlwind. London, 1989; Kravchenko V. I Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official. London, 1949; Smith A. I Was a Soviet Worker. London, 1938. Дневники только начали публиковаться. См.: Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995.

³² Например, в юридических журналах и газетах, сообщавших о проявлениях антисемитизма.

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 222. Л. 40–106. (п/34).

³⁴ ЦГАИПД СПб., ЦГА СПб. (Санкт-Петербург), ГАНО (Новосибирск), ГА РФ, РЦХИДНИ, ЦХДМО (Москва). Еще больше документов, возможно, находится в пока недоступном Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ). Две специальные сводки НКВД о народном обсуждении проекта Конституции из этого архива опубликованы в кн.: Неизвестная Россия. XX век: В 3 т. Т. 2. М., 1992. С. 272–281.

- 35 См.: Неизвестная Россия. XX век. Т. 2. С. 200–252, 282–294; Т. 3. М., 1993. С. 324–358; Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. Последнее издание сводок за 1921–1991 гг. см.: Werth N., Moullec G. Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La Société russe dans les documents confidentiels. Paris, 1994. См. также: Лебина Н. Проблемы социализации рабочей молодежи советской России 20–30-х годов: Дисс. СПб., 1994; Яров С. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: В 2 т. Т. 2. М.; СПб., 1992.
- 36 См., напр.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4306. Л. 130, 144 (н/40).
- 37 Там же. Оп. 5. Д. 2696. Л. 48 (п/35).
- 38 Там же. Оп. 2г. Д. 221. Л. 12–13 (г/40).
- 39 См.: Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years.
- 40 ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 6. Л. 4–6.
- 41 Подробнее об этом см.: Davies S. R. Propaganda and Popular Opinion in Soviet Russia, 1934–1941: Ph.D. dissertation. University of Oxford, 1994. Chap. 2.
- 42 Один из возможных подходов – использование устной истории. Но это требует отдельного самостоятельного проекта, и в любом случае устная история интереснее всего тем, что она показывает, каким образом люди вспоминают прошлое. Вряд ли кто-нибудь может вернуться к языку 1930-х гг. шестьдесят лет спустя.
- 43 Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich. Oxford, 1983. Р. 6. Унгер, который попытался сравнить немецкие и советские сводки о настроениях людей (используя довольно скучные сведения из Смоленского архива), утверждает, что советские сводки «гораздо более правдивы и реалистичны»: Unger A. The Totalitarian Party. Party and People in Nazi Germany and Soviet Russia. Cambridge, 1974. Р. 252.
- 44 Я не нашла похожих материалов в таких же количествах в других архивах, но кое-что, все-таки обнаруженное в Москве и Новосибирске, вошло в книгу.
- 45 Rossman J. Worker Resistance under Stalin. Class and Gender in the Textile Mills of Ivanovo Industrial Region, 1926–1941: Ph.D. dissertation. University of California at Berkeley, forthcoming; SP.
- 46 В 1935 г. пять ее районов были присоединены к Калининской области, а в 1937 г. восемнадцать – к Вологодской. В 1928 г. из состава Ленинградской области вышел Мурманский округ, в 1940 г. в ее состав вошла Карелия.
- 47 Ленинградская область: Ист. очерк. Л., 1986; Экономико-статистический справочник Ленинградской области. Л., 1932.
- 48 Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 15–17, 80, 93.
- 49 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2293. Л. 1, 10; Ленинградская область в цифрах. Л., 1936. С. 16.

- 50 Ленинградская область: Ист. очерк; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992; Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 года // Социологические исследования. 1990. № 6; Ленинград в цифрах. Л., 1935, 1936, 1938; Ленинградская область в цифрах. Л., 1935, 1936; Экономико-статистический справочник Ленинградской области.

Глава 1

- ¹ О настроениях рабочих до 1934 г. см.: Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution. Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1988; Ward C. Russia's Cotton Workers and the New Economic Policy. Cambridge, 1990; Chase W. Workers, Society and the Soviet State. Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Urbana, Ill., 1987.
- ² Эмигранты в интервью Гарвардского проекта также одобряли государство всеобщего благосостояния и государственный контроль над экономикой, см.: Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., 1961. Chap. 10.
- ³ Об уровне жизни рабочих см.: Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988. P. 214–223; Andrle V. Workers in Stalin's Russia. Hemel Hempstead, 1988. P. 36–51; Barber J. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers, 1928–1940 // L'industrialisation de l'URSS dans les années trente / dir. C. Bettelheim. Paris, 1982. P. 109–122; Barber J. Housing Conditions of Soviet Industrial Workers, 1928–1941: Paper presented to SIPS seminar, CREES. Birmingham, 1981.
- ⁴ Jasny N. The Soviet 1956 Statistical Handbook. A Commentary. East Lansing, Mich., 1957. P. 41. См. также: Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill, 1980. P. 158; Chapman J. Real Wages in Soviet Russia since 1928. Cambridge, Mass., 1963. P. 196.
- ⁵ Barber J. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers. P. 117.
- ⁶ Шкаратан О. И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму // История СССР. 1964. № 3. С. 39.
- ⁷ Ленинград в цифрах. Л., 1935, 1936.
- ⁸ Ленинград в цифрах. Л., 1936. С. 81; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2423. Л. 53. К 1940 г. средняя жилплощадь на одного человека увеличилась до 6 кв. м в городах области и до 5,2 кв. м в рабочих поселках (Там же. Д. 4641. Л. 28.).
- ⁹ П. 1934. 21 янв.; ЛП. 1934. 17 янв.
- ¹⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 340–360.
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 38. Л. 43 (п/34).
- ¹² Там же. Л. 51. (п/34).
- ¹³ Там же. Л. 41–50 (п/34).
- ¹⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 620. Л. 233–234. (г/34).

- 15 О значении хлеба см.: Smith R. E. F., Christian D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, 1984; Moskoff W. The Bread of Affliction. The Food Supply in the USSR during World War II. Cambridge, 1990. Р. 6–7.
- 16 Осокина Е. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993.
- 17 Труд. 1934. 28 мая. Официальное объяснение причин роста цен – плохой урожай в некоторых регионах страны.
- 18 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 39. Л. 12. (п/34); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 726. Л. 2–5 (п/34) – о настроениях среди железнодорожных рабочих; Спутник агитатора. 1934. Авг. С. 2; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2712. Л. 1–4 (п/34).
- 19 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 46. Л. 165 (п/34).
- 20 Там же. Д. 45. Л. 105 (п/34).
- 21 ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 36. Л. 82 (п/34).
- 22 ЛП. 1935. 2 янв.
- 23 Однако цены на хлеб в коммерческой сети магазинов упали примерно на треть.
- 24 Schwartz S. Labour in the Soviet Union. London, 1953. Р. 157–158.
- 25 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1049. Л. 17 (п/35).
- 26 Эта доля была ненамного ниже, чем после Гражданской войны, – в июне 1922 г. в Ленинграде она составляла 62,8 %, к концу года сократилась до 52,6 %, в период с 1923 по 1928 г. колебалась от 43 до 48,9 %, см.: Шкаратац О. И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму. С. 27.
- 27 Там же. С. 40.
- 28 Осокина Е. Иерархия потребления. С. 39; Andrlé V. Workers in Stalin's Russia. Р. 36.
- 29 Зеленин И. Е. Был ли «колхозный неонэн»? // Отечественная история. 1992. № 2. С. 114 (цит.: РЦХИДНИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5324).
- 30 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2696. Л. 93 (п/35).
- 31 Там же. Оп. 2в. Д. 1200. Л. 66–73 (н/35).
- 32 Jasny N. Soviet Industrialisation, 1928–1952. Chicago, 1961. Р. 170.
- 33 ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 2. Д. 552. Л. 7 (п/35).
- 34 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 49. Л. 262–276 (н/35); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1373. Л. 1–5 (п/35).
- 35 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Кн. 6. М., 1985. С. 120.
- 36 Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth, 1986. Р. 251.
- 37 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4036. Л. 156–157 (п/40).
- 38 Там же. Д. 1518. Л. 183 (г/35).
- 39 Там же. Л. 214–215 (г/35).
- 40 Там же. Л. 9, 11–13 (г/35).

- ⁴¹ Труд. 1935. 23 апр.
- ⁴² Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев, 14–17 ноября 1935: Стеногр. отчет. М., 1935. С. 178.
- ⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 36. Л. 68 (п/36).
- ⁴⁴ Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. Р. 172.
- ⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1004. Л. 77 (п/35); Ф. 563. Оп. 1. Д. 799. Л. 2 (п/35).
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 158. Л. 35.
- ⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1200. Л. 273 (н/35).
- ⁴⁸ Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. Р. 196; Советская законность. 1936. № 7. С. 69.
- ⁴⁹ Thurston R. The Stakhanovite Movement. The Background to the Great Terror in the Factories, 1935–1938 // ST. Р. 142–160.
- ⁵⁰ Как указывает Сигельбаум, «аристократия [трудовая], включающая свыше 25 % всех промышленных рабочих, – это не аристократия», см.: Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. Р. 168. Об изменении статуса см.: Ibid. Р. 184.
- ⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 799. Л. 9, 35 (п/35).
- ⁵² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1200. Л. 278 (н/35).
- ⁵³ Там же. Д. 1830. Л. 6–7, 104 (н/36).
- ⁵⁴ Там же. Д. 1373. Л. 104–105 (п/35); Д. 1200. Л. 272 (н/35); Ф. 25. Оп. 10. Д. 10. Л. 18 (п/35).
- ⁵⁵ Benvenuti F. Stakhanovism and Stalinism, 1934–1938: Paper presented to SIPS seminar, CREES. Birmingham, 1988. Р. 16; Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. Р. 87–88.
- ⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 49. Л. 426–432 (н/35); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1830. Л. 107, 7 (н/36).
- ⁵⁷ Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation. The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London, 1986. Р. 138; ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 27. Л. 36 об. (п/36); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1837. Л. 184–196 (н/36).
- ⁵⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2499. Л. 64 (н/37).
- ⁵⁹ Manning R. The Soviet Economic Crisis of 1936–1940 and the Great Purges // ST. Р. 116–141.
- ⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1837. Л. 183–193 (н/36).
- ⁶¹ Nove A. An Economic History of the USSR. Р. 255.
- ⁶² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2060. Л. 24–41 (п/36); Ф. 25. Оп. 5. Д. 83. Л. 5–12 (п/36).
- ⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1607. Л. 81–82 (п/36).
- ⁶⁴ Там же. Д. 2060. Л. 149 (п/36).
- ⁶⁵ Там же. Оп. 10. Д. 157. Л. 111–112 (п/37).
- ⁶⁶ Manning R. The Soviet Economic Crisis of 1936–1940 and the Great Purges.

- 67 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2224. Л. 9–10 (г/37).
- 68 Там же. Д. 2664. Л. 273–276 (п/37).
- 69 Там же. Д. 2663. Л. 28–29, 35 (п/37).
- 70 ЛП. 1937. 20 июля.
- 71 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2494. Л. 114–124 (н/37). Согласно внутренним партийным сводкам, всего на эту демонстрацию пришло свыше миллиона человек.
- 72 ЦГАИПД СПб. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 164. Л. 103 (п/37).
- 73 Там же. Д. 171. Л. 89 (п/37).
- 74 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 149. Л. 129–132 (г/38).
- 75 Спутник агитатора. 1938. № 18. С. 42.
- 76 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 113. Л. 30 (п/39).
- 77 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2б. Д. 432. Л. 44–45 (п/38).
- 78 ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 2. Д. 618. Л. 245–246 (п/38).
- 79 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3547. Л. 98–107 (н/39).
- 80 Там же. Д. 3720. Л. 352 (п/39).
- 81 Там же. Д. 3563. Л. 30–39, 58–62 (н/39); Д. 3721. Л. 178–193, 200 (п/39).
- 82 Там же. Д. 3570. Л. 77, 84 (н/39).
- 83 Там же. Д. 4016. Л. 1–2, 70, 116, 149 (п/40); Д. 4300. Л. 60, 96–99 (н/40); Д. 3569. Л. 128 (н/39). См. также письма партийным руководителям в кн.: Кризис снабжения 1939–1940 гг. в письмах советских людей / под ред. Е. А. Осокиной // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 3–23.
- 84 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4036. Л. 73–76 (г/40).
- 85 Там же. Д. 4300. Л. 90 (н/40).
- 86 Там же. Л. 47, 77–78 (н/40).
- 87 Осокина Е. А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения, 1939–1941 годы // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32.
- 88 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4020. Л. 276–277, 288–290 (п/40); Д. 4300. Л. 273 (н/40).
- 89 Там же. Д. 4024. Л. 125–126, 224–225 (п/40).
- 90 ЛП. 1937. 5 июля.
- 91 ЛП. 1937. 11 июля, 22 сент.
- 92 См.: Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. Р. 261; Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation. Р. 168.
- 93 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3547. Л. 114–123 (н/39).
- 94 Там же. Д. 3720. Л. 29–35, 121–125 (п/39).
- 95 Там же. Д. 3721. Л. 128–133 (п/39).
- 96 Timasheff N. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946. Р. 139.
- 97 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4313. Л. 349 (н/40).
- 98 Там же. Д. 4828. Л. 1–2 (н/41).

- ⁹⁹ См. также: Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation. Р. 233–253.
- ¹⁰⁰ См., напр.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4029. Л. 197, 250, 251 (п/40); Д. 4031. Л. 50, 97 (п/40); Д. 4032. Л. 29 (п/40); Д. 4035. Л. 10 (п/40); Д. 4306. Л. 42 (н/40); Д. 4313. Л. 74, 247, 249, 252 (н/40).
- ¹⁰¹ Там же. Д. 4029. Л. 198, 239 (п/40).
- ¹⁰² Там же. Д. 4313. Л. 239–240, 280, 275 (н/40).
- ¹⁰³ Там же. Д. 4027. Л. 107 (п/40); Д. 4300. Л. 432 (н/40); Д. 4306. Л. 158 (н/40); Д. 4313. Л. 472 (н/40).
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 4306. Л. 127, 142 (н/40).
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 4313. Л. 239, 270–281 (н/40).
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 4306. Л. 122–217 (н/40). Воскресенье снова стало выходным днем, и это тоже усиливало чувство, что все возвращается к старым порядкам: «Появились генералы и адмиралы; возвращают прежнюю рабочую неделю, воскресенье будет выходным, и единственно, чего не будет, так это священников» (Там же).
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 4300. Л. 427 (н/40); Д. 4306. Л. 130–131 (н/40).
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 4306. Л. 125–129, 192–194 (н/40); Д. 4029. Л. 147 (п/40); Д. 4032. Л. 149 (н/40); Д. 4037. Л. 33, 58 (п/40).
- ¹⁰⁹ Там же. Д. 4306. Л. 177 (н/40).
- ¹¹⁰ Там же. Д. 4809. Л. 2 (п/41).
- ¹¹¹ Там же. Д. 4811. Л. 1–3 (п/41).

Глава 2

- ¹ SP. P. 26–28.
- ² Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth, 1986. P. 246–247, 259; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3538. Л. 87–89.
- ³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1846. Л. 13 (н/36).
- ⁴ Частушка возникла в середине XIX в., хотя сам термин «частушка» впервые употребил Глеб Успенский в 1889 г. Частушки распевали по одному или хором, преимущественно молодые люди на танцах или других празднествах, а также гуляя, работая или баюкая ребенка. Некоторые предполагают, что традиционно их сочиняли женщины, особенно незамужние. Главные темы частушек – это обычно любовь, сатира и, в гораздо меньшей степени, социально-политические проблемы; согласно одному подсчету, последние составляли 3–5 % всех частушек, хотя по другим данным эта цифра больше. Дореволюционные версии частушек, придуманных рабочими, очевидно, несут больший социальный подтекст, чем частушки крестьян, и иногда даже содержат нотки протеста. Частушка обычно состоит из четырех строк (хотя возможны двух-, шести-, восьми-, десяти- или двенадцатистroчные частушки). См.: Самоцветная частушка / сост. А. Бобров, Н. Старшинов. М., 1992; Сборник великорусских частушек / сост. Е. Елеонская. М., 1914; Частушка в записях советского времени /

- сост. З. Власова, А. Горелов. М., 1965; Частушка / сост. В. Боков, В. Бахтин. М., 1966.
- 5 См.: SP. Р. 270–271, 290–292.
- 6 ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5407. Л. 80–85 (к/35); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 88 (н/35); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5407. Л. 85 (к/35).
- 7 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1595. Л. 157 (п/36).
- 8 Подробнее об этом процессе см.: SP. Introduction.
- 9 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2291. Л. 4 (п/34).
- 10 Там же. Оп. 2в. Д. 1187. Л. 85–89 (н/35); Netting A. Images and Ideas in Peasant Art // The World of the Russian Peasant / ed. B. Eklof, S. Frank. London, 1990; SP. Р. 136–139.
- 11 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 106 (н/35); Д. 1855. Л. 208, 214 (н/36).
- 12 Там же. Оп. 10. Д. 118. Л. 127 (п/35); Оп. 2в. Д. 1829. Л. 60–70 (н/36).
- 13 ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 200. Л. 41–51, 69 (п/36).
- 14 Manning R. The Soviet Economic Crisis of 1936–1940 and the Great Purges // ST. Р. 118–119.
- 15 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1841. Л. 53 (н/36); Д. 1844. Л. 27–28 (н/36).
- 16 Там же. Д. 1859. Л. 95–96 (г/36).
- 17 Там же. Д. 2487. Л. 7–8 об., 98–99 (н/37); Д. 2494. Л. 113 (г/37); Д. 2491. Л. 130 об. (н/37).
- 18 Там же. Д. 1859. Л. 95 (н/36); Д. 2490. Л. 81–83, 113 (н/37); Д. 2487. Л. 90 (н/37).
- 19 Там же. Д. 2490. Л. 21, 24, 28, 106 (н/37); Д. 2486. Л. 184 (н/37); Д. 2487. Л. 68 (н/37); Д. 2491. Л. 81–82 (н/37).
- 20 Там же. Д. 3019. Л. 43–50 (н/38).
- 21 Там же. Д. 3549. Л. 155 (н/39).
- 22 Там же. Д. 3025. Л. 120 (п/38).
- 23 Там же. Д. 3539. Л. 14.
- 24 Там же. Д. 3629. Л. 83 (п/39); Д. 3560. Л. 96–97 (н/39).
- 25 Там же. Д. 4177. Л. 58–59 (п/39).
- 26 Там же. Д. 3629. Л. 54–57, 109–124, 132–135, 159–162 (п/39); Д. 3560. Л. 100–102, 135, 150–151, 157 (н/39).
- 27 Там же. Д. 4301. Л. 61–72 (н/40).
- 28 Там же. Д. 4316. Л. 73 (н/40).
- 29 Там же. Д. 4813. Л. 208–209 (п/41).
- 30 Там же. Д. 5435. Л. 126–127 (п/41).
- 31 Там же. Л. 73–74 (п/41).
- 32 Там же. Оп. 5. Д. 5435. Л. 125 (п/41).
- 33 Согласно Александру Даллину, многие колхозники вначале приветствовали немецких оккупантов: Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. London, 1957. Р. 370–371.

Глава 3

- 1 О семейной политике до 1936 г. см.: Schlesinger R. *The Family in the USSR*. London, 1949; Goldman W. *Women, State, and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, 1993.
- 2 См.: Smith S. *Class and Gender. Women's Strikes in St Petersburg 1855–1917 and in Shanghai 1895–1927* // *Social History*. 1994. Vol. 19. No. 2. Р. 141–168. Смит утверждает, что между женскими и мужскими забастовками не было больших различий.
- 3 Хорошее исследование о женщинах деревни того периода см.: Manning R. *Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II* // *Russian Peasant Women* / ed. B. Farnsworth, L. Viola. Oxford, 1992. Р. 206–235.
- 4 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1366. Л. 82–90; Ленинград в цифрах. Л., 1935. С. 108.
- 5 Lapidus G. *Women in Soviet Society*. London, 1978. Р. 211.
- 6 Hoffmann D. *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941*. London, 1994. Р. 119–124.
- 7 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 83. Л. 7 (п/36); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2286. Л. 77 (п/37); Д. 2282. Л. 66 (п/37); Д. 3634. Л. 24 (п/39).
- 8 ЦГАИПД СПб. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 129. Л. 98 (п/35).
- 9 В столовые ходили все реже начиная с 1936 г. (см. гл. 1).
- 10 Hoffmann D. *Peasant Metropolis*. Р. 144.
- 11 Ср. характер сопротивления крестьянок до революции. См.: Alpern Engel B. *Women, Men, and the Languages of Peasant Resistance, 1870–1907* // *Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia* / ed. S. Frank, M. Steinberg. Princeton, 1994. Р. 35–53. Кёнкер замечает, что в 1920-е гг. женщины гораздо охотнее поднимали на заводских митингах вопросы повседневной жизни: Koenker D. *Men Against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia. Gender and Class in the Soviet Workplace* // *American Historical Review*. 1995. Dec. Р. 1443.
- 12 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 2286. Л. 10 (п/37).
- 13 Там же. Д. 46. Л. 62–63 (п/34).
- 14 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2064. Л. 46 (п/36).
- 15 ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5407. Л. 22 (к/35).
- 16 Trotsky L. *The Revolution Betrayed*. London, 1937. Р. 117.
- 17 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2286. Л. 46 (п/34); Ф. 25. Оп. 5. Д. 48. Л. 52–53 (п/34); Д. 45. Л. 73 (п/34); Д. 2286. Л. 45 (п/34); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1373. Л. 2 (п/35).
- 18 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1366. Л. 27–28 (п/35); Ф. 25. Оп. 5. Д. 83. Л. 5 (п/36).
- 19 Fitzpatrick S. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. London, 1992. Р. 231–233.
- 20 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 27. Л. 42 (п/36); Д. 35. Л. 49 (п/36); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1607. Л. 213 (п/36); Д. 1748. Л. 166–167 (п/36).

- ²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1180. Л. 54. Чтобы получить развод, нужно было просто заполнить форму заявления; не требовалось даже согласие супруга.
- ²² См.: Evans J. The Communist Party of the Soviet Union and the Women's Question. The Case of the 1936 Decree «In Defence of Mother and Child» // Journal of Contemporary History. 1981. Vol. 16. No. 4. P. 757–775.
- ²³ Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1978. P. 371, 384.
- ²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1598. Л. 242–244 (п/36).
- ²⁵ Интервью с беженцами в рамках Гарвардского проекта это подтверждают. См.: Thurston R. The Soviet Family during the Great Terror, 1935–1941 // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. No. 3. P. 557; Geiger K. The Family in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1968. P. 99.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2500. Л. 94; Д. 3540. Л. 63.
- ²⁷ Там же. Д. 1598. Л. 237–246 (п/36).
- ²⁸ Там же. Д. 3721. Л. 137 (п/39); Ф. 2. Оп. 2. Д. 618. Л. 346–347 (п/39); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3547. Л. 117–118 (н/37).
- ²⁹ Там же. Д. 3499. Л. 113–114 (п/39).
- ³⁰ Там же. Д. 4313. Л. 238–239 (н/40).
- ³¹ Там же. Д. 4829. Л. 3–5 (в той же информсводке для борьбы с абортами рекомендовалось выпускать больше презервативов; в 1939 г. в Ленинграде было продано 10 425 шт., тогда как в 1940 г. лишь 2 591 шт.); ЛП. 1940. 21 июля.
- ³² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 110. Л. 3; Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4285. Л. 59; Goldman W. Women, State, and Revolution. P. 293.
- ³³ SP. P. 232.
- ³⁴ См.: Kimmerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // RR. 1982. Vol. 42. No. 1. P. 27.
- ³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1598. Л. 1 (п/36); Ф. 25. Оп. 10. Д. 10. Л. 8–10, 26 (п/35); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1829. Л. 22–24 (н/36).
- ³⁶ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 235–238.
- ³⁷ Однако впоследствии на девушек также налагалась эта обязанность, хотя они составили лишь четверть от первого контингента из 600 000 чел., зачисленных в октябре и ноябре 1940 г., см.: Matthews M. The State Labour Reserves. An Episode in Soviet Social History // Slavonic and East European Review. 1983. Vol. 61. No. 2. P. 238–241.
- ³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4035. Л. 22, 45, 137, 139, 141 (п/40).
- ³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 2. Д. 637. Л. 12, 115 (п/39); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4035. Л. 44, 136 (п/40).
- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4037. Л. 1–2 (п/40).
- ⁴¹ Matthews M. The State Labour Reserves. P. 241–242.
- ⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4316. Л. 198–199 (н/40). Речь идет о Николае II.

Глава 4

- 1 Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, Ind., 1978. P. 242; Trotsky L. The Revolution Betrayed. London, 1937. P. 148.
- 2 Timasheff N. Religion in Soviet Russia, 1917–1942. London, 1943. P. 46.
- 3 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1923. Л. 79 (п/36); Д. 1610. Л. 48 (п/36); Оп. 10. Д. 267. Л. 17 об.–18 (п/37); Оп. 2в. Д. 2424. Л. 138 (п/37).
- 4 Там же. Оп. 10. Д. 267. Л. 24 (п/37); Оп. 2в. Д. 2490. Л. 61 (н/37).
- 5 Там же. Оп. 10. Д. 268. Л. 9 (п/37). Примитивные формы религиозности и суеверия были широко распространены в деревне, крестьяне прибегали к помощи колдунов или колдуний в случаях, если заболевали они сами или их скот: Там же. Л. 4–5 (п/37).
- 6 Лебина Н. Проблемы социализации рабочей молодежи советской России 20–30-х годов: Дисс. СПб., 1994. С. 184; Спутник коммуниста в деревне. 1936. № 4. С. 19; Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 года // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 7, 69. Сам вопрос вызывал такое смущение и беспокойство, что принимать эти цифры на веру следует с некоторой осторожностью.
- 7 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 39. Л. 39–46; Д. 54. Л. 32–36; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2494. Л. 117–119.
- 8 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1923. Л. 79–80 (п/36); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5407. Л. 25–26 (к/35).
- 9 Pospelovsky D. The Russian Orthodox Church under the Soviet Regime, 1917–1982. 3 vols. New York, 1984. Vol. 1. P. 103; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1923. Л. 79 (п/36).
- 10 SP. Р. 205.
- 11 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1923. Л. 79–80 (п/36).
- 12 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 39. Л. 39–46.
- 13 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2494. Л. 117–119 (н/37).
- 14 Там же. Л. 126–127 (н/37); Д. 2272. Л. 32–37 (п/37).
- 15 О роли церковных праздников в 1920-х гг. см.: Altrichter H. Insoluble Conflicts. Village Life between Revolution and Collectivization // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture / ed. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, Ind., 1991. P. 195–200.
- 16 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 249. Л. 3–4 (п/36); Оп. 2в. Д. 1595. Л. 13–15 (п/36); Оп. 8. Д. 250. Л. 75 (п/35); Оп. 10. Д. 262. Л. 3–5 (п/37).
- 17 Там же. Оп. 8. Д. 250. Л. 75 (п/35); Оп. 2в. Д. 1610. Л. 50 (п/36).
- 18 Там же. Оп. 2в. Д. 2494. Л. 117 (н/37).
- 19 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 39. Л. 40–41.
- 20 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1844. Л. 181 (н/36); Д. 1846. Л. 46–47 (н/36); Д. 1855. Л. 202 (н/36).
- 21 Вопросы истории. 1993. № 6. С. 8.

- ²² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1610. Л. 49 (п/36); Спутник коммуниста в деревне. 1936. № 4. С. 20; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1772. Л. 21 (п/36); Д. 2286. Л. 49 (п/37); Д. 2272. Л. 33 (п/37).
- ²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1772. Л. 21 (п/36).
- ²⁴ Там же. Д. 2272. Л. 35–36 (п/37).
- ²⁵ О переписи населения см.: Merridale C. The 1937 Census and the Limits of Stalinist Rule // Historical Journal. 1996. Vol. 39. No. 1. P. 225–240.
- ²⁶ Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания. С. 6, 7, 12; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2486. Л. 36–38, 83–84 (н/37); Д. 2423. Л. 110–113 (п/37).
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2482. Л. 74 (п/37); Оп. 10. Д. 263. Л. 40 (п/37); Оп. 2в. Д. 2424. Л. 137 (п/37); Д. 2282. Л. 85 (п/37); Оп. 10. Д. 297. Л. 4–5 (п/37); Д. 303. Л. 97 (п/37); SP. Р. 282–283.
- ²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 267. Л. 43–43 об. (п/37).
- ²⁹ См., напр.: Там же. Оп. 5. Д. 3202. Л. 92 (п/36); Оп. 10. Д. 3633. Л. 140 (п/39); SP. Р. 214. Об истории слухов о конце света в России см.: Viola L. The Peasant Nightmare. Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. P. 747–770.
- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3202. Л. 92 (п/36); Оп. 2в. Д. 2665. Л. 56–57 (п/37).
- ³¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 50. Л. 87–88 (г/38).
- ³² Там же. Л. 99–99 об. (г/38).
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3020. Л. 111 (н/38); Д. 2843. Л. 77–79 (п/38).
- ³⁴ Pospelovsky D. The Russian Orthodox Church under the Soviet Regime. Vol. 1. P. 66.
- ³⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 361.
- ³⁶ Другое объяснение: менее эффективное отслеживание информации о таких настроениях в деревне из-за слабости партийной организации в области.
- ³⁷ В оставшиеся 3,6 % входят: евреи – 0,5 %; вепсы – 0,5 %; белорусы – 0,4 %; немцы – 0,4 %; татары – 0,4 %; латыши – 0,3 %, другие национальности – 1,1 %.
- ³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2490. Л. 62 (н/37); Оп. 2а. Д. 85. Л. 1–10 (п/37).
- ³⁹ Ленинград в цифрах. Л., 1935. С. 9. Показаны лишь три главные этнические группы.
- ⁴⁰ Оставшиеся 5,0 %: белорусы – 1,0 % ; татары – 1,0 %; поляки – 0,6%; эстонцы – 0,5%; немцы – 0,3%; финны – 0,3%; другие национальности – 1,3%.
- ⁴¹ Вся статистика за 1939 г. цит. по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
- ⁴² См.: Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. London, 1958. P. 43, 48.
- ⁴³ Сводки ОГПУ 1926 г. по поводу антисемитизма см.: Неизвестная Россия. XX век. Т. 3. М., 1993. С. 327–352.

- ⁴⁴ Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М., 1929; Лядов Л. О вражде к евреям. М., 1927.
- ⁴⁵ Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР. 1929. Янв. С. 26; Fitzpatrick S. The Russian Revolution. Oxford, 1982. P. 132–133.
- ⁴⁶ В одном докладе ОГПУ от 1934 г. проявления антисемитизма рассматриваются наряду с хулиганством, массовыми драками, преступными действиями и беспорядочными половыми связями как примеры антиобщественного поведения, распространенного среди молодых рабочих, учащихся ФЗУ и школьников. В период с августа 1933 г. по апрель 1934 г. 648 комсомольцев в Центральном районе были привлечены к ответственности за антисемитизм, см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 772. Л. 2–10 (н/34).
- ⁴⁷ См. статьи в журнале «Советская юстиция» и письма в «Ленинградскую правду» 23 июля 1936 г. и 16 сентября 1937 г.
- ⁴⁸ Beizer M. The Jewish Minority in Leningrad, 1917–1939: Paper presented to BASEES conference. Cambridge, England, March 1995. P. 8, 10.
- ⁴⁹ Ibid. P. 10.
- ⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 55. Л. 40 (п/34); Д. 2288. Л. 70 (п/34).
- ⁵¹ Там же. Д. 2288. Л. 3, 44. (п/34); Д. 51. Л. 3 (п/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5343. Л. 17 (к/34).
- ⁵² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 727. Л. 367 (г/35).
- ⁵³ Там же. Д. 1543. Л. 10 (г/35).
- ⁵⁴ Там же. Д. 1518. Л. 9–10 (г/35).
- ⁵⁵ Там же. Д. 1855. Л. 203–204(н/36).
- ⁵⁶ Там же. Д. 2499. Л. 99, 100 (н/37).
- ⁵⁷ Там же. Д. 2665. Л. 4 (п/37).
- ⁵⁸ Там же. Д. 2061. Л. 141 (п/36); Д. 2267. Л. 14, 25 об. (п/37); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 11 (к/37).
- ⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2064. Л. 46 (п/36); Д. 2665. Л. 4 (п/37); Ф. 25. Оп. 10. Д. 17. Л. 80 (п/35); Ф. 24. Оп.2в. Д. 4306. Л. 198 (н/40); Д. 2499. Л. 125 (н/37); Д. 3562. Л. 324, 343 (н/39).
- ⁶⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5386. Л. 171 (к/35).
- ⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2286. Л. 72 (п/37); Д. 2499. Л. 105 (н/37).
- ⁶² Там же. Оп. 5. Д. 2289. Л. 131 (п/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5343. Л. 17, 19 (к/34).
- ⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3202. Л. 92 (п/36).
- ⁶⁴ Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. London, 1961.
- ⁶⁵ Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985. P. 214.
- ⁶⁶ Jahn H. For Tsar and Fatherland? Russian Popular Culture and the First World War // Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. S. Frank, M. Steinberg. Princeton, 1994. P. 142–145.

- ⁶⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2286. Л. 96 (п/37); Д. 3178. Л. 23 (п/38); Д. 2665. Л. 178 (п/37).
- ⁶⁸ Там же. Д. 2499. Л. 81 (н/37); Д. 2286. Л. 13 (п/37).
- ⁶⁹ Разумеется, нет ничего невозможного в предположении, что их писали более грамотные рабочие или крестьяне.
- ⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 47. Л. 197 (г/37); Оп. 2в. Д. 2500. Л. 62 (н/37); Оп. 26. Д. 323. Л. 67–69 (н/37); Оп. 2в. Д. 2499. Л. 29 (н/37); Д. 3569. Л. 257–258 (н/39).

Глава 5

- ¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2714. Л. 30 (п/35); Оп. 2в. Д. 1848. Л. 112 (н/36); Д. 2490. Л. 21–23, 107 (н/37).
- ² Там же. Д. 2665. Л. 57 (п/37); Д. 2490. Л. 23 (н/37); SP. Р. 293–294.
- ³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2291. Л. 20 (п/34).
- ⁴ Там же. Л. 21 (п/34). Это последние строки стихотворения, приведенного полностью в гл. 7 (с. 117).
- ⁵ Олег Хлевнюк предполагает, что Сталин также видел эту взаимосвязь, см.: Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror 1937–1938 // Soviet History 1917–1953. Essays in Honour of R. W. Davies / ed. J. Cooper, M. Perrie, E. A. Rees. London, 1993. P. 174.
- ⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 35. Л. 92 (н/34); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3631. Л. 168 (п/39); Оп. 5. Д. 4897. Л. 61 (п/40); Оп. 2в. Д. 3723. Л. 12 (п/39).
- ⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3561. Л. 210 (н/39).
- ⁸ Там же. Д. 1855. Л. 208 (н/36); Оп. 10. Д. 157. Л. 111–112 (п/36); Оп. 2в. Д. 2064. Л. 46–47 (п/36).
- ⁹ Там же. Д. 2487. Л. 94 (н/37); Д. 2490. Л. 22 (н/37); Д. 3721. Л. 201 (п/39); Д. 3569. Л. 128 (н/39).
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 266–267 (к/37).
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 109–110 (н/35).
- ¹² Там же. Д. 2060. Л. 82 (п/36).
- ¹³ Там же. Д. 1833. Л. 34 (н/36).
- ¹⁴ Там же. Д. 2487. Л. 58 (н/37); Д. 2491. Л. 44 (н/37).
- ¹⁵ Термин «мужик» (буквально «крестьянин») обычно применялся для обозначения «настоящего», то есть сильного русского мужчины.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3721. Л. 186 (п/39).
- ¹⁷ Интересно, что похожий феномен наблюдался и в фашистской Италии. Только там антиправительственные символы были в виде красного флага или серпа и молота, которые малевали на стенах, особенно в туалетах, см.: Andreucci F. «Subversiveness» and Anti-Fascism in Italy // People's History and Socialist Theory / ed. R. Samuel. London, 1981. P. 199–204.
- ¹⁸ Soviet Documents on Foreign Policy / ed. J. Degras. Vol. 3: 1933–1941. Oxford, 1953. P. 367.

- ¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3721. Л. 233–236 (н/39); Д. 3631. Л. 16–17, 83–86 (н/39).
- ²⁰ Там же. Д. 3561. Л. 202 (н/39); Д. 3560. Л. 222 (н/39).
- ²¹ Там же. Д. 3561. Л. 203 (н/39).
- ²² Там же. Д. 3562. Л. 340 (н/39).
- ²³ Там же. Д. 3631. Л. 140–143 (н/39); Д. 3721. Л. 260–262, 271 (н/39).
- ²⁴ Там же. Д. 3721. Л. 278–279, 291–292 (н/39); Д. 3562. Л. 242–243, 256, 301 (н/39).
- ²⁵ Там же. Д. 3562. Л. 330 (н/39); Д. 3721. Л. 299–301 (н/39); Д. 3631. Л. 233 (н/39); Д. 3499. Л. 115–116 (н/39).
- ²⁶ Там же. Д. 3722. Л. 177–179, 262–264 (н/39); Д. 3723. Л. 47–53, 60–62 (н/39).
- ²⁷ Там же. Д. 3722. Л. 177–179, 262–264 (н/39); Д. 3633. Л. 137–140 (н/39).
- ²⁸ Там же. Д. 3633. Л. 176–177, 184–186, 206–208 (н/39).
- ²⁹ Там же. Д. 3723. Л. 16–18 (н/39); Д. 3634. Л. 7–9 (н/39).
- ³⁰ Там же. Д. 3634. Л. 42 (н/39).
- ³¹ Там же. Д. 3723. Л. 62 (н/39).
- ³² Там же. Л. 50 (н/39).
- ³³ Там же. Оп. 2б. Д. 278. Л. 97–98, 135 (г/39).
- ³⁴ Там же. Оп. 2в. Д. 4017. Л. 136–139 (п/40); Оп. 5. Д. 4897. Л. 59 (п/40).
- ³⁵ Soviet Documents on Foreign Policy. Vol. 3. P. 368. Молотов объявил, что убито 49 000 и ранено 158 863 чел., а финская сторона понесла гораздо большие потери. В статье от 1993 г. указывается, что с советской стороны убито и пропало без вести 126 875 чел. (см.: История отечества в документах, 1917–1993: В 4 т. Т. 3. М., 1995. С. 19).
- ³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5135. Л. 143–147 (н/41).

Глава 6

- ¹ Hosking G. The Beginnings of Independent Political Activity // The Road to Post-Communism. Independent Political Movements in the Soviet Union, 1985–1991 / ed. G. Hosking, J. Aves, P. Duncan. London, 1992. P. 2.
- ² Подробнее о принятии Конституции и организации выборов см.: Getty J. A. State and Society under Stalin. Constitutions and Elections in the 1930s // SR. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 18–35.
- ³ Pipes R. The Russian Revolution, 1899–1919. London, 1990. P. 56, 116.
- ⁴ Smith S. Workers and Civil Rights in Tsarist Russia, 1899–1917 // Civil Rights in Imperial Russia / ed. O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 145–169; Edmondson L. Was There a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // Ibid. P. 263–285; Bonnell V. Roots of Rebellion. Worker's Politic and Organisation in St Petersburg and Moscow, 1900–1914. London, 1983. P. 168–171.
- ⁵ Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. London, 1972. P. 113–158.

- ⁶ Koenker D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981. P. 240–247.
- ⁷ Ferro M. October 1917. A Social History of the Russian Revolution. London, 1980. P. 225–226.
- ⁸ Rosenberg W. Russian Labour and Bolshevik Power after October // SR. 1985. Vol. 44. No. 2. P. 213–238; Idem. Reply // Ibid. P. 251–256. Противоположную точку зрения см.: Brovkin V. Politics, Not Economics, Was the Key // Ibid. P. 244–250.
- ⁹ Avrich P. Kronstadt 1921. Princeton, 1970. P. 36, 42, 73, 162–163. См. также недавно опубликованные документы о восстании: Вопросы истории. 1994. № 4–5.
- ¹⁰ Яров С. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: В 2 т. Т. 2. М.; СПб., 1992. С. 543.
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 727. Л. 121 (п/34).
- ¹² Там же. Оп. 5. Д. 2696. Л. 88 (п/35). См также: Там же. Д. 2288. Л. 40 (п/34).
- ¹³ Там же. Оп. 2в. Д. 1846. Л. 45–46 (н/36); Д. 2065. Л. 197 (п/36).
- ¹⁴ Там же. Д. 1855. Л. 208 (н/36).
- ¹⁵ Там же. Д. 2059. Л. 60 (п/36); Ф. 25. Оп. 10. Д. 36. Л. 30 (п/36); Ф. 24. Оп. 5. Д. 83. Л. 24 (п/36); Оп. 2в. Д. 1772 (п/36).
- ¹⁶ Там же. Д. 1772. Л. 16 (п/36).
- ¹⁷ Getty J. A. State and Society under Stalin. Р. 26–27; ЛП. 1936. 2 июля; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1772. Л. 18 (п/36); Д. 1860. Л. 5 (н/36).
- ¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1855. Л. 203–204 (н/36).
- ¹⁹ Getty J. A. State and Society under Stalin. Р. 26.
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1844. Л. 182–183 (н/36); Д. 1846. Л. 40–44, 123 (н/36); Д. 1860. Л. 5, 8, 19 (н/36); Д. 1855. Л. 202 (н/36); Д. 2065. Л. 7, 195 (п/36); Д. 3732. Л. 88 (п/36).
- ²¹ Там же. Оп. 2г. Д. 89. Л. 29–40 (г/37).
- ²² Там же. Оп. 2в. Д. 2487. Л. 60–67 (н/37).
- ²³ Там же. Д. 2059. Л. 61, 67 (п/36).
- ²⁴ Там же. Оп. 2г. Д. 51. Л. 145–148 (г/37).
- ²⁵ Примеры см. в соответствующих разделах гл. 1, 3, 4.
- ²⁶ Вопросы истории. 1993. № 6.
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2286. Л. 49 (п/37).
- ²⁸ Там же. Д. 2498. Л. 150 (н/37).
- ²⁹ Там же. Д. 2499. Л. 48 (н/37).
- ³⁰ Getty J. A. State and Society under Stalin. Р. 31.
- ³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2278. Л. 77 (п/37); Д. 2286. Л. 51 (п/37).
- ³² Там же. Оп. 10. Д. 265. Л. 32–33 (п/37).
- ³³ Там же. Оп. 2в. Д. 2282. Л. 101 (п/37).
- ³⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 695. Л. 131 об. (п/37).
- ³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 259. Л. 69–70 (п/37).

- 36 Там же. Оп. 2в. Д. 2282. Л. 19, 67 (п/37); Д. 2499. Л. 23, 26, 64, 79, 99, 108, 128 (н/37); Д. 2286. Л. 11, 77 (п/37).
- 37 Там же. Д. 2499. Л. 110 (н/37); Д. 2424. Л. 72 (п/37).
- 38 Там же. Д. 2499. Л. 26 (п/37).
- 39 Там же. Д. 2286. Л. 4 (п/37).
- 40 ГАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 86–87 (п/37).
- 41 Там же. Л. 282 (п/37).
- 42 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 325. Л. 33 (п/37).
- 43 ГАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 253 (п/38). Практика написания посланий на избирательных бюллетенях существовала на протяжении всего советского периода.

Глава 7

- ¹ См. прим. 3 к введению.
- ² См.: Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror». Response to Arrest 1935–1939 // SR. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 213–234; Idem. The Stakhanovite Movement // ST. P. 155–160.
- ³ ST. P. 203; Fitzpatrick S. Workers against Bosses. The Impact of the Great Purges on Labor-Management Relations // Making Workers Soviet / ed. L. Siegelbaum, R. Suny. London, 1994. P. 311.
- ⁴ См., напр.: Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror». P. 224–228.
- ⁵ Я отношу убийство Кирова к организованной государством кампании террора, хотя споры о том, кто стоял за этим убийством, все еще продолжаются. См.: Getty J. A. The Politics of Repression Revisited // ST. P. 40–64.
- ⁶ ЛП. 1934. 2 дек.
- ⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 52. Л. 3, 42, 97 (п/34); Д. 47. Л. 19, 20, 44–45 (п/34); Д. 55. Л. 36 (п/34); Д. 44. Л. 15 (п/34); Д. 54. Л. 35 (п/34); Shibutani T. Improvised News. A Sociological Study of Rumour. Indianapolis, 1966. P. 1; Allport G., Postman L. The Psychology of Rumour. New York, 1947. P. 2.
- ⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 43. Л. 5 (п/34).
- ⁹ ЛП. 1934. 3 дек.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 935. Л. 2. Документ датирован 3 декабря; в тот день Медведь был уволен.
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 55. Л. 71 (п/34); Д. 47. Л. 56 (п/34).
- ¹² Там же. Д. 55. Л. 35, 77, 90 (п/34); Д. 54. Л. 99 (п/34); Ф. 24. Оп. 5. Д. 2290. Л. 22 (п/34); ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1102. Л. 167 (к/35). Желябов и Перовская входили в террористическую организацию «Народная воля», члены которой убили Александра II.
- ¹³ Эти слухи очень напоминали те, что ходили на Западе и впоследствии вошли в историографию убийства Кирова.

- ¹⁴ Существует интересная литература о слухах как элементе катарсиса от сублимированных в народе страхов. См.: Allport G., Postman L. *The Psychology of Rumour; Rosnow R., Fine G. Rumor and Gossip. The Social Psychology of Hearsay*. New York, 1976; Farge A., Revel J. *The Rules of Rebellion. Child Abductions in Paris in 1750*. Cambridge, 1991.
- ¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2289. Л. 22 (п/34); Д. 44. Л. 12, 23 (п/34); Д. 45. Л. 9 (п/34); Д. 52. Л. 19, 42 (п/34); Д. 55. Л. 30 (п/34); Д. 47. Л. 100 об., 107, 109, 146 (п/34); Д. 2290. Л. 22 (п/34).
- ¹⁶ Там же. Д. 2290. Л. 8 (п/34); Ф. 25. Оп. 5. Д. 52. Л. 119 (п/34); Ф. 24. Оп. 5. Д. 2291. Л. 4, 24 (п/34).
- ¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 55. Л. 39 (п/34).
- ¹⁸ Там же. Л. 130 (п/34); Д. 43. Л. 6 (п/34); Д. 56. Л. 1, 6 (п/34).
- ¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2291. Л. 21 (п/34).
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 56. Л. 7 (п/34); Д. 47. Л. 20, 120 (п/34).
- ²¹ Там же. Д. 56. Л. 11 (п/34); Д. 47. Л. 120 (п/34); Д. 46. Л. 11 (п/34); Д. 44. Л. 17 (п/34).
- ²² Там же. Д. 44. Л. 13 (п/34); Д. 45. Л. 84, 104, 113 (п/34); Д. 47. Л. 20 (п/34); Д. 54. Л. 80 (п/34).
- ²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1848. Л. 78 (н/36); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 7, 122, 282 (к/37); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2659. Л. 3 (п/37); Д. 3178. Л. 28–29 (п/38).
- ²⁴ Там же. Д. 1848. Л. 76 (н/36); Д. 2061. Л. 4, 184–185 (п/36); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 11 (к/37); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2659. Л. 1, 3, 4 (п/37); Д. 2498. Л. 3 (н/37); Д. 3178. Л. 30 (п/38).
- ²⁵ Там же. Д. 2659. Л. 97, 114–115 (п/37); Д. 2487. Л. 141–147 (н/37); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 13, 32, 34, 54, 57, 75 (к/37); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2664. Л. 204 (п/37); Д. 3178. Л. 4–5 (п/38).
- ²⁶ Kravchenko V. I Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official. London, 1949. Р. 126.
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2267. Л. 27 (п/37); Оп. 5. Д. 3202. Л. 175 (п/36); Оп. 10. Д. 291. Л. 44–46 (п/37); Оп. 2в. Д. 2061. Л. 143–144 (п/36).
- ²⁸ Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / ed. V. Garros, N. Korenhevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. Р. 147–148.
- ²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 65. Л. 57 (п/35); Д. 66. Л. 4 (п/35).
- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1851. Л. 73 (н/36); Д. 2061. Л. 97, 125, 127, 137, 138, 140, 143, 199 (п/36); Д. 2514. Л. 107 (п/37); Оп. 5. Д. 4177. Л. 85 (п/38); Оп. 2в. Д. 3178. Л. 3, 94 (п/38).
- ³¹ Там же. Оп. 5. Д. 2714. Л. 23–26 (п/35).
- ³² Там же. Оп. 2в. Д. 2714. Л. 14 (п/35).
- ³³ Там же. Оп. 5. Д. 2714. Л. 14, 25, 8 (п/35).
- ³⁴ Менее удивительно, что православное духовенство играло важную роль в сборе денег. Один епископ дал каждому выселенному священнику по

- 500 р. и по паре ботинок, а церковные лидеры устраивали сами проводы, см.: Там же. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 46–47 (н/35).
- 35 Там же. Д. 1190. Л. 47 (н/35).
- 36 Там же. Д. 2499. Л. 62, 74–76, 78–79 (н/37).
- 37 Intimacy and Terror. Р. 353; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. Л. 151 (н/37); Д. 2499. Л. 27, 49–50, 59–60, 65, 75, 78 (н/37).
- 38 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2499. Л. 68, 75, 128 (н/37).
- 39 Там же. Д. 2499. Л. 80 (н/37).
- 40 ГАНО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 31. Л. 23 (н/37).
- 41 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2498. Л. 153 (н/37); Д. 2499. Л. 29, 55 (н/37); Д. 3203. Л. 6, 7 (н/38).

Глава 8

- 1 См., напр.: Nove A. Is There a Ruling Class in the USSR? // Soviet Studies. 1975. Vol. 27. No. 4. P. 615–638; Idem. The Class Nature of the Soviet Union Revisited // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. No. 3. P. 298–312; Lane D. Soviet Economy and Society. Oxford, 1985. P. 163.
- 2 О связи между языком и социальной идентичностью см.: Stedman-Jones G. Languages of Class. Cambridge, 1983. P. 22, 101; Making Workers Soviet / ed. L. Siegelbaum, R. Suny. London, 1994; Fitzpatrick S. Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. P. 745–770.
- 3 О статичном и конфликтном образах см.: Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. London, 1959. P. 283–284.
- 4 Hoffmann D. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. London, 1994. P. 107–125.
- 5 Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. P. 285.
- 6 Ossowski S. Class Structure in the Social Consciousness. London, 1963. P. 19–37.
- 7 Tucker R. The Soviet Political Mind. London, 1972. P. 122.
- 8 См.: Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // SR. 1964. Vol. 23. No. 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. No. 1. P. 1–22; Idem. The Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia // SR. 1988. Vol. 47. No. 1. P. 1–20.
- 9 Цит. по: McDaniel T. Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. London, 1988. P. 389.
- 10 О представлениях о врагах в советский период см.: Chase W. Workers, Society and the Soviet State. Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Urbana, Ill., 1987; Koenker D. Class and Class Consciousness in a Socialist Society. Workers in the Printing Trades during NEP // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture / ed. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, Ind., 1991; Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution. Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1988.

- ¹¹ См.: Fitzpatrick S. Workers against Bosses. The Impact of the Great Purges on Labor-Management Relations // Making Workers Soviet. P. 312.
- ¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 46. Л. 109 (п/34); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1914. Л. 58 (п/36); Д. 2286. Л. 12 (п/37); Д. 1914. Л. 3 (п/36); Д. 4306. Л. 176 (н/40); Д. 3563. Л. 32 (н/39); Д. 4313. Л. 279 (н/40); Оп. 5. Д. 2696. Л. 90 (п/35); Оп. 2в. Д. 4306. Л. 213 (н/40); Д. 4300. Л. 275 (н/40).
- ¹³ Подробнее об этом см. ч. III.
- ¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2288. Л. 61, 100 (п/34); Д. 53. Л. 59 (п/34); Оп. 2в. Д. 2286. Л. 97, 78 (п/37).
- ¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 17. Л. 80 (п/35).
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 149. Л. 129 (г/38).
- ¹⁷ Там же. Оп. 5. Д. 49. Л. 117 (п/34).
- ¹⁸ Там же. Д. 2286. Л. 67, 93 (п/34); Оп. 2в. Д. 4306. Л. 128 (н/40).
- ¹⁹ Когда рабочие продвигались вверх по иерархической лестнице, люди возмущались и чувствовали, что их предают, как это было в случае со стахановским движением. Например, один рабочий спросил в 1936 г., почему Стаханов начал стахановское движение, а сам не работает, превратившись в начальника: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 36. Л. 68 (п/36).
- ²⁰ Там же. Д. 303. Л. 162 (п/37); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1855. Л. 210 (н/36); Д. 2499. Л. 24, 26 (н/37).
- ²¹ Там же. Д. 2499. Л. 27 (н/37). См. также: Там же. Л. 48, 79, 105 (н/37).
- ²² Там же. Д. 3179. Л. 110–113 (п/38).
- ²³ Там же. Д. 2685. Л. 2–3 (п/37).
- ²⁴ Там же. Оп. 2г. Д. 47. Л. 197 (г/37).
- ²⁵ Там же. Оп. 2в. Д. 1914. Л. 56 (п/36); Д. 1914. Л. 58 (п/36); Ф. 25. Оп. 10. Д. 163. Л. 141 (п/37).
- ²⁶ Например, во многих работах Риттерспорна и Фицпатрик.
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1190. Л. 88–91 (н/35); Д. 1595. Л. 157 (п/36).
- ²⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 40.
- ²⁹ Фицпатрик также утверждает это, см.: SP. P. 312.
- ³⁰ См., напр.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 48. Л. 1; Д. 48. Л. 3 (п/34).
- ³¹ Там же. Оп. 2б. Д. 33. Л. 43 (н/35).
- ³² Там же. Оп. 5. Д. 48. Л. 12 (п/34); Оп. 2в. Д. 1367. Л. 71–72 (п/35).
- ³³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 547. Л. 61.
- ³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2061. Л. 115 (п/36).
- ³⁵ Там же. Д. 1851. Л. 74 (н/36).
- ³⁶ Там же. Л. 72 (н/36).
- ³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 291. Л. 77 (п/37); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 65 (к/37).
- ³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3178. Л. 19, 23, 29 (п/38).
- ³⁹ Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror». Response to Arrest 1935–1939 // SR. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 219.

- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2664. Л. 1–8 (п/34); Д. 2498. Л. 1–2, 150 (н/37); Д. 2514. Л. 92–93 (н/37); Д. 2286. Л. 13 (п/37); Д. 2665. Л. 2–4 (п/37); Д. 3178. Л. 23, 28–29 (п/38); Ф. 25. Оп. 10. Д. 291. Л. 78 (п/37); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2664. Л. 8 (п/37); Д. 2499. Л. 24 (н/37).
- ⁴¹ Там же. Д. 2499. Л. 24 (н/37).
- ⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 163. Л. 68 (п/37).
- ⁴³ См., напр.: Cohn N. *The Pursuit of the Millennium*. London, 1970.
- ⁴⁴ Steinberg M. Moral Communities. The Culture and Class Relations in the Russian Printing Industry, 1867–1907. Berkeley, 1992. P. 234.
- ⁴⁵ Steinberg M. Workers and the Cross. Religious Imagery in the Writings of Russian Workers, 1910–1924 // RR. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 213–239.
- ⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 1 (г/37).
- ⁴⁷ Там же. Д. 2664. Л. 265 (п/37).
- ⁴⁸ Там же. Д. 2282. Л. 109 (п/37).
- ⁴⁹ Там же. Д. 1518. Л. 184–188 (г/35).
- ⁵⁰ Напр.: Там же. Оп. 5. Д. 2696. Л. 90 (п/35); Д. 3202. Л. 92 (п/36); Оп. 2в. Д. 1833. Л. 185 (н/36).
- ⁵¹ Там же. Д. 2499. Л. 77, 104 (н/37); Оп. 5. Д. 3202. Л. 109 (п/36).
- ⁵² Там же. Оп. 2в. Д. 3720. Л. 339 (п/39). См. также: Там же. Д. 3563. Л. 32 (п/39).
- ⁵³ Там же. Д. 2286. Л. 137 (п/37); Ф. 25. Оп. 10. Д. 17. Л. 80 (п/36).
- ⁵⁴ Напр., «интеллигенция живет за наш счет; они утверждают, что кто не работает – тот не ест, но мы работаем, но еды у нас нет»: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1914. Л. 92 (п/36); Д. 1846. Л. 123 (н/36); Оп. 5. Д. 3732. Л. 88 (п/36).
- ⁵⁵ Там же. Оп. 2в. Д. 1049. Л. 20 (п/35); Оп. 5. Д. 47. Л. 31 (п/34).
- ⁵⁶ Там же. Оп. 2в. Д. 1748. Л. 171 (г/36).
- ⁵⁷ Там же. Д. 3563. Л. 61 (н/39); Д. 1049. Л. 23 (п/35); Д. 4306. Л. 198 (н/40). См. также гл. 4.
- ⁵⁸ Там же. Д. 1518. Л. 183 (г/35).
- ⁵⁹ См. гл. 4.
- ⁶⁰ Steinberg M. Moral Communities. P. 235.
- ⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 14 (г/35).
- ⁶² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 49. Л. 432 (н/35).
- ⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4306. Л. 213 (н/40).
- ⁶⁴ Rittersporn G. The Omnipresent Conspiracy. On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930s // ST. P. 116.
- ⁶⁵ П. 1937. 20 сент.
- ⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1914. Л. 92 (п/36).
- ⁶⁷ Там же. Оп. 5. Д. 38. Л. 46 (п/34).
- ⁶⁸ Там же. Л. 44 (п/34).
- ⁶⁹ Там же. Д. 2286. Л. 6 (п/34).

- ⁷⁰ Там же. Д. 48. Л. 52 (п/34); Д. 46. Л. 141 (п/34); Д. 54. Л. 27 (п/34); Д. 49. Л. 116 (п/34); Оп. 2в. Д. 1200. Л. 70 (н/35); Оп. 5. Д. 2286. Л. 80 (п/34); Д. 2691. Л. 35 (п/35).
- ⁷¹ Там же. Оп. 2в. Д. 1200. Л. 71 (н/35).
- ⁷² Там же. Д. 1049. Л. 22 (п/35); Ф. 25. Оп. 10. Д. 74. Л. 11 (п/37); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1829. Л. 63 (н/36).
- ⁷³ См.: Fitzpatrick S. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. London, 1992. P. 216–237.
- ⁷⁴ ГАНО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 926. Л. 52 (1936).
- ⁷⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 46. Л. 180 (п/34); Д. 49. Л. 11 (п/34).
- ⁷⁶ Trotsky L. The Revolution Betrayed. London, 1937. P. 61.
- ⁷⁷ Fitzpatrick S. The Cultural Front. P. 230.
- ⁷⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1367. Л. 71 (п/35); Ф. 25. Оп. 5. Д. 83. Л. 24 (п/36); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1851. Л. 124 (н/36).
- ⁷⁹ Осокина Е. А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2. С. 97–98.
- ⁸⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 772. Л. 15 (н/34).
- ⁸¹ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1128. Л. 64 (к/35).
- ⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 46. Л. 73 (п/34).
- ⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 32 (г/35).
- ⁸⁴ Там же. Д. 1748. Л. 166–168 (г/36).
- ⁸⁵ Там же. Оп. 5. Д. 2714. Л. 106 (п/35).
- ⁸⁶ Там же. Оп. 2в. Д. 2665. Л. 61–62 (п/37).
- ⁸⁷ Fitzpatrick S. The Cultural Front. P. 230.
- ⁸⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 49. Л. 114 (г/37).
- ⁸⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 48. Л. 53 (п/34).
- ⁹⁰ Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / ed. V. Garros, N. Korenetskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 153–154.
- ⁹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1830. Л. 6 (н/36).
- ⁹² Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // SR. 1979. Vol. 38. No. 3. P. 396.
- ⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4814. Л. 116–117 (п/41); Д. 5134. Л. 30–36 (п/41).

Глава 9

¹ Существует большое количество литературы о различных аспектах сталинского культа. См.: Heizer J. The Cult of Stalin, 1929–1939: Ph.D. dissertation. University of Kentucky, 1977; Kiteme B. The Cult of Stalin. National Power and the Soviet Party State: Ph.D. dissertation. Columbia University, 1989; Gill G. Political Myth and Stalin's Quest for Authority in the Patriy // Authority, Power, and Policy in the USSR / ed. T. Rigby, A. Brown, P. Reddaway. London, 1980. P. 98–117; Idem. The Soviet Leader

Cult. Reflections on the Structure of Leadership in the Soviet Union // British Journal of Political Science. 1980. Vol. 10. No. 2. P. 167–186; Barber J. The Image of Stalin in Soviet Propaganda and Public Opinion during World War II: Paper presented to the IV World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, England, 1990. Внимание этому вопросу уделяется также в биографиях: McNeal R. Stalin, Man and Ruler. London, 1988; Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. London, 1990. Наиболее полное собрание советских аналитических работ: Осмыслить культ Сталина / под ред. Х. Кобо. М., 1989. Дж. Барбер рассмотрел общий вопрос о восприятии культа, см.: Barber J. Working-Class Culture and Political Culture in the 1930s // The Culture of the Stalin Period / ed. H. Gunther. London, 1990. Р. 3–14. О личном вкладе Сталина в создание культа см.: Максименков Л. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 26–43. Сравнение культов Мао и Сталина см.: Gill G. The Cult of Personality and the Search for Legitimation. The Cases of Mao and Stalin: MA thesis. Monash University, 1973; Thompson R. Reassessing Personality Cults. The Case of Stalin and Mao // Studies in Comparative Communism. 1988. Vol. 21. No. 1. P. 99–128.

² Heizer J. The Cult of Stalin. P. 55.

³ П. 1929. 21 дек.

⁴ Дружные ребята. 1932. № 1. С. 4.

⁵ Подробнее о насаждении культа в период 1929–1933 гг., включая утверждение ортодоксального сталинизма в истории и философии, см.: Tucker R. Stalin in Power. P. 146–171.

⁶ П. 1934. 1 янв.; ЛП. 1934. 22 янв.; Tucker R. Stalin in Power. P. 333; Семнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934; Социалистический вестник. 1934. 25 февр. С. 14.

⁷ Gill G. The Soviet Leader Cult.

⁸ См., напр.: Пионер. 1934. № 2. С. 2–3. Среди исследований о переписывании истории см. работу: Сухарев С. Историко-партийная наука в условиях утверждения культа личности И. В. Сталина, 1931–1935: Автореф. дисс. М., 1990. В ней исследуется, в частности, роль Берии в становлении сталинского культа в истории. См. также: Knight A. Beria. Stalin's First Lieutenant. Princeton, 1993.

⁹ ГАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 36. Л. 166–169. ЦК был информирован об этом случае. См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 175. Л. 44.

¹⁰ Знамя. 1989. № 3. С. 67. Авдеенко учился быстро. В своей речи на съезде Советов в 1935 г. он произнес общезвестные слова: «Когда у меня родится сын, когда он научится говорить, то первое слово, которое он произнесет, будет – Сталин»: Там же. С. 50–51.

¹¹ Kershaw I. The Hitler Myth. Image and Reality in the Third Reich. Oxford, 1989. P. 59.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 119. Л. 58.

- ¹³ Красная деревня. 1935. № 35. С. 6; Работница и крестьянка. 1935. № 23. С. 1.
- ¹⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. Стэнфорд, 1967. С. 62.
- ¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3207. Л. 53.
- ¹⁶ Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. London, 1985. P. 142.
- ¹⁷ П. 1936. 25 июля.
- ¹⁸ П. 1937. 1 янв.
- ¹⁹ См., напр., стихотворение «Солнечный человек»: Молодой колхозник. 1938. № 6. С. 1. О фольклоре см.: Miller F. Folklore for Stalin. Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. London, 1990.
- ²⁰ Молодой колхозник. 1937. № 2. С. 2.
- ²¹ П. 1937. 9 дек.
- ²² П. 1937. 5 дек.
- ²³ Китем рассматривает роль Сталина в «сталинском культе» как объединительный символ для национальной консолидации.
- ²⁴ Этую тенденцию отмечает и Г. Алексеев, создавший график динамики культа, исходя из частоты ежемесячных упоминаний имени Сталина и других вождей в газете «Правда»: Алексеев Г. Количественные параметры культа личности // СССР: внутренние противоречия. 1982. № 6. С. 5–11.
- ²⁵ Маяк. 1940. 9 марта.
- ²⁶ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- ²⁷ Там же. С. 101.
- ²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2678. Л. 10.
- ²⁹ Крокодил. 1934. № 35–36. С. 3.
- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1829. Л. 172–173.
- ³¹ Там же. Д. 1017. Л. 116–117.
- ³² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 23.
- ³³ См., напр.: П. 1935. 3 авг. Это характерно именно для 1935 г., когда пропагандировались семейные ценности. В октябре было также опубликовано интервью с матерью Сталина: П. 1935. 28 окт.
- ³⁴ Ср. с отсутствием семьи у Гитлера: «Его безбрачие, которое Геббельс представлял как пожертвование собственным счастьем во имя процветания нации, Гитлером рассматривалось как функциональная необходимость, дабы избежать падения популярности среди немецких женщин, чью поддержку он считал жизненно важной для своего успеха на выборах» (Kershaw I. The Hitler Myth. P. 3).
- ³⁵ Clark K. The Soviet Novel. P. 119–129, 136–155.
- ³⁶ Культ Кирова достиг своего апогея в Ленинградской области и на районных партийных конференциях в январе 1934 г., когда личные заслуги Кирова превозносились выше заслуг других партийных секретарей. См.,

- напр.: Смена. 1934. 10 янв. Районная и заводская пресса не всегда применяла к нему должные эпитеты. Например, одна статья о Кирове называлась «Лучший сталинец», тогда как в самой статье его именовали «лучшим ленинцем». В ту пору Киров был также известен как «лучший соратник нашего великого Сталина» (Большевичка. 1934. 11 янв.). Чудов называл его «ближайшим соратником» (Крестьянская правда (Луга). 1934. 20 янв.), Комаров говорил о «наших блестящих вождях, товарищах Сталине и Кирове» (За социалистическую науку. 1934. 20 янв.).
- ³⁷ Ср.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. С. 12–13.
- ³⁸ ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 655. Л. 49.

Глава 10

- ¹ См.: Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. London, 1972. P. 430. «Социалистический вестник» замечал, что «характерная особенность ответственных работников, безразлично – партийных или беспартийных, – это восторженное, очевидное поклонение Сталину» (1936. 10 февр. С. 15).
- ² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 33. Л. 43 об. (н/35).
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. Л. 45 об. (н/35).
- ⁵ См. гл. 3.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 24. Д. 121. Л. 92 (г/39).
- ⁷ О взаимоотношениях Сталина с писателями см.: Kemp-Welch A. Stalin and the Literary Intelligentsia, 1928–1939. London, 1991.
- ⁸ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 74–75.
- ⁹ См., напр., речь Бабеля на съезде писателей: Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 279.
- ¹⁰ См. личные бумаги Булгакова: Manuscripts Don't Burn. Mikhail Bulgakov: A Life in Letters and Diaries / ed. J. Curtis. London, 1991. См. также: Fleishman L. Boris Pasternak. The Poet and His Politics. London, 1990; Freidin G. A. Coat of Many Colours. Osip Mandel'shtam and the Mythologies of Self-Presentation. London, 1987.
- ¹¹ О взаимоотношениях между царем и людьми см.: Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. London, 1961; Perrie M. The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987; White S. The USSR. Patterns of Autocracy and Industrialism // Political Culture and Political Change in Communist States / ed. A. Brown, J. Gray. London, 1979. P. 25–65. О царском «культе» см.: Живов В., Успенский Б. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости / под ред. Б. Успенского. М., 1987. С. 47–153.

- ¹² Об отношении народа к Ленину см.: Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, 1983.
- ¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2289. Л. 101 (п/34).
- ¹⁴ Там же. Оп. 2в. Д. 4314. Л. 23–25 (н/40).
- ¹⁵ Freeze G. *From Supplication to Revolution. A Documentary Social History of Imperial Russia*. Oxford, 1988. Р. 5.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 4. Л. 3–7; Д. 13. Л. 9–11; Д. 46. Л. 1; Д. 92; Д. 221.
- ¹⁷ Ильиных В. А. Крестьянские челобитные XVIII – первой половины XIX в. на материалах Западной Сибири // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 86–87.
- ¹⁸ Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974. С. 24–25, 44, 104–106, 129–132.
- ¹⁹ Крестьянское движение в России, 1857–1861: Сб. документов. М., 1963. С. 232–233, 256–259.
- ²⁰ См.: Freeze G. *From Supplication to Revolution*. Р. 15.
- ²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1533. Л. 4 (г/35).
- ²² Коммунист. 1990. № 1. С. 95; РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 591. Л. 88 (г/36); Д. 593. Л. 97 (г/37), 155 (г/37); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2225. Л. 223 (г/37).
- ²³ См. также: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2229. Л. 49 (г/37); Оп. 2г. Д. 51. Л. 284 (г/37); Д. 121. Л. 347 (г/38).
- ²⁴ РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 593. Л. 16 (г/37); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2228. Л. 89 (г/37); ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 2. Д. 177. Л. 118 (г/35).
- ²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 51. Л. 77 (г/37); Оп. 2в. Д. 1534. Л. 72 (г/35); Оп. 2г. Д. 53. Л. 135 (г/37); Д. 47. Л. 147, 304 (г/37).
- ²⁶ Там же. Оп. 2в. Д. 727. Л. 304 (г/34); Д. 1520. Л. 73 (г/35); Оп. 2г. Д. 52. Л. 27 (г/37).
- ²⁷ Там же. Оп. 2г. Д. 70. Л. 152 (г/37); Д. 52. Л. 27 (г/37).
- ²⁸ Там же. Д. 48. Л. 302 (г/37); Д. 47. Л. 147 (г/37).
- ²⁹ РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 590. Л. 47 (г/36); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1534. Л. 72 (г/35); Оп. 2г. Д. 52. Л. 37 (г/37).
- ³⁰ РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 593. Л. 16, 36 (г/37); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 1016. Л. 137 (г/37).
- ³¹ Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976.
- ³² Джеймс Скотт также указывает на это: «Составляя петиции в духе официального почтительного дискурса, крестьянство, возможно, в некоторой степени ослабляло смертельный риск, который мог повлечь за собой подобный отчаянный поступок» (Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance*. London, 1990. Р. 95).
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 5. Л. 113–118 (г/35).
- ³⁴ Там же. Оп. 2в. Д. 1193. Л. 10–11 (н/35).
- ³⁵ Гордон Л., Клопов Э. Что это было? М., 1989. С. 143.

- ³⁶ Ср.: Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation. London, 1995. Р. 502–503, н. 108; SP. P. 296.
- ³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 240. Л. 41 (п/35); Д. 251. Л. 1 (п/35).
- ³⁸ Там же. Оп. 10. Д. 268. Л. 12 об. (п/37).
- ³⁹ Там же. Оп. 5. Д. 2290. Л. 55 (п/34); Д. 2289. Л. 7, 28, 32–33 и т. д. (п/34).
- ⁴⁰ Там же. Д. 2289. Л. 4–5, 37, 39, 41 (п/34); Д. 53. Л. 1 (п/34).
- ⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 37. Л. 437–442. Те, кто не был включен в организованные группы из-за недостатка места, пытались попасть туда самостоятельно. Милиция докладывала, что 3 декабря «неорганизованная толпа числом в несколько тысяч человек, соединившись в колонны, давясь и пихаясь, попыталась пробиться как можно быстрее во дворец, не ожидая своей очереди».
- ⁴² Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society: The Soviet Case. Cambridge, 1981. P. 82.
- ⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 5. Л. 105–107 (г/35). Вскоре после этого улицу Желябова переименовали; это была часть кампании против народников.
- ⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 613. Л. 35–36 (г/36).
- ⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 5. Л. 96 (г/35).
- ⁴⁶ РЦХИДНИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 44. Л. 9 (г/39).
- ⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1772. Л. 120, 237, 238 (п/36).
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 2156. Л. 3–12 (г/37–38).
- ⁴⁹ Там же. Л. 3–9 (г/37–38). Есть интересное предположение, что эти письма были написаны специально, в рамках проводимой Ежовым кампании с целью переименования Москвы, см.: Старков Б. Как Москва чуть не стала Сталинодаром // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 126–127.
- ⁵⁰ РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 550. Л. 37 (г/35).
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 24. Д. 123. Л. 71–72 (г/39).
- ⁵² Там же. Д. 125. Л. 126 (г/39).
- ⁵³ Там же. Д. 111 (г/39).
- ⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 5. Л. 84 (г/35).
- ⁵⁵ Старков Б. Как Москва чуть не стала Сталинодаром.
- ⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 591. Л. 9–14 (г/36).
- ⁵⁷ Medvedev R. Let History Judge. P. 302–303.

Глава 11

- ¹ За пролетарские кадры. 1933. 14 окт.
- ² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 118. Л. 127 (п/35); Оп. 5. Д. 43. Л. 33 (п/34); Д. 2291. Л. 24–25 (п/34); Ф. к598. Оп. 5387. Д. 97 (к/35); Ф. 25. Оп. 2. Д. 24. Л. 70; Ф. 24. Оп. 10. Д. 262. Л. 16 (п/37); Д. 262. Л. 14 (п/37).
- ³ Новый путь. 1933. 28 июня.
- ⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3212. Л. 83–85, 92–93, 120 (п/37).

- ⁵ П. 1937. 9 февр. (публикации о том, как в Чечено-Ингушской АССР колхозы получили названия в честь первого и второго секретарей райкома). См. также: П. 1937. 28 марта.
- ⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 548. Л. 36–37 (п/39).
- ⁷ SP. Р. 312.
- ⁸ Борьба классов. 1936. № 4. С. 106.
- ⁹ Вождизм в партии осуждался если не на практике, то в теории; например, Каменев, архитектор культа Ленина, который не был расположен содействовать развитию своего собственного культа, сказал на XIV съезде партии: «Мы против создания теории “вождизма”, мы против создания “вождя”» (Четырнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1925. С. 274).
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 38. Л. 44 (п/34); Ф. 24. Оп. 5. Д. 2290. Л. 34 (п/34); Д. 2288. Л. 67 (п/34); Д. 53. Л. 53 (п/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5387. Л. 138 (к/35); Ф. 24. Оп. 5. Д. 2712. Л. 52 (п/34); Д. 2288. Л. 45, 67, 114 (п/34); Ф. 25. Оп. 5. Д. 47. Л. 19 (п/34).
- ¹¹ В биографии вождей Октябрьской революции, опубликованной в 1924 г., Сталин даже не упомянут среди девяти лидеров (в этом списке: Каменев, Семашко, Рыков, Троцкий, Крупская, Калинин, покойный Ленин, Раковский, Зиновьев), см.: Вожди октябрьской революции. М., 1924.
- ¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2285. Л. 124 (п/34); Д. 45. Л. 101 (п/34); Оп. 2в. Д. 937. Л. 3 (п/34–35); Д. 2061. Л. 115, 179 (п/36); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 91, 300 (к/37); ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 49. Л. 427 (н/35); ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 45. Л. 101 (п/34); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 937. Л. 3. (п/34–35); Д. 2061. Л. 115, 179 (п/36); Д. 2059. Л. 218 (п/36); Д. 2065. Л. 198 (п/36); Д. 1846. Л. 44 (н/36).
- ¹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3207. Л. 29 (п/36).
- ¹⁴ Там же. Оп. 26. Д. 185. Л. 50–52 (н/36).
- ¹⁵ Там же. Оп. 2г. Д. 89. Л. 62 (г/37).
- ¹⁶ Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 118.
- ¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2494. Л. 119–124 (н/37); Д. 2499. Л. 23, 27, 76, 105, 25 (н/37).
- ¹⁸ Там же. Д. 3023. Л. 6 (н/38); Д. 3025. Л. 2 (н/38); Д. 3027. Л. 50, 58 (н/38).
- ¹⁹ Там же. Оп. 2г. Д. 149. Л. 66–66 об. (г/38).
- ²⁰ Там же. Оп. 2в. Д. 4306. Л. 193 (н/40); Д. 4313. Л. 241 (н/40).
- ²¹ Ong W. Orality and Literacy. London, 1982. P. 44–45, 70.
- ²² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 225. Л. 9 (п/35); Оп. 5. Д. 2692. Л. 13 (п/35); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5407. Л. 85 (к/35); Ф. 24. Оп. 5. Д. 2290. Л. 22 (п/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5388. Л. 188 (к/35).
- ²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 53. Л. 1, 62 (п/34). Семейная жизнь Кирова остается загадкой и по сей день. См.: Лебина Н. Миф о Мироныче: Неопубл. рукопись. Фактически ничего не известно о его жене, М. Маркус, которая умерла в 1945 г. Ее сестра, кажется, уничтожила все ее документы после ее смерти.

- ²⁴ ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1102. Л. 167 (к/35); ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2289. Л. 22 (п/34); Д. 2288. Л. 60 (п/34); Д. 45. Л. 5 (п/34); Д. 2288. Л. 35 (п/34); Ф. 25. Оп. 5. Д. 54. Л. 78–79 (п/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 296 (к/37).
- ²⁵ По словам Перри, в сказках «используется утопический элемент психологического исполнения желаний как для самого рассказчика, так и для его аудитории»: Perrie M. Folklore as Evidence of Peasant Mentalité. Social Attitudes and Values in Russian Popular Culture // RR. 1989. Vol. 48. No. 2. P. 126. См. также: Jakobson R. On Russian Fairy Tales // Selected Writings. 8 vols. The Hague, 1966. Vol. 4. P. 82–100 («Сказка выполняет роль социальной утопии... Это мечта о триумфе бедных людей, о превращении батрака в царя»). См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2288. Л. 130 (п/34).
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 772. Л. 16 (н/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5388. Л. 244 (к/35); Ф. 25. Оп. 5. Д. 55. Л. 15 (п/34); Ф. к598. Оп. 1. Д. 5387. Л. 93 (к/35).
- ²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 47. Л. 8 (п/34). Ср.: «Кирова убили – отменили хлебные карточки. Когда Сталина убьют – очередей не будет» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 175. Л. 50 (п/35)). Была еще частушка: «Когда Кирова убили, / Хлеба вдоволь привалило, / Когда Сталина убьют, / Хлеб нам на дом принесут». Но наряду с ней ходила и более пессимистичная: «Когда Кирова убили, / Три дня голодом ходили, / Когда Сталина убьют, / Совсем хлеба не дадут» (ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5407. Л. 81, 85 (к/35)).
- ²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 55. Л. 92 (п/34); РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 175. Л. 96 (п/35).
- ²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2288. Л. 106 (п/34); Ф. 25. Оп. 5. Д. 47. Л. 20 (п/34); Д. 46. Л. 53 (п/34).
- ³⁰ Социалистический вестник. 1934. № 2.
- ³¹ Рютин М. На колени не встану. М., 1992.
- ³² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 56. Л. 108 (п/34).
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 89. Л. 28–29, 40 (г/37).
- ³⁴ Там же. Оп. 5. Д. 2696. Л. 88 (п/35); Оп. 2в. Д. 2659. Л. 1 (п/37); Д. 3178. Л. 28 (п/38); Д. 4020. Л. 290 (п/40); Д. 4027. Л. 40, 106 (п/40); Д. 4032. Л. 149 (п/40); Д. 4306. Л. 179 (н/40).
- ³⁵ Там же. Оп. 2в. Д. 3178. Л. 28 (п/38); Д. 2061. Л. 185 (п/36); Д. 2659. Л. 1–2 (п/37); Д. 2685. Л. 2 (п/37); Д. 4020. Л. 290 (п/40); Д. 4027. Л. 106 (п/40); Д. 4029. Л. 29 (п/40); Д. 4032. Л. 149 (п/40).
- ³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5386. Л. 273 (к/35).
- ³⁷ ГАНО. Ф. 22. Оп. 3. Д. 520. Л. 8 об. (п/35). Другой вариант окончания анекдота: «Потому что Ленин остерегался болота оппозиции, а Stalin бредет через него» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 175. Л. 88 (п/35)).
- ³⁸ О культе Троцкого и начале «вождизма» в партии см.: Овсянников А. Истоки вождизма. Идеология и практика // Формирование административно-командной системы в 20–30-е годы / под ред. В. Дмитренко.

- М., 1992. С. 185–203 (особенно с. 189, 199). В сводках о настроениях людей приводится множество прославляющих Троцкого высказываний. Некоторые из них, вполне возможно, сфабрикованы во время антитроцкистской истерии этого периода, когда легче всего было обвинить кого-нибудь в том, что он поддерживает Троцкого.
- ³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 163. Л. 119 (п/37); Оп. 2в. Д. 2065. Л. 331 (п/36); Оп. 5. Д. 2288. Л. 112 (п/34); Ф. 25. Оп. 5. Д. 49. Л. 89 (п/34); Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2061. Л. 138, 185 (п/36); Д. 2065. Л. 9 (п/36); Д. 2659. Л. 2 (п/37); Д. 2286. Л. 2 (п/37).
- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2659. Л. 1 (п/37).
- ⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 5. Д. 49. Л. 89 (п/34).
- ⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 3202. Л. 166–167 (п/36); Оп. 2в. Д. 2061. Л. 126 (п/36); Д. 2282. Л. 109 (п/37).
- ⁴³ Там же. Оп. 10. Д. 163. Л. 59 (п/37); Оп. 2в. Д. 2061. Л. 97, 116, 125–126, 140, 143, 186 (п/36); Оп. 5. Д. 3207. Л. 27 (п/36).
- ⁴⁴ Там же. Оп. 2в. Д. 2061. Л. 185 (п/36).
- ⁴⁵ Там же. Д. 3178. Л. 94 (п/38); Д. 2499. Л. 69 (н/37).
- ⁴⁶ Там же. Д. 1190. Л. 48 (н/35); Д. 772. Л. 17 (н/34).
- ⁴⁷ Там же. Оп. 5. Д. 3731. Л. 95 (п/37); Оп. 2в. Д. 2286. Л. 12–13 (п/37).
- ⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 10 (к/37); Ф. 24. Оп. 5. Д. 2288. Л. 114 (п/34); Оп. 2в. Д. 2065. Л. 8–9 (п/36); Д. 1914. Л. 8 (п/36); Оп. 5. Д. 2696. Л. 221 (п/35).
- ⁴⁹ Там же. Оп. 2в. Д. 2491. Л. 44 (н/37); Оп. 5. Д. 3202. Л. 65 (п/36). См. также: Там же. Ф. к598. Оп. 1. Д. 5423. Л. 266–267 (к/37).
- ⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2288. Л. 48 (п/37); Оп. 2в. Д. 1851. Л. 72 (н/36); Оп. 10. Д. 291. Л. 78 (п/37); Оп. 2в. Д. 2491. Л. 44 (н/37); Оп. 5. Д. 3739. Л. 10 (п/37); Оп. 10. Д. 118. Л. 128 (п/35); Оп. 2в. Д. 2497. Л. 7 (н/37); Д. 1855. Л. 203 (н/36); Оп. 5. Д. 3731. Л. 95 (п/37).
- ⁵¹ Там же. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 11–13 (г/35).
- ⁵² Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921. Oxford, 1989. Р. 209; Неизвестная Россия. ХХ век: В 3 т. Т. 2. М., 1992. С. 232.
- ⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 298. Л. 71 (п/37); Оп. 2в. Д. 2499. Л. 69 (н/37); Д. 2061. Л. 177 (п/36).
- ⁵⁴ Там же. Оп. 5. Д. 2289. Л. 26 (п/34).

Заключение

- ¹ Scott J. C. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. London, 1985. P. 338.
- ² Thompson E. P. The Poverty of Theory and Other Essays. London, 1978. P. 166.
- ³ Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., 1961. P. 291.

- ⁴ Cp.: White S. Political Culture and Soviet Politics. London, 1979. P. 111.
- ⁵ Rigby T. Reconceptualising the Soviet System // Developments in Soviet and Post-Soviet Politics / ed. S. White, A. Pravda, Z. Gitelman. 2nd edn. London, 1992. P. 312.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Архивные источники

1. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области)

- Ф. 20: Прокуратура Западно-Сибирского края.
- Ф. 47: Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет.
- Ф. 4: Новосибирский областной комитет ВКП(б).
- Ф. 22: Новосибирский городской комитет ВКП(б).
- Ф. 3: Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б).

2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации)

- Ф. 374: Центральная контрольная комиссия ВКП(б).
- Ф. 3316: Центральный исполнительный комитет СССР.
- Ф. 1235: Всероссийский центральный исполнительный комитет.
- Ф. 7523: Верховный Совет СССР.
- Ф. 9401: Народный комиссариат внутренних дел СССР.
- Ф. 8131: Прокуратура СССР.
- Ф. 9474: Верховный суд СССР.

3. РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории)

- Ф. 17: Центральный комитет ВКП(б).
- Ф. 78: Калинин М. И.

4. ЦГА СПб. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга)

- Ф. 7384: Ленинградский совет.

5. ЦГАИПД СПб. (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга)

- Ф. 24: Ленинградский областной комитет ВКП(б).
- Ф. 25: Ленинградский городской комитет ВКП(б).
- Ф. к598: Ленинградский областной комитет ВЛКСМ.

- Ф. 2: Выборгский районный комитет ВКП(б).
- Ф. 416: Центральный районный комитет ВКП(б).
- Ф. 1200: «Красный треугольник» – комитет ВКП(б).
- Ф. 563: Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области.

6. ЦХДМО (Центр хранения документов молодежных организаций)

- Ф. 1: Бюро ВЛКСМ.

II. Газеты и журналы на русском языке

Большевик
Большевичка
Борьба классов
Бюллетень оппозиции
Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР
Военно-исторический журнал
Вопросы истории
Вопросы истории КПСС
Дружные ребята
За пролетарские кадры
За социалистическую науку
Знамя
Известия ЦК КПСС
Исторический архив
Исторический журнал
История СССР
Коммунист
Красная деревня
Крестьянская правда
Крокодил
Ленинградская правда
Молодой колхозник
Новый мир
Новый путь
Огонек
Партийная учеба
Пионер
Под знаменем марксизма
Правда

Пропаганда и агитация
Работница и крестьянка
Родина
Свободная мысль
Смена
Советская законность
Советская юстиция
Советское государство и право
Социалистический вестник
Спутник агитатора
Спутник коммуниста в деревне
СССР: внутренние противоречия
Труд
Юный пролетарий

III. Опубликованные первоисточники

Викторов Б. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990.
Вожди Октябрьской революции. М., 1924.
Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991.
Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989.
История Отечества в документах, 1917–1993: В 4 т. М., 1995.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Кн. 2. М., 1970–1972; Кн. 6–7. М., 1985.
Крестьянское движение в России, 1857–1861: Сб. документов. М., 1963.
Ленинград в цифрах. Л., 1935, 1936, 1938.
Ленинградская область в цифрах. Л., 1935, 1936.
Ленинградская область: Ист. очерк. Л., 1986.
Неизвестная Россия. ХХ век: В 3 т. М., 1992–1993.
Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев, 14–17 ноября 1935: Стеногр. отчет. М., 1935.
Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стеногр. отчет. М., 1934.
Семнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1934.
Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988.
Сталин И. В. Сочинения. Т. 1–13. М., 1946–1951; Т. 14–16. Стэнфорд, 1967.
Тринадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1924.
Уголовный кодекс РСФСР. М., 1935.
Уголовный кодекс РСФСР. М., 1968.
Четырнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1925.
Экономико-статический справочник Ленинградской области. Л., 1932.

- Экономическая жизнь СССР. М., 1967.
- Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки. М., 1930.
- Ehrenburg I. Post-War Years – 1945–1954. London, 1966.
- Evtushenko E. A Precocious Autobiography. London, 1963.
- Freeze G. From Supplication to Revolution. A Documentary Social History of Imperial Russia. Oxford, 1988.
- Ginsburg E. Into the Whirlwind. London, 1989.
- Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s / ed. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995.
- Kravchenko V. I Chose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official. London, 1949.
- Mandel'shtam N. Hope Against Hope. London, 1989.
- Manuscripts Don't Burn. Mikhail Bulgakov: A Life in Letters and Diaries / ed. J. Curtis. London, 1991.
- Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La Société russe dans les documents confidentiels / dir. N. Werth, G. Moullec. Paris, 1994.
- Scott J. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel. Bloomington, Ind., 1989.
- Smith A. I Was a Soviet Worker. London, 1938.
- Soviet Documents on Foreign Policy / ed. J. Degras. Vol. 3: 1933–1941. Oxford, 1953.

IV. Литература

- Алексеев Г. Количественные параметры культа личности // СССР: внутренние противоречия. 1982. № 6. С. 5–11.
- Аникеев В. Партийная информация в период подготовки Октября // Вопросы истории КПСС. 1970. № 1. С. 95–104.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Блюм А. За кулисами «Министерства правды». СПб., 1994.
- Вежливость и власть на советских фабриках и заводах. Достоинство рабочих 1935–1941 гг. // Российская повседневность 1921–1941 гг. Новые подходы. СПб., 1995. С. 59–67.
- Веселый А. Частушки колхозных деревень. М., 1936.
- Волков С. С. Лексика русских членобитных XVII века. Л., 1974.
- Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И. В. Сталин: политический портрет. М., 1989.
- Волошинов В. Марксизм и философия языка. Л., 1930.
- Вылцан М. Победа колхозного строя и мероприятия партии и государства по улучшению жизни советского крестьянина, 1933–1940 гг. // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6.
- Гинзбург И. Еще раз о старом и новом // Тыняновский сборник. 1986. С. 133–140.

- Гордон Л., Клопов Э. Что это было? М., 1989.
- Живов В., Успенский Б. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / Языки культуры и проблемы переводимости / под ред. Б. Успенского. М., 1987. С. 47–153.
- Зеленин И. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.
- Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
- Измозик В. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995.
- Ильиных В. А. Крестьянские членобитные XVIII – первой половины XIX в. На материалах Западной Сибири // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 86–87.
- История и сталинизм / под ред. А. Мерцалова. М., 1991.
- Козлов В. А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. М., 1988.
- Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей / под ред. Е. Осокиной // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 3–23.
- Куромия Х. Сталинская «революция сверху» и народ // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 93–96.
- Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М., 1929.
- Лебина Н. Миф о Мироныче: Неопубл. рукопись.
- Лебина Н. Проблемы социализации рабочей молодежи советской России 20–30-х гг.: Дисс. СПб., 1994.
- Лядов Л. О вражде к евреям. М., 1927.
- Максименков Л. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 26–43.
- Медведев П. Формальный метод в литературоведении. Л., 1928.
- Овсянников Ф. Истоки вождизма. Идеология и практика // Формирование административно-командной системы в 20–30-е годы / под ред. В. Дмитренко. М., 1992. С. 185–203.
- Они не молчали. М., 1991.
- Осмыслить культ Сталина / под ред. Х. Кобо. М., 1989.
- Осокина Е. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2. С. 86–104.
- Осокина Е. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993.
- Осокина Е. Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32.
- Поляков Ю., Жиромская В., Киселев И. Полвека молчания. Всесоюзная перепись населения 1937 года // Социологические исследования. 1990. № 6–8.
- Пропп В. Морфология сказки. М., 1969.
- Риттерспорн Г. Политический подтекст повседневного поведения: Доклад на конференции «Российская повседневность 1921–1941 гг.». СПб., 1994.

- Рютин М. На колени не встану. М., 1992.
- Савинова Е. Карнавализация и целостность культуры // М. М. Бахтин и философия культуры XX века. Проблемы бахтинологии. СПб., 1991. С. 61–69.
- Самоцветная частушка / сост. А. Бобров, Н. Старшинов. М., 1992.
- Сборник великорусских частушек / сост. Е. Елеонская. М., 1914.
- Старков Б. Как Москва чуть не стала Сталинодаром // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 126–127.
- Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
- Сухарев С. Историко-партийная наука в условиях утверждения культа личности И. В. Сталина, 1931–1935: Автореф. дисс. М., 1990.
- Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1990.
- Хлевнюк О. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е гг. М., 1993.
- Хлевнюк О. 1937-й. Stalin, NKVD и советское общество. М., 1992.
- Частушка в записях советского времени / сост. З. Власова, А. Горелов. М., 1965.
- Чернов А. Партийная информация. Вопросы истории и теории. М., 1987.
- Шкаратан О. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44.
- Яров С. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: В 2 т. Т. 2. М.; СПб., 1992.
- Abercrombie N., Hill S., Turner B. The Dominant Ideology Thesis. London, 1980.
- Allport G., Postman L. The Psychology of Rumour. New York, 1947.
- Andreucci F. «Subversiveness» and Anti-Fascism in Italy // People's History and Socialist Theory / ed. R. Samuel. London, 1981. P. 199–204.
- Andrle V. Workers in Stalin's Russia. Hemel Hempstead, 1988.
- Avrich P. Kronstadt 1921. Princeton, 1970.
- Bacon E. The Gulag at War. London, 1995.
- Bakhtin M. The Dialogic Imagination. Austin, Tex., 1981.
- Barber J. Housing Conditions of Soviet Industrial Workers, 1928–1941: Paper presented to SIPS seminar, CREES, Birmingham, 1981.
- Barber J. The Composition of the Soviet Working Class, 1928–1941: Paper presented to SIPS seminar, CREES, Birmingham, 1978.
- Barber J. The Image of Stalin in Soviet Propaganda and Public Opinion during World War II: Paper presented to the IV World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, England, 1990.
- Barber J. The Standard of Living of Soviet Industrial Workers, 1928–1940 // L'Industrialisation de l'URSS dans les années trente / dir. C. Bettelheim. Paris, 1982. P. 109–122.

- Barber J. Working-Class Culture and Political Culture in the 1930s // *The Culture of the Stalin Period* / ed. H. Gunther. London, 1990. P. 3–14.
- Bauer R. The Pseudo-Charismatic Leader in Soviet Society // *Problems of Communism*. 1953. Vol. 3–4. P. 11–14.
- Bauer R., Gleicher D. Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // *Public Opinion Quarterly*. 1953. Vol. 17. No. 3. P. 297–310.
- Beizer M. The Jewish Minority in Leningrad, 1917–1939: Paper presented to BASEES conference, Cambridge, England, March 1995.
- Benvenuti F. Stakhanovism and Stalinism, 1934–1938: Paper presented to SIPS seminar, CREES, Birmingham, 1981.
- Bloch M. *Les Rois thaumaturges*. Paris, 1961.
- Bonnell V. Roots of Rebellion. Workers' Politics and Organisation in St Petersburg and Moscow, 1900–1914. London, 1983.
- Bourdieu P. Distinction. A Social Critique of Taste. London, 1984.
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991.
- Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985.
- Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.
- Brovkin V. Politics, Not Economics, Was the Key // *SR*. 1985. Vol. 44. No. 2. P. 244–250.
- Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. London, 1978.
- Chapman J. Real Wages in Soviet Russia since 1928. Cambridge, Mass., 1963.
- Chase W. Workers, Society, and the Soviet State. Labor and Life in Moscow, 1918–1929. Urbana, Ill., 1987.
- Cherniavsky M. Tsar and People. Studies in Russian Myths. London, 1961.
- Civil Rights in Imperial Russia / ed. O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989.
- Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. London, 1985.
- Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. London, 1984.
- Cobb R. The Police and the People. French Popular Protest, 1789–1820. Oxford, 1970.
- Cohen S. Rethinking the Soviet Experience. Oxford, 1985.
- Cohen S. Stalin's Terror as Social History // *RR*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 375–384.
- Cohn N. The Pursuit of the Millennium. London, 1970.
- Conquest R. The Great Terror. London, 1968.
- Conquest R. What Is Terror? // *SR*. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 235–237.
- Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, Ind., 1978.
- Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. London, 1959.
- Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945. London, 1957.
- Danilov V., Berelowitch A. Les Documents de la VČK-OGPU-NKVD sur la campagne soviétique, 1918–1937 // *Cahiers du monde russe*. 1994. Vol. 35. No. 3. P. 633–640.

- Darnton R. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. Harmondsworth, 1991.
- Darnton R. *The Literary Underground of the Old Regime*. Cambridge, Mass., 1982.
- Davies S. R. *Propaganda and Popular Opinion in Soviet Russia, 1934–1941: Ph.D. dissertation*. University of Oxford, 1994.
- Davis N. Z. *Society and Culture in Early Modern France*. London, 1975.
- De Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984.
- Djilas M. *The New Class*. London, 1957.
- Dunham V. *Middle-Class Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976.
- Engel B. *Women, Men, and the Languages of Peasant Resistance, 1870–1907 // Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. S. Frank, M. Steinberg*. Princeton, 1994.
- Evans J. *The Communist Party of the Soviet Union and the Women's Question. The Case of the 1936 Decree «In Defence of Mother and Child» // Journal of Contemporary History*. 1981. Vol. 16. No. 4. P. 757–775.
- Evans R. *Proletarians and Politics. Socialism, Protest, and the Working Class before the First World War*. New York, 1990.
- Fainsod M. *How Russia Is Ruled*. Cambridge, Mass., 1970.
- Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. London, 1958.
- Farge A., Revel J. *The Rules of Rebellion. Child Abductions in Paris in 1750*. Cambridge, 1991.
- Ferro M. *October 1917. A Social History of the Russian Revolution*. London, 1980.
- Ferro M. *The Russian Revolution of February 1917*. London, 1972.
- Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976.
- Figes O. *Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution, 1917–1921*. Oxford, 1989.
- Filtzer D. *Soviet Workers and Stalinist Industrialisation. The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London, 1986.
- Fitzpatrick S. *Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. P. 745–770.
- Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge, 1979.
- Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism // RR*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 357–373.
- Fitzpatrick S. *Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // SR*. 1979. Vol. 38. No. 3. P. 377–402.
- Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation*. Oxford, 1994.

- Fitzpatrick S. *Suplicants and Citizens. Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s* // SR.
- Fitzpatrick S. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. London, 1992.
- Fitzpatrick S. *The Russian Revolution*. Oxford, 1982.
- Fleishman L. *Boris Pasternak. The Poet and His Politics*. London, 1990.
- Forgas J. *Perspectives on Everyday Understanding*. London, 1981.
- Freidin G. *A Coat of Many Colours. Osip Mandel'shtam and the Mythologies of Self-Presentation*. London, 1987.
- Geiger K. *The Family in Soviet Russia*. Cambridge, Mass., 1968.
- Getty J. A. *Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge, 1985.
- Getty J. A. *State and Society under Stalin. Constitutions and Elections in the 1930s* // SR. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 18–35.
- Getty J. A., Rittersporn G., Zemskov V. *Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years. A First Approach on the Basis of Archival Evidence* // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. No. 4. P. 1017–1049.
- Gill G. *Political Myth and Stalin's Quest for Authority in the Party* // *Authority, Power, and Policy in the USSR* / ed. T. Rigby, A. Brown, P. Reddaway. London, 1980. P. 98–117.
- Gill G. *The Cult of Personality and the Search for Legitimation. The Cases of Mao and Stalin*: MA thesis. Monash University, 1973.
- Gill G. *The Soviet Leader Cult. Reflections on the Structure of Leadership in the Soviet Union* // *British Journal of Political Science*. 1980. Vol. 10. No. 2. P. 167–186.
- Ginsburg C. *The Cheese and the Worms*. London, 1980.
- Goldman W. *Women, State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, 1993.
- Gombrich E. *Art and Illusion*. Oxford, 1989.
- Goody J. *The Domestication of the Savage Mind*. London, 1977.
- Gramsci A. *Selections from the Prison Notebooks* / ed. Q. Hoare, G. Nowell-Smith. London, 1986.
- Guha R. *Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India*. Delhi, 1983.
- Haimson L. *The Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia* // SR. 1988. Vol. 47. No. 1. P. 1–20.
- Haimson L. *The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917* // SR. 1964. Vol. 23. No. 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. No. 1. P. 1–22.
- Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security, 1933–1939*. London, 1984.

- Hatch J. The «Lenin Levy» and the Social Origins of Stalinism. Workers and the Communist Party in Moscow, 1921–1928 // SR. 1989. Vol. 48. No. 4. P. 548–558.
- Havel V. Living in Truth. London, 1990.
- Heizer J. The Cult of Stalin, 1929–1939: Ph.D. dissertation. University of Kentucky, 1977.
- Hoffmann D. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. London, 1994.
- Humphreys G. «Janus-Faced Signs». The Political Language of a Soviet Minority before Glasnost' // Social Anthropology and the Politics of Language / ed. R. Grillo. London, 1989. P. 145–175.
- Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1958.
- Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass., 1961.
- Jahn H. For Tsar and Fatherland? Russian Popular Culture and the First World War // Cultures in Flux. Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. S. Frank, M. Steinberg. Princeton, 1994. P. 131–146.
- Jakobson R. Selected Writings. 8 vols. The Hague, 1966.
- Jameson F. The Political Unconscious. London, 1981.
- Jasny N. Soviet Industrialisation, 1928–1952. Chicago, 1961.
- Jasny N. The Soviet 1956 Statistical Handbook. A Commentary. East Lansing, Mich., 1957.
- Johnson R. Peasant and Proletarian. The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century. New Brunswick, N.J., 1979.
- Joyce P. Visions of the People. Industrial England and the Question of Class, 1848–1914. Cambridge, 1991.
- Kemp-Welch A. Stalin and the Literary Intelligentsia, 1928–1939. London, 1991.
- Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation, 1917–1929. Cambridge, 1985.
- Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich. Oxford, 1983.
- Kershaw I. The Hitler Myth. Image and Reality in the Third Reich. Oxford, 1989.
- Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror 1937–1938 // Soviet History, 1917–1953. Essays in Honour of R. W. Davies / ed. J. Cooper, M. Perrie, E. A. Rees. London, 1993. P. 158–176.
- Kiteme B. The Cult of Stalin. National Power and the Soviet Party State: Ph.D. dissertation. Columbia University, 1989.
- Klimmerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // RR. 1982. Vol. 42. No. 1. P. 24–46.
- Knight A. Beria. Stalin's First Lieutenant. Princeton, 1993.

- Koenker D. Men against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia. Gender and Class in the Soviet Workplace // American Historical Review. 1995. Dec. P. 1438–1464.
- Koenker D. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981.
- Kolonitskii B. Antibourgeois Propaganda and Anti-«Burzhui» Consciousness in 1917 // RR. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 183–196.
- Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation. London, 1995.
- Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution. Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1988.
- La Capra D. Rethinking Intellectual History. London, 1983.
- Lane C. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society: The Soviet Case. Cambridge, 1981.
- Lane D. Soviet Economy and Society. Oxford, 1985.
- Lapidus G. Women in Soviet Society. London, 1978.
- Lefebvre G. La Grande Peur de 1789. Paris, 1932.
- Lenin V. I. Selected Works. Moscow, 1971.
- Levi-Strauss C. Structural Anthropology. London, 1968.
- Lewin M. The Making of the Soviet System. New York, 1985.
- Lotman Ju., Uspenskij V. The Semiotics of Russian Culture / ed. A. Shukman. Ann Arbor, Mich., 1984.
- Lüdtke A. The History of Everyday Life. Princeton, 1995.
- Making Workers Soviet / ed. L. Siegelbaum, R. Suny. London, 1994.
- Manning R. Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II // Russian Peasant Women / ed. B. Farnsworth, L. Viola. Oxford, 1992. P. 206–235.
- Marx K., Engels F. Selected Works. Moscow, 1962.
- Matthews M. Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Lifestyles under Communism. London, 1978.
- Matthews M. The State Labour Reserves. An Episode in Soviet Social History // Slavonic and East European Review. 1983. Vol. 61. No. 2. P. 238–251.
- McAuley M. Bread and Justice. Oxford, 1991.
- McAuley M. Political Culture and Communist Politics. One Step Forward and Two Steps Back // Political Culture and Communist States / ed. A. Brown. London, 1984. P. 13–39.
- McDaniel T. Autocracy, Capitalism and Revolution in Russia. London, 1988.
- McNeal R. Stalin, Man and Ruler. London, 1988.
- Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. London, 1972.
- Merridale C. The 1937 Census and the Limits of Stalinist Rule // Historical Journal. 1996. Vol. 39. No. 1. P. 225–240.

- Miller F. Folklore for Stalin. Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. London, 1990.
- Moore B. Injustice. The Social Bases of Obedience and Revolt. London, 1978.
- Moore B. Terror and Progress USSR. Cambridge, Mass., 1954.
- Moskoff W. The Bread of Affliction. The Food Supply in the USSR during World War II. Cambridge, 1990.
- Nikolaevsky B. Power and the Soviet Elite. London, 1966.
- Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth, 1986.
- Nove A. Is There a Ruling Class in the USSR? // Soviet Studies. 1975. Vol. 27. No. 4. P. 615–638.
- Nove A. The Class Nature of the Soviet Union Revisited // Soviet Studies. 1983. Vol. 35. No. 3. P. 298–312.
- Ong W. Orality and Literacy. London, 1982.
- Ossowski S. Class Structure in the Social Consciousness. London, 1963.
- Passerini L. Fascism in Popular Memory. The Cultural Experience of the Turin Working Class. Cambridge, 1987.
- Passerini L. Oral Memory of Fascism // Rethinking Italian Fascism / ed. D. Forgacs. London, 1986. P. 185–196.
- Perrie M. Folklore as Evidence of Peasant Mentalité. Social Attitude and Values in Russian Popular Culture // RR. 1989. Vol. 48. No. 2. P. 119–143.
- Perrie M. The Agrarian Policy of the Russian Social-Revolutionary Party from Its Origins through the Revolution of 1905–1907. Cambridge, 1976.
- Perrie M. The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987.
- Pethybridge R. The Social Prelude to Stalinism. London, 1974.
- Peukert D. Inside Nazi Germany. Conformity, Opposition and Racism in Everyday Life. London, 1989.
- Pipes R. Russia under the Old Regime. Harmondsworth, 1987.
- Pipes R. The Russian Revolution, 1899–1919. London, 1990.
- Political Culture and Political Change in Communist States / ed. A. Brown, J. Gray. London, 1979.
- Political Legitimation in Communist States / ed. T. Rigby, F. Feher. London, 1982.
- Pospielovsky D. The Russian Orthodox Church under the Soviet Regime, 1917–1982. 3 vols. New York, 1984.
- Priestland D. Ideological Conflict within the Bolshevik Party, 1917–1939. The Question of «Bureaucracy» and «Democracy»: Ph.D. thesis. University of Oxford, 1991.
- Rice C. Russian Workers and the Social-Revolutionary Party through the Revolution of 1905–1907. London, 1988.
- Rigby T. Reconceptualising the Soviet System // Developments in Soviet and Post-Soviet Politics / ed. S. White, A. Pravda, Z. Gitelman. 2nd edn. London, 1992. P. 300–319.

- Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications. Chur, 1991.
- Robin R. *Le Réalisme socialiste. Une Esthétique impossible*. Paris, 1986.
- Rosenberg W. Reply // SR. 1985. Vol. 44. No. 2. P. 251–256.
- Rosenberg W. Russian Labour and Bolshevik Power after October // SR. 1985. Vol. 44. No. 2. P. 213–238.
- Rosenberg W. Smolensk in the 1920s. Party-Worker Relations and the «Vanguard» Problem // RR. 1977. Vol. 36. No. 2. P. 125–150.
- Rosenberg W. Workers and Workers' Control in the Russian Revolution // History Workshop Journal. 1978. Vol. 5. P. 89–97.
- Rosnow R. Psychology of Rumour Reconsidered // Psychological Bulletin. 1980. Vol. 87. No. 3. P. 578–591.
- Rosnow R., Fine G. Rumor and Gossip. The Social Psychology of Hearsay. New York, 1976.
- Rossman J. Worker Resistance under Stalin. Class and Gender in the Textile Mills of Ivanovo Industrial Region, 1926–1941: Ph.D. dissertation. University of California at Berkeley, forthcoming.
- Rude G. Ideology and Popular Protest. London, 1980.
- Rude G. The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1967.
- Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture / ed. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, Ind., 1991.
- Sartori R. Stalinism and Carnival. Organisation and Aesthetics of Political Holidays // The Culture of the Stalin Period / ed. H. Gunther. London, 1990. P. 41–77.
- Schlesinger R. The Family in the USSR. London, 1949.
- Schwartz S. Labour in the Soviet Union. London, 1953.
- Scott J. Domination and the Arts of Resistance. London, 1990.
- Scott J. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. London, 1985.
- Shanin T. The Awkward Class. Oxford, 1972.
- Shibutani T. Improvised News. A Sociological Study of Rumour. Indianapolis, 1966.
- Shils E. Charisma, Order and Status // American Sociological Review. 1965. Apr. P. 199–213.
- Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.
- Smith R., Christian D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, 1984.
- Smith S. Class and Gender. Women's Strikes in St Petersburg 1855–1917 and in Shanghai 1895–1927 // Social History. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 141–168.
- Smith S. Craft Consciousness, Class Consciousness. Petrograd 1917 // History Workshop Journal. 1981. Vol. 11. P. 33–56.
- Smith S. Red Pertograd. Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983.

- Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 4. P. 563–578.
- Social Dimensions of Soviet Industrialisation / ed. W. Rosenberg, L. Siegelbaum. Bloomington, Ind., 1993.
- Social Representations / ed. R. Farr, S. Moscovici. Cambridge, 1984.
- Society and Politics in the Russian Revolution / ed. R. Service. London, 1992.
- Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago*. 3 vols. New York, 1974–1978.
- Stalinism. Essays in Historical Interpretation / ed. R. Tucker. New York, 1977.
- Stalinist Terror. New Perspectives / ed. J. A. Getty, R. Manning. Cambridge, 1933.
- Stedman-Jones G. *Languages of Class*. Cambridge, 1983.
- Steinberg M. Moral Communities. The Cultural and Class Relations in the Russian Printing Industry, 1867–1907. Berkeley, 1992.
- Steinberg M. Workers and the Cross. Religious Imagery in the Writings of Russian Workers, 1910–1924 // *RR*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 213–239.
- Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Visions and Experimental Life in the Revolution. Oxford, 1989.
- Stites R. Russian Popular Culture. Entertainment and Society since 1900. Cambridge, 1992.
- Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1978.
- Suny R. Nationalism and Class in the Russian Revolution. A Comparative Discussion // *Revolution in Russia. Reassessments of 1917* / ed. E. Frankel, J. Frankel, B. Knei-Paz. Cambridge, 1992.
- Suny R. Revision and Retreat in the Historiography of 1917. Social History and Its Critics // *RR*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 165–182.
- Suny R. Toward a Social History of the October Revolution // *American Historical Review*. 1983. Vol. 88. No. 1. P. 31–52.
- The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / ed. R. Davies, M. Harrison, S. Wheatcroft. Cambridge, 1994.
- The Semiotics of Russian Cultural History / ed. A. Nakhimovskii, A. Nakhimovskii. London, 1985.
- The Road to Post-Communism. Independent Political Movements in the Soviet Union, 1985–1991 / ed. G. Hosking, J. Aves, P. Duncan. London, 1992.
- The World of the Russian Peasant / ed. B. Eklof, S. Frank. London, 1990.
- Thompson E. P. Reassessing Personality Cults. The Case of Stalin and Mao // *Studies in Comparative Communism*. 1988. Vol. 21. No. 1. P. 99–128.
- Thompson E. P. The Making of the English Working Class. London, 1980.
- Thompson E. P. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. 1971. Vol. 50. P. 76–131.
- Thompson E. P. The Poverty of Theory and Other Essays. London, 1978.

- Thurston R. Fear and Belief in the USSR's «Great Terror». Response to Arrest 1935–1939 // SR. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 213–234.
- Thurston R. Reassessing the History of Soviet Workers. Opportunities to Criticise and Participate in Decision-Making, 1935–1941 // New Directions in Soviet History / ed. S. White. Cambridge, 1992. P. 160–188.
- Thurston R. The Soviet Family during the Great Terror, 1935–1941 // Soviet Studies. 1991. Vol. 43. No. 3. P. 553–574.
- Timasheff N. Religion in Soviet Russia, 1917–1942. London, 1943.
- Timasheff N. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.
- Tokes R. Opposition in East Europe. London, 1979.
- Trotsky L. The Revolution Betrayed. London, 1937.
- Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. London, 1990.
- Tucker R. The Soviet Political Mind. London, 1972.
- Tucker R. The Theory of Charismatic Leadership // Daedalus. 1968. Vol. 97. No. 3. P. 731–756.
- Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, 1983.
- Unger A. The Totalitarian Party. Party and People in Nazi Germany and Soviet Russia. Cambridge, 1974.
- Viola L. Bab'i bunty and Peasant Women's Protest during Collectivisation // RR. 1986. Vol. 45. No. 1. P. 23–42.
- Viola L. Best Sons of the Fatherland. Workers in the Vanguard of Industrialisation. Oxford, 1987.
- Viola L. The Peasant Nightmare. Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. P. 747–770.
- Voices of Glasnost' / ed. S. Cohen, K. Vanden Heuvel. New York, 1989.
- Von Geldern J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. London, 1993.
- Vovelle M. Ideologies and Mentalities. Cambridge, 1990.
- Ward C. Russia's Cotton Workers and the New Economic Policy. Cambridge, 1990.
- Weber M. On Charisma and Institution-Building / ed. S. Eisenstadt. London, 1968.
- Welch D. The Third Reich. Politics and Propaganda. London, 1995.
- White S. Political Culture and Soviet Politics. London, 1979.
- Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill, 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов 160
Авдеенко А. О. 140, 148
Акулов И. А. 25
Алексеев И. И. 108
Аллилуева Н. С. 166
Аллилуева С. И. 144
Ангелина П. Н. 57
Андреев А. А. 124
Антонюк М. А. 108
Анцелович Н. М. 108
Аржиловский А. С. 116, 136, 163
- Бабель И. Э. 148
Барбюс А. 142
Бауэр Р. 175
Бахтин М. М. 16, 143–144
Белов И. П. 115
Бенвенути Ф. 40
Берия Л. П. 21, 139
Блюхер В. К. 115
Борисов М. В. 114
Булгаков М. А. 134, 148
Бухарин Н. И. 11, 33, 82, 107, 114–
115, 117, 126, 162, 167, 170–172
- Васильева, работница 49
Виноградова, работница 107–108
Виола Л. 82
Волков С. С. 149
Волошинов В. Н. 16
Воронцов, секретарь райкома 160
Ворошилов К. Е. 96–97, 107, 113,
115, 142, 144, 155–156, 168
Вотинцев, активист 108
Вышинский А. Я. 115
- Гамарник Я. Б. 154
Геббелль Й. 140
Герасимов А. М. 139
Гетти Дж. А. 102
Гилл Г. 139
Гитлер А. 61, 91, 93–95, 98, 118, 140,
162–163, 167, 171
Гладстон У. 161
Горбачев М. С. 176
Гордон Л. А. 154
Горин (Горин-Лундин) А. С. 112
Горький М. (Пешков А. М.) 111,
148
Графтио Г. О. 108
Гудкова, работница 64
- Дарендорф Р. 119
Деборин А. М. 162
Демченко М. С. 57, 141
Джонсон Л. 111
Добряков, железнодорожник 35
Драуле М. П. 112
Дыбенко П. Е. 115
- Евдокимов Г. Е. 125
Егоров А. И. 115
Ежов Н. И. 12, 108, 118, 160
Екатерина II 130, 155
Енукидзе А. С. 125, 133
- Жданов А. А. 24, 36–37, 42, 87, 90,
97, 103–105, 122, 124, 128, 130,
134, 144, 149–151, 153, 155, 157,
163–164, 168–169, 171
Желябов А. И. 112, 155

- Заблудовский З. Б.** 87
Зарубин, профессор 163
Зиновьев Г. Е. 11–12, 28, 82, 92, 112, 114–116, 125, 162, 170–172
- Ильин, председатель сельсовета** 160
Инкелес А. 175
Ирклис П. А. 87
- Каганович Л. М.** 88, 111, 115, 139, 142–144
Казакевич В. А. 162
Калинин М. И. 82, 107, 113, 122–123, 142, 147–148, 150–151, 155–157, 159–160
Каменев Л. Б. 11–12, 92, 114–116, 125, 162, 170
Касимов, секретарь райкома 43
Кенез П. 16
Кёнкер Д. 100
Кеннеди Дж. Ф. 111
Кершо Я. 25
Киров С. М. 12, 19, 22, 25, 28, 34, 55–56, 83, 86–89, 92, 110–114, 117–118, 122, 125, 127, 129, 140, 144–145, 148, 155, 159–161, 165–168, 172
Кларк К. 16, 142
Клопов Э. В. 154
Коварский, инженер 108
Кольцов М. Е. 138
Константинова, секретарь парткома 44
Копылев, рабочий 39
Корнилов П. Е. 144
Короткова, работница 64
Корчагина-Александровская Е. П. 107
Косиор С. В. 80
Коткин С. 15–16
Кравченко В. А. 115
Крачковский И. Ю. 132, 162–163
- Кросби Б.** 111
Крупская Н. К. 113
Крылов С. П. 160
Кузнецов, рабочий 128
- Лавриков, секретарь завкома** 43
Лазарева, счетовод 107–108
Ларин Ю. (Лурье М. З.) 85
Лебедев-Кумач В. И. 142
Левин М. 131
Левченко, кандидат в депутаты совета 160
Ленин В. И. 11, 35, 50, 107–108, 115–116, 120, 136, 139, 142–144, 147–148, 155–156, 162, 164, 166–173
Лещинцер Е. Д. 136
Литвинов М. М. 79, 115
Лихорадов Г. И. 38–39
- Макарова, академик** 163
Мандельштам О. Э. 148
Маркс К. 136, 156
Маршалл Дж. 111
Медведь Ф. Д. 112, 114
Мехлис Л. З. 140
Микоян А. И. 88, 107
Молотов В. М. 73, 95, 97–98, 126, 128, 142–143, 159–160
Мэннинг Р. 41
- Назарова, работница** 69
Никаноров, член обкома 107
Николаев Л. В. 111–112, 114, 125
Николай II 74, 134, 170
Ноув А. 36
- Объедков А.** 58
Онг У. 166
Орджоникидзе Г. К. 88–89, 114–116, 126, 142, 156, 160
Осип, секретарь райкома 134
Осокина Е. А. 134
Оссовский С. 119

- Павлов И. П. 104
Пайпс Р. 100
Пассерини Л. 15
Пастернак Б. Л. 142, 148
Перовская С. Л. 112, 155
Перри М. 166
Петр I 27, 155
Подрезов, председатель фабкома 136
Пойкерт Д. 15
Попок Я. А. 105
Пушкин А. С. 75, 104
Пятаков Г. Л. 114–115
- Р**абле Ф. 16
Радек К. Б. 114, 139
Риббентроп Й., фон 95
Ригби Т. 17, 176
Риттерспорн Г. 25, 131
Россман Дж. 26
Рузвельт Ф. Д. 79, 111
Рыбаков В. А. 79
Рыков А. И. 82, 107, 114–115, 117,
 126, 170, 172
Рютин М. П. 169
- С**авельева, работница 65
Сейфуллина Л. Н. 148
Семенова, агитатор 106–107
Сергий (Страгородский И. Н.), ми-
 трополит 83
Серегина, работница 65
Сизова, работница 20
Симонов К. М. 148
Скотт Дж. 174
Сметанин Н. С. 40, 107
Смирнова, работница 64
Сталин И. В. 10–14, 17, 20–21, 27–
 29, 33–36, 39–42, 53–57, 64, 69,
 71, 74, 80, 83, 87–90, 92, 95–96,
 106–108, 110, 113–116, 118–119,
 122–126, 132, 134, 136, 138–157,
 159–161, 163–171, 175–176
Стаханов А. Г. 38–39
- Струве В. В. 162
Суворов А. В. 75
Сысоенкова, работница 46
- Т**вардовский А. Т. 148
Тевосян И. Т. 88, 164
Тельман Э. 111
Терстон Р. 39
Тимашев Н. 10, 49, 75
Тихонов Н. С. 168
Толстой А. Н. 107
Томпсон Э. П. 174
Троцкий Л. Д. 10–11, 20, 22, 37, 50,
 64–65, 75, 88, 94, 104, 107–108,
 115–116, 124, 131, 133, 162,
 167–172
Туполев А. Н. 115
Тухачевский М. Н. 114–116, 126, 170
- У**гаров Ф. Я. 113, 140
- Ф**едоров, рабочий 48
Фейхтвангер Л. 163
Ферро М. 100
Филд Д. 153
Фишпатрик Ш. 26, 66, 71, 110, 133,
 136, 161
Фриз Г. 149
Фурсенко И. 104
- Х**аимсон Л. 120
Хайцер Дж. 138
Хаф Дж. 75
Хольквист М. 16
Хоскинг Дж. 99
Хрушев Н. С. 144, 176
- Ч**удин Б. Н. 113
Чудов М. С. 111, 113
Чулкова Е. М. 156
- Ш**апорина Л. В. 118
Штайнберг М. 127, 130

Щербатский (Щербатской) Ф. И. 162

Эйхе Р. И. 125

Энгельс Ф. 156

Эренбург И. Г. 148

Ягода Г. Г. 114

Якир И. Э. 114

Ян Х. 89

Ярославский Е. М. 83, 85

Ясны Н. 30, 36

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Хронология	7
Введение	10
Часть I. Экономика и общество	29
Глава 1. Рабочие, экономика и трудовая политика	29
Глава 2. Крестьяне и колхоз	53
Глава 3. Женщины, семейная политика, образование	62
Глава 4. Религия и национальный вопрос	75
Часть II. Политика и террор	91
Глава 5. Международные отношения	91
Глава 6. Конституция и выборы	99
Глава 7. Большой террор	110
Глава 8. «Мы» и «они»: социальная идентичность и террор	119
Часть III. Культ вождя	138
Глава 9. Культ вождя в официальном дискурсе	138
Глава 10. Положительное отношение к вождю и культу вождя	146
Глава 11. Отрицательное отношение к вождю и культу вождя	159
Заключение	173
Список сокращений	178
Примечания	179
Библиография	212
Указатель имён	227

Научно-популярное издание

История сталинизма

Дэвис Сара

МНЕНИЕ НАРОДА В СТАЛИНСКОЙ РОССИИ
Тerror, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941

Перевод с английского *B. H. Морозова*

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Л. А. Кругова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.09.2011.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 2208

Издательство «Российская политическая энциклопедия»

(РОССПЭН)

117 393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334–81–87 (дирекция)

Тел./Факс: 334–82–42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14